

Министерство общего и профессионального образования
Свердловской области

Независимый институт истории
материальной культуры

А.М. Сафронова

**СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА НА УРАЛЕ
В XVIII — XIX вв.
и распространение
грамотности среди крестьян**

Екатеринбург
2002

УДК 37.018.523(091)(470,5)„17/18”:374.7-058.232.6

ББК 74.03(235.55)я721.6

С 21

**Рекомендовано Министерством общего
и профессионального образования Свердловской области
в качестве учебного пособия
для студентов педагогических колледжей, учащихся школ
по региональному компоненту образования.**

Ответственный редактор: доктор ист. наук, проф. А.В. Черноухов

Рецензенты: канд. ист. наук, доцент Г.А. Кулагина,

канд. ист. наук. А.Г. Мосин

Сафронова А.М.

С 21 Сельская школа на Урале в XVIII—XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. Екатеринбург, 2002 — 120 с.:ил., таб.

ISBN 5-7851-0397-4

Предлагаемая книга посвящена малоизученной теме — обучению детей крестьян в школах Урала в XVIII—XIX вв. Рассматриваются виды сельских школ, их программы, сроки обучения, роль государства, земства, церкви, члвстных лиц в развитии школ и распространении грамотности среди крестьян.

Книга адресована историкам, студентам, учителям и учащимся, всем кто интересуется прошлым Урала, его культурой, историей школ, занимается летописью уральских деревень.

УДК 37.018.523(091)(470,5)„17/18”:374.7-058.232.6

ББК 74.03(235.55)я721.6

ВВЕДЕНИЕ

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, население Урала в 1897 г. составляло 9 млн. 828 тыс. человек. Из них лишь 5,45 % проживало в городах, все прочие — в сельской местности. Среди последних были мастеровые горнозаводских поселков, казаки, духовенство, помещики, но все они вместе взятые составляли ничтожно малую часть сельских жителей, растворенную среди крестьянских миров.

К сожалению, в нашей литературе отсутствуют специальные монографические исследования, посвященные истории сельской школы, имеются лишь некоторые данные об обучении детей на селе в работах, посвященных отдельным личностям, тем или иным видам школ. В первую очередь это касается обучения детей крестьян в XVIII столетии.

Так, уральский историк Н.К. Чупин в статье, посвященной деятельности В.Н. Татищева на Урале в 1720–1722 гг., писал, что “Татищев старался о распространении грамотности и между приписными к заводам крестьянами”, приказал устроить школы в слободах, обучать “хотя по 10 крестьянских мальчиков в каждой слободе”. Чупин опубликовал извлечение из приговора Татищева 1721 г. на жалобы приписных к Алапаевскому заводу крестьян, в котором зажиточным крестьянам предлагалось обучать детей грамоте, дабы “их подьячие не так могли обманывать”. При этом автор констатировал, что “о существовании сельских школ... нет решительно никаких сведений”¹. Нам на основе новых архивных документов удалось показать, что Татищев в первый период своего руководства заводами издал целый ряд распоряжений, касавшихся организации школ в слободах, и добился претворения их в жизнь².

Автор первой монографии о школах горного ведомства Н.В. Нечаев считал, что “хотя в своих первых указаниях Берг-коллегия и предлагала принимать детей приписанных к заводам крестьян..., но это предложение действовало недолго и вскоре сменилось запрещением...”³ О запрете приема детей крестьян в горнозаводские школы писал и другой исследователь горнозаводских школ В.Н.Будрин. Оба автора не оговаривали конкретно, когда и от кого он исходил⁴.

Еще в XIX в. были введены в научный оборот сведения об обучении детей крестьян в народных училищах Вятской губернии⁵. Данные о грамотности крестьян этой губернии в конце XVIII — середине XIX вв. стали предметом специального изучения А.Г. Мосина⁶. Ценные статистические сведения о численности школ, действовавших в селах Урала в середине XIX в., опубликовал Х. Мозель⁷, а уральский историк В. Шишонко привел данные об открытии начальных училищ в уральских селах в первой половине XIX в. и в 1860-70-х гг., о деятельности школы при Далматовском монастыре в первой половине XVIII в, предназначавшейся для обучения детей монастырских крестьян⁸. Н.М. Дружинин в монографии, посвященной реформе государственной деревни П.М. Киселева, проанализировал документы, регламентировавшие организацию школ Министерством госимущества, раскрыл действия властей по обучению детей государственных крестьян, в том числе и на Урале в 1840-1850 гг.⁹

В 1990-х гг. был сделан значительный шаг вперед в изучении истории сельских школ. Ряд новых данных об открытии их в Пермской губернии в дореформенный период привела Т.А. Калинина,¹⁰ а по Оренбургской губернии за тот же период — С.Г. Мирсаитова¹¹. М.Н. Фархшатов основательно изучил развитие мусульманских школ — мектебе и медресе — в Башкирии на протяжении XIX в.¹² М.К. Елисафенко в 1995 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: “Земство и начальное образование на Урале (вторая половина XIX — начало XX в.), в которой проанализировала действия уральского земства по открытию школ на селе¹³. Автор этой работы А.М. Сафронова в коллективной монографии, посвященной культуре русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв., раскрыла действия властей по открытию

школ и распространению грамотности среди крестьян¹⁴. А.А. Сафронов на основе изучения материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. ввел в научный оборот новые данные об уровне грамотности населения уральских сел¹⁵.

Эта книга — первое исследование, посвященное специальному изучению истории школ уральских сел и деревень в XVIII — XIX вв. В ней рассматриваются такие виды учебных заведений, как школы грамоты, приходские училища Министерства народного просвещения, духовного, удельного ведомств, Министерства государственных имуществ; начальные народные училища, церковноприходские школы православного ведомства, мусульманские, земские. Раскрываются основные стороны истории этих учебных заведений, показывается соотношение различных видов школ, действовавших в сельской местности, рассматривается вопрос о грамотности сельского населения.

Для раскрытия темы привлекаются законодательные и нормативные документы, отчеты о деятельности школ, школьная статистика, материалы периодической печати и т. д.

Книга адресуется всем интересующимся историей нашего края, историей его культуры. Прежде всего, она призвана помочь сельским учителям и учащимся школ, ведущим большую поисковую работу для написания летописи уральских деревень. Школа всегда играла особую роль на селе, являлась центром распространения грамотности и образования, была главным очагом культуры. Сельский учитель был важной фигурой, пользовался неизменным уважением всех жителей. Поэтому важно отразить на страницах этой летописи истоки сельской культуры, проследить историю первых школ, знать их ведомственную принадлежность, особенности программ, состава учителей. Помочь в этом и призвана настоящая книга.

ГЛАВА 1.

ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ КРЕСТЬЯН В ШКОЛАХ УРАЛА В XVIII в.

**Причины заинтересованности крестьянских миров
в распространении грамотности. Обучение детей
в “домашних школах” (частных школах грамоты)**

Учитывая важность темы, ее неизученность как в масштабах России, так и на региональном уровне, попытаемся подойти к ее рассмотрению пошире, зададимся вопросом — какие шаги предпринимала верховная власть в деле регламентации обучения государственных крестьян, каковы были объективные потребности в овладении грамотой в самой крестьянской среде, в каких видах школ на Урале дети крестьян могли удовлетворить эту потребность?

Прекрасным источником изучения политики верховной власти в отношении школ является “Полное собрание законов Российской империи”. Изучение актов, опубликованных на его страницах, свидетельствует, что российское государство в XVIII в. на законодательном уровне пыталось обязать всех детей дворян, духовенства и церковнослужителей, солдат получать образование, соответствующее их уровню положения в обществе, открывало для детей этих сословий сеть специальных и общеобразовательных школ, привлекало в учебные заведения детей купцов, посадских, подьячих и других слоев населения, но только не крестьян. Самое многочисленное сословие России оставалось в этом плане вне поля зрения властей, более того, в десятках законодательных актов о сборе детей в школы содержалась оговорка — кроме крестьян. Единственным именованным указом 1797 г. об организации училища земляного битого строения в Тверской губернии предписывалось присылать по два ученика

из государственных крестьян каждой безлесной провинции для обучения возведению из земли домов, скотных дворов, конюшен, оград, покрытию строений из соломы и вереса¹⁶.

То есть в XVIII в. государство еще не поднималось до понимания необходимости распространения грамоты среди крестьян; безграмотность не мешала крестьянскому сословию выполнять свои главные обязанности — сеять хлеб, платить подушную подать. Обучение в школах отвлекало бы их от этих обязанностей, к тому же устройство школ потребовало бы значительных государственных трат. Правда, предполагалось, что дети крестьян, в том числе и крепостных, могут обучаться в народных училищах, открываемых по Уставу 1786 г. в губернских и уездных городах России.

Сами крестьянские миры испытывали необходимость в грамотных людях, они нужны были в слободском управлении, в сельских общинах. Крестьянские общества издавна были самоуправляемыми организациями. Ежегодно крестьяне на сходах избирали своих доверенных лиц — старост, их помощников, десятников, пятидесятников, сотских. Деревне нужны были и целовальники — таможенные, отвечавшие за таможенные сборы на местных торгах; житничьи, обеспечивавшие сбор оброчного хлеба и средств на мирские расходы; мельничные, занимавшиеся сбором денег на помол зерна; полевые, наблюдавшие за состоянием десятинной пашни. В зависимости от размеров крестьянских общин число выборных колебалось¹⁷. При органах крестьянского самоуправления — слободских, общинных — хранились мирская казна, приходно-расходные книги, решения сходов, переписка с земскими и заводскими комиссарами, верными начальствами, земскими конторами.

Главными лицами, на которых возлагались обязанности вести всю письменную документацию, отвечать на поступающие указы, являлись писцы. К ним обращались и крестьяне в случае нужды — составить прошение, написать письмо. Писцы были уважаемыми лицами на селе, к ним ходили на поклон за десятки верст, и, конечно, не с пустыми руками.

В центрах слобод действовали и “площадные писчики”, занимавшиеся составлением документов на заказ, за плату, всем желающим. Кормясь от дел, они должны были определенную часть денег вносить в государственную казну. На-

пример, писчики Арамашевской слободы Иван и Федор Поповы уплатили “с площадного письма откупных денег” в 1721 г. 6 руб. 10 коп., столько же и невьянские — “Андрей Солонин с товарищи”¹⁸.

Должность писца была хлебной, позволяла лицам, ее занимавшим, становиться в ряд с самыми зажиточными жителями деревни. Писцы приобретали реальную власть, и чем крупнее было село, тем значительнее и положение писца.

Писцы были выходцами из крестьянской среды, местными жителями. Желание сохранить свое особое положение и власть заставляло их спланиваться, чтобы не допускать в свою среду пришлых конкурентов. О таком случае повествует в прошении отставной подьячий Иван Ащерин (1749 г.): в 1736 г. он был прислан из Москвы, из Герольдмейстерской конторы, в Екатеринбург по просьбе уральского заводского начальства, служил подьячим в полиции и на Верх-Исетском заводе. После отставки от дел в 1744 г. для прокорма нанимался для письменной работы у мирских людей Арамашевской слободы, “и оной слободы тамошние природные пищики, которым многия крестьяне сродцы, дружа им... разными обидами и гонениями... до сроку отказали...”¹⁹.

Но крестьянский мир не мог во всем уповать на писцов. Представители выборной крестьянской администрации, владеющие грамотой, могли быстрее и легче справиться с порученными делами. Поэтому смысленный, расторопный, к тому же умеющий читать и писать крестьянин скорее мог попасть на должность старосты, целовальника, что заставляло крестьян, желавших выдвинуться на мирские должности, учиться грамоте, растить грамотными своих детей.

Сказывалось и влияние развивающихся товарно-денежных отношений, вовлекавших крестьянские хозяйства в рынок. Поездки на местные торги, ярмарки, на знаменитую Ирбитскую, куда съезжалось купечество и крестьянство за сотни верст, необходимость вести учетные хозяйственные записи, торговые сделки также подвигали уральское крестьянство на овладение грамотой. Не знающие грамоту отцы, войдя в достаток, стремились дать навыки чтения и письма своим сыновьям, выпустить их грамотными в мир.

Еще одной причиной обращения крестьян к книге была их глубокая религиозность, желание постичь священное писание.

Особенно острой эта потребность была у старообрядцев, которых немало жило на Урале. В их среде передача навыков чтения и письма сыновьям была нередким явлением.

Нельзя сбрасывать со счетов и определенную духовную потребность крестьянства в овладении грамотой, открывавшей широкие возможности постижения книжной мудрости, собственного сочинительства.

При отсутствии государственных школ крестьяне Урала, как и России в целом, вынуждены были учить своих детей чтению и письму в семье или у мастеров грамоты за плату. Такие традиции имели глубокие корни и сохранялись вплоть до начала XX в. Учеба начиналась поздней осенью, после уборки урожая, и заканчивалась весной, с началом пахотных работ. В остальные страдные месяцы дети помогали родителям в поле. Домашнее обучение могли вести владевшие грамотой отец, дядья, братья, в некоторых семьях и женщины.

Но обучение в семье занимало очень скромное место. Во всех документах, выявленных в Государственном архиве Свердловской области за XVIII в., речь шла об обучении детей на стороне за плату. Крестьянам, желавшим учить детей, выгоднее было объединиться, нанять учителя, чем самим передавать им навыки чтения и письма, — методика обучения была несовершенна и требовалось много времени на овладение чтением, не говоря уже о письме; занятия должны были вестись регулярно, а не от случая к случаю. Даже в сравнительно свободные от хозяйственных забот зимние дни это было обременительно для старшего поколения. Обычай коллективного найма учителей крестьянами был широко распространен в жизни уральской деревни и в XIX в.

В роли “мастеров грамоты”, обучавших молодежь навыкам чтения, письма, а потом и счета, выступали церковнослужители сельских церквей, чаще всего дьячки, деревенские писцы, сами грамотные крестьяне, бывшие мастеровые, разночинцы, поселившиеся по месту приписки по отставке от заводских дел для платежа податей. Как правило, “мастера грамоты” учили группу желающих у себя на дому, благодаря чему в уральских деревнях XVIII в. действовала сеть “домашних школ” или школ грамоты, небольших частных учебных заведений, целиком обязанных своим существованием инициативе крестьян.

Сведения об этих школах не фиксировались специально, государственные власти, как и заводская администрация, ими не интересовались. Деятельность школ была внутренним делом крестьянского мира, поэтому прямые данные о них редко попадали в официальные документы. Иногда информация о “домашних школах” оказывалась случайно в делах, не имеющих к ним прямого отношения. Например, в мае 1733 г. в Сибирском обербергамте слушалось дело крестьянской жены Авдотьи Семеновой “о потереении мужа ее, Степана Чупина”, заведенное по челобитной свекра, крестьянина деревни Реутинка Камышловской слободы Нефеда Чупина²⁰. Н. Чупин показал, что в 1732 г. был на Ирбитской ярмарке, дома оставались сын Степан, сноха и наемный работник. За время отсутствия хозяина сын пропал, нашли его мертвым. Отец подозревает виновными работника со снохой, которая “жила с мужем непорядочно, гоняла его по ночам”, т.к. “он был млад”. В сказке Авдотья Семенова показала: муж “поутру пошел к учителю Сергею Коневу учиться грамоте”, не вернулся. Ночью посылала работника к учителю, тот якобы сказал, что “муж с крестьянскими детьми, которые с ним учились вместе, с Гаврилом и Василием Поповым в вечеру ушли в дома вместе”. Поповы эти слова подтвердили.

Так, косвенным путем, мы получаем ценную информацию о деятельности “домашней школы” в уральской глубинке в 30-х гг. XVIII в. Наверное, не случайно, что С. Чупин, один из ее учеников, — из зажиточной семьи, торгующей на Ирбитской ярмарке, имеющей наемного работника. По-видимому, он еще слишком юн, муж-подросток, но и после женитьбы посещает школу, проводит в ней вместе с другими крестьянскими детьми весь день. Употребление крестьянской женкой и работником слова “учитель” показывает, что обучение крестьян в уральских селах XVIII в. становилось профессией.

О сложившейся в уральской деревне практике обучения детей чтению и письму свидетельствуют и прошения о приеме крестьянских детей для продолжения обучения в казенные школы Урала. Так, крестьянин Арамильской слободы Василий Горшков в апреле 1732 г. сообщал в Сибирский обербергамт, что обучил своего сына Василия “за свой кошт словесной грамоте и писать” и желает, “чтоб обучен был другим

наукам, как и прочие здесь обретающиеся в арифметической школе”, с жалованьем²¹. Лучшим доказательством наличия в уральской деревне XVIII в. традиций по обучению грамоте детей является само существование крестьянской книжной культуры, немислимой в абсолютно безграмотной среде.

Как в школах, так и на дому обучение велось традиционным путем — сначала азбука, потом Часослов, Псалтырь. Эти книги составляли основу словесной премудрости. Вероятно, в уральскую деревню попадали и буквари, в их числе и самый распространенный в России в первой половине XVIII в. — букварь Феофана Прокоповича “Первое учение отроком”, выдержавший только с 1720 по 1724 гг. 12 изданий и продолжавший издаваться в последующие десятилетия²².

Книги привозились с Ирбитской ярмарки, из Тобольска, Вятки, их можно было купить и в Кунгуре, и в Екатеринбургe, да и в деревне. Наряду с печатными использовались и “письменные”, переписанные от руки. Начала арифметики усваивали по рукописным “Счетным мудростям”. Обучение велось, по-видимому, индивидуальным путем, как и в большинстве государственных школ того времени.

Через обучение детей в семье, в “домашних школах” крестьянский мир удовлетворял свои потребности в подготовке грамотных людей, поддерживал традиции в передаче навыков чтения и письма от отца к сыну. Это был основной путь распространения грамотности, используемый в среде всех категорий российских крестьян — государственных, частновладельческих, удельных, церковно-монастырских.

Привлечение детей приписных к заводам крестьян в горнозаводские школы Урала в первой половине XVIII в.

В первой половине XVIII в. наиболее передовые личности России начинают осознавать необходимость государственного вмешательства в организацию обучения крестьянских детей. Выдающийся ученый и просветитель, крупный администратор первой половины XVIII в. В.Н. Татищев, видевший в “умопросвещении” основной двигатель прогресса, в обширном философско-педагогическом трактате “Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах” заявлял: “Я же

рад и крестьян иметь умных и ученых”. Поскольку из крестьян формировалась пехота и морской флот, их просвещение, по мнению Татищева, способствовало бы повышению боеспособности войска, ибо от “благоразсудности одного солдата целой армии благополучие или безопасность зависит”²³.

В “Рассуждении о ревизии поголовной и касающемся до оной” Татищев снова подчеркивал, что обучение письму “дворовых людей и крестьян весьма государству полезно и нужно”, “чрез что не токмо те люди ко всему способнейшими будут, но паче разколы могут наилучше искорениться...”, предлагал “при церквах приходских для обучения... в селах дворовых людей и крестьянских детей, хотя писать и читать, училища учредить и учителей иметь, дабы чрез то как в домоправлении, так и в войске грамотных не оскудевало”; а “противящихся владельцев или управителей штрафом пристойным принудить” к обучению крестьян, объявить размер штрафа; и так “большой страх неразумным учинить”. Дабы “поохотить” крестьян к обучению грамоте, Татищев советовал верховной власти ввести временную меру заинтересованности — “чтоб детей крестьянских, которые обучатся, в рекруты не отдавать, разве который сам себя кражею, пьянством и другим злодейством тоя милости лишит”. Замечательно и такое предложение Татищева — для контроля за распространением грамотности, “дабы губернаторы и Правительствующий Сенат могли о том ведать, при ревизиях объявлять имянно в скасках, сколько где обученных письму и сколько у коего прихода обучается”. В качестве учителей в приходских школах Татищев предлагал использовать заштатных церковнослужителей и не отправлять их в военную службу²⁴.

Эти прогрессивные идеи Татищева намного опережали свое время. Включение, например, в подушную перепись сведений о грамотности могло бы привести к формированию постоянно пополняемого комплекса сведений о наличии грамотных среди подавляющего большинства населения страны. Идея Татищева об использовании духовенства для обучения крестьянских детей в приходских училищах получила претворение в жизнь в законодательстве XIX в.

Несомненно, Татищев был самым рьяным поборником просвещения крестьян в России первой половины XVIII в. Не случайно, что именно он, проповедовавший эти идеи в

трудах 30–40-х гг., попробовал претворить их в жизнь по прибытии на Урал в 1720 г. в качестве начальника казенных заводов. По инициативе Татищева в 1721–1722 гг. была предпринята беспрецедентная для России попытка привлечь детей приписных к заводам крестьян в школы горнозаводского ведомства, открываемые в центрах приписных слобод (наряду с детьми церковнослужительскими, подьяческими, разночинскими), и открыть для них специальные школы при деревенских церквях.

Основные моменты организации школ в слободах “для детей всех здешних жителей” Татищев определил в наказе заводскому комиссару Тимофею Бурцеву, врученному ему 27 февраля 1721 г.²⁵

Первый пункт главы “О школах” гласил: “Здесь, на заводах, и в каждой слободе особно, построить избы с сеньми и сделать по потребности красныя окошка, поставить столы и лавки, и в оных обучать робят”. Точные пункты размещения школ не назывались, но поскольку в ведении комиссара находилось два казенных завода — Уктусский и Алапаевский (Каменский до 1723 г. подчинялся сибирскому губернатору), то речь могла идти об организации школ в Арамильской, Белоярской, Камышевской и Ново-Пышминской слободах, приписных к Уктусскому заводу, а также Невьянской, Арамашевской, Мурзинской, Уткинской, приписанных к Алапаевскому заводу. Согласно переписи 1719 г., в них проживало соответственно 1572, 1044, 1891, 1528, 2079, 1632, 959, 380 душ мужского пола²⁶.

Обучать в школах должны были чтению, письму, “страха божия, почитания властям и всякому честному и порядочному обхождению” местные церковные дьячки.

Для привлечения детей в школы предписывалось “обнадежить всех, что письмоумеющий никогда в солдаты, матросы и другие невольные службы отданы не будут, но сверх того всегда им большее перед другими жалованья дается”. Как видим, Татищев своею волею начальника заводов попытался осуществить идею поощрения грамотных на подведомственной ему территории, идею, которую он в 1747 г. предлагал властям попробовать в масштабе всей страны.

Школы при заводах и в слободах предполагалось содержать не на казенные средства, а за счет специального сбора

с местного населения, производить который поручалось “каждой церкви дьячкам”: “Прибавить с венца (т.е. венчающихся — А.С.) по три копейки, с холостых мужеска полу душ от 8 лет и выше, которые грамоте не учатся, — потому ж, а которые холостые и в школе или обучились — со оных ничего не брать, только за все ученье взять 12 копеек, когда окончат письмо”. По сути, налог этот был необременительным, обучение у мастеров грамоты обошлось бы дороже 12-копеечного взноса, за обучение арифметике, например, в цифирных школах именным указом 1714 г. устанавливалась плата в 1 рубль²⁷.

26 июня 1721 г., во время посещения Алапаевского завода, В.Н. Татищев и член Сибирского Вышнего начальства И.Ф. Блиер вынесли еще один приговор, касающийся обучения грамоте детей приписных крестьян: “... объявить крестьянам, что жалобы их на прикащиков многие в разных обидах, которыя уже исследованы и за то прикащики наказаны. Однако же мужикам одним управиться невозможно, також в зборех денежных и роботах заводских, за незнанием письма, нужда им поверить подьячим, которые уже обыкли в шалостях. И в том крестьянам может быть тяжчайшая обида. Того ради велеть лучшим мужикам детей своих в работе обучать, хотя б читать умели, дабы их подьячие не так могли обманывать. И в том их обнадежить, что оные обученные в салдаты и заводскую работу никогда взяты не будут, но всегда останутся в слободском управлении”²⁸.

Этим приговором заводское начальство само констатировало обыденность ситуации, когда приписное крестьянство, вынужденное вступать в постоянный контакт с приказчиками заводов, с подьячими заводских и земских контор, страдало от своей неграмотности. И обучение крестьянских детей, хотя бы чтению, рассматривалось начальством как действенное противоядие от плутней подьячих казенных учреждений и низового управленческого звена.

Обращает на себя внимание разночтение в тексте приговора и последующего указа. В приговоре имеется фраза — “учить в работе”, в указе она отсутствует: видимо, при переписке делопроизводители нечаянно выпустили эти слова. Если принять за основу текст приговора, то следует считать, что Татищев и Блиер на этот раз вели речь об обучении

крестьян на дому, параллельно с помощью домашним в выполнении работ, возложенных на приписных крестьян. И не случайно распространялось это предписание лишь “на лучших мужиков”, т.е. более состоятельных, способных заплатить за обучение своих детей мастерам грамоты.

Политика Татищева по привлечению в школы детей крестьян была поддержана центральным органом управления горнозаводской промышленностью. 20 июля 1721 г., рассматривая доношение Татищева о наборе церковничьих и подьяческих детей для обучения арифметике и геометрии в школу при Уктусском заводе, Берг-коллегия предписала принимать таких детей не только с территории заводского ведомства, но “и ис протчих городов и сел, ежели которыхя прибудут... волею и запишутца... також и ис крестьянских робят, кои к оным к уктунским заводам приписаны, кои придут волею, а скудных и маломошных хотя неволею против выше писанного ж обучать и по обучении оному определить их к рудным делам, хто куда способен и учинить на то школу, и определить им некоторое пропитание, смотря по их наукам, дабы... всякому было охотно... обучатца”²⁹. Инициатива Берг-коллегии напрямую связана с начинаниями Татищева — в тот же день, 20 июля 1721 г., в центре рассматривался наказ Татищева комиссару Бурцеву с его планом организации слободских школ.

Но если Татищев вел речь об открытии словесных школ в слободах в интересах прежде всего самого крестьянского сословия, то Берг-коллегия, разрешая прием крестьянских детей в заводскую арифметическую школу, руководствовалась интересами только горного ведомства — скорейшей подготовкой специалистов для заводов. В условиях почти полного отсутствия детей, уже овладевших грамотой на дому и готовых к восприятию математических премудростей, Берг-коллегия не гнушалась и крестьянскими детьми, считала возможным даже проведение принудительных наборов среди детей бедных крестьян. При этом предполагала, что закончившие горнозаводские школы покинут крестьянское сословие — будут распределены к горным делам.

По-видимому, в 1721 г. Татищевым был издан еще один специальный указ об обучении детей крестьян попами при церквях, так как 28 декабря 1721 г. начальство постанови-

ло: “Из слобод у попов взять ведомости — по данному указу крестьянских детей обучают ли и сколько у кого есть, и в какой науке”³⁰.

2 января 1722 г., в связи с отъездом в Москву, Татищев составил обширный наказ “об отправлении дел” заводскому комиссару Т. Бурцеву. В пункте 18 специальное внимание уделялось организации школ для обучения детей крестьян: “Також и в слободах конечно б попы крестьянских детей по несколько учить начали. Азбук и часовников велеть купить к каждой церкви до десяти на их мирские деньги. Ежели ж попы в том преслушаться будут и вам о том подать известие, за что от архиерея примут наказание”³¹.

Ясно, что горнозаводская администрация в 1721 г. выступала как сила, организующая школьное обучение детей приписных к заводам крестьян. Комиссар должен был контролировать процесс открытия школ, обязывать попов учить детей, организовать покупку учебных пособий. Примечательно, что Татищев рассматривал диктат светской власти по отношению к местному духовенству как нечто само собою разумеющееся и угрожал попам за неподчинение наказанием от имени их непосредственного начальства.

На этом настояния Татищева по организации крестьянских школ прекращаются — он вернулся из Москвы в 1722 г. уже как подследственный из-за жалобы Н. Демидова. Но первые его шаги успели дать некоторые результаты. В описи дел Алапаевской заводской конторы удалось обнаружить записи, подтверждающие существование школ в слободах, приписных к Алапаевскому заводу. За 1721 г. без указания числа и месяца в ней зарегистрирована “Отписка из Невьянской слободы от прикащика Чернышева... об отдаче в школу учеников дьячку Григорию Слобцову”. В описи за 1722 г. зафиксировано несколько документов: “Доношение Невьянской слободы о присылке книг учебных”, “Росписка дьячка Григория Слопцова о приеме часовников”, “Доношение Невьянской слободы от дьячка Слопцова о присылке книг для обучения школьников”³², “Письмо в приеме отписки и ведомости, что обучается в школе детей у посланного беломестного Алексея Козина”, “Записка об отдаче учебных книг, холста дьячком для обучения школьников”³³. Эти записи свидетельствуют о существовании по меньшей мере двух-

трех школ в слободах, приписных к Алапаевскому заводу, в частности, в Невьянской. Данных, подтверждающих деятельность школ в слободах, приписных к Уктусскому заводу, обнаружить пока не удалось. Документы Уктусской заводской конторы за начало 20-х гг. XVIII в. сохранились фрагментарно, а описи документов налицо лишь с 1723 г.

Можно лишь утверждать — если школы в уктусских слободах не были открыты в бытность Татищева начальником заводов, вряд ли появились после его отстранения от дел. У нового руководителя казенных заводов В.И. Геннина идея открытия слободских школ поддержки, видимо, не находила, он и заводскими занимался мало. Татищев же, вернувшись к делам в качестве рядового члена горного начальства осенью 1723 г., чувствовал себя неуверенно, несмотря на окончание следствия над ним. Основные причины охлаждения к организации слободских школ в 1722–1723 гг. заключались, на наш взгляд, в трудностях материального порядка, связанных с отсутствием финансирования этих учебных заведений из казны.

Практика первых лет деятельности школ показала, что собираемых с населения сумм явно недостаточно даже для оплаты учительского труда: на Алапаевском заводе, судя по приходно-расходным документам, в 1722 г. было собрано 5 руб. 21 коп. (т.е. трех копеечный налог уплатило 174 человека), из них учителю-дьякону было выдано 3 руб., т.е. в 3–4 раза меньше положенного, средства на закупку учебных книг (28 руб. 90 коп.) пришлось выделить из казны³⁴. Учитель из-за нерешенности вопроса с оплатой труда отказался вести занятия, и школа при Алапаевском заводе в 1724 г. закрылась. Те же проблемы, но еще в более острой форме из-за отсутствия дополнительных казенных сумм, стояли и перед слободскими школами.

Показательно, что при составлении первого штатного расписания заводов в 1723 г. заводская администрация (прежде всего в лице Геннина) уменьшила суммы содержания заводских школ: сначала речь велась о выделении средств на школы при четырех заводах, в дальнейшем уже только при одном. Видимо, заводское начальство боялось выговора со стороны Берг-коллегии или Сената, утверждавших штаты, за слишком большие траты³⁵. Что же говорить

в таких условиях о школах слободских? Неудивительно, что в тексте нового наказа заводскому комиссару Ф. Неклюдову (октябрь 1723 г.) Татищев опустил положения о школах в слободах.

Учились ли дети крестьян в школах, действовавших при заводах? Насколько широко применялось положение указа Берг-коллегии 1721 г. о привлечении в них детей маломощных крестьян хотя и силою?

К сожалению, в школьных ведомостях первой половины 20-х гг. XVIII в. социальный состав учащихся указан лишь в двух случаях, частично его удастся восстановить по прошениям учеников о жалованье. В марте 1722 г. в Уктусской словесной школе числилось 28 учеников, из них пятеро были детьми бобылей — Иван Головков, Федот Сибиряков, Петр Плешков, Иван Плотников и Прокопий Масленников³⁶. Через месяц по неясной причине выбыл Плотников, в 1723 г. бежал Масленников, родом из Багаряцкой слободы. Ему в 1722 г. было отказано в жалованье³⁷, а отец, видимо, снабжал пищую нерегулярно. Головков был переведен в арифметическую школу, в 1724 г. определен в гончарные ученики³⁸; Сибиряков продолжил обучение в Уктусской арифметической, затем в Екатеринбургской школе. С лета 1726 г. “за непонятием науки и недачи жалованья” был в бегах, дошел до Иркутска, но в 1730 г. вернулся домой. Его брат, бобыль, записанный при Уктусском заводе, просил горное начальство направить Федота домой, так как он “возрастен” и забыл пройденное, а брат устал отрабатывать подати за себя, престарелого отца и беглого Федота. Просьба эта была удовлетворена³⁹. Примечательно, что Федоту в 1730 г. было 27 лет, т.е. он стал учеником Уктусской словесной школы в 1721 г. в возрасте 19 лет, что объяснялось, видимо, стремлением начальства привлечь в школу всех молодых людей, проживавших при заводе, — нужда в грамотных была в те годы сверхострой.

В словесной школе, открытой при Алапаевском заводе в 1721 г., по меньшей мере трое учеников числились в ведомости за 1723 г. “из крестьян” — Андрей Шангин, Василий Лупанов и Ефим Закожурников⁴⁰. В 1726 г. они были отпущены по этой причине из Екатеринбургской арифметической — “в платеж подушных денег”. Вероятно, единичные

крестьянские дети были и в Уктусской арифметической в 1721–1724 гг. В целом, можно сказать, что в первые горнозаводские школы Урала дети крестьян привлекались в незначительном количестве.

В 1723–1724 гг. комиссаром Ф. Неклюдовым были посланы указы заводским управителям о проведении переписи детей от 7 до 15 лет для набора в школы при Каменском, Алапаевском, Уктусском, Екатеринбургском заводах с предписанием включать в списки детей, проживавших при заводах и приписных слободах, с оговоркой — “кроме крестьян и бобылей”⁴¹.

Скорее всего, оговорка в отношении детей крестьян и бобылей означала не запрещение их приема (как считали исследователи истории горнозаводских школ Н.В. Нечаев и В.И. Будрин), а исключение их из числа подлежащих обязательному набору в горнозаводские школы. Ни в одном из многих тысяч архивных документов не содержалось запрета на прием в школы детей крестьян, напротив, желающих принимали, причем с назначением казенного жалованья.

Уступая просьбам уральского начальства, Сенат указом от 14 июля 1725 г. разрешил приписных к заводам крестьян, зачисленных в число рекрут, вместо отправки в армию “определять в завоцские работы и обучать всякому мастерству, из них же содержать для охранения заводов и пограничных слобод”⁴². Этим было положено начало систематическому переводу приписных крестьян в число мастеровых. Указом Берг-коллегии от 20 сентября 1726 г. санкционировалось предложение уральской горной канцелярии об укомплектовании заводских мест рекрутами даже в счет будущих наборов и разрешалось определять в заводские ученики “и ис приписных сирот, кои неспособны ко обучению в школу”⁴³.

Оговорку Берг-коллегии в отношении “приписных сирот” можно расценивать как подтверждение ее положительного отношения к привлечению в горнозаводские школы крестьянских осиротевших детей. Определением Сибирского обербергамта от 30 декабря 1726 г. во исполнение этого указа предписывалось: “сирот и всякого звания, також драгунских и солдатских и других разночинцов ведомства Сибирского обербергамта детей малолетних определить всех в комплект по Табелю в школу для обучения”⁴⁴.

С этого времени в школы стали активно привлекаться дети бывших приписных крестьян, попавших в число мастеровых, солдат, драгун, но они числились уже по новому социальному положению отцов.

Уже на 12-й день по возвращении Татищева на Урал в качестве начальника заводов, 9 октября 1734 г., по его инициативе Канцелярия Главного правления заводов приняла важное решение о переписи “детей разночинцовых, детей боярских и однодворцовых, церковничьих, подъяческих и мастерских при заводах и в слободах от 6 лет и выше”. Приказывалось переписать и всех сирот, не имевших матерей и отцов, скитающихся “меж дворов” — чьи были, где родились, где написаны в подушный оклад и платит ли за них кто подушные деньги; “собрать их всех в одно место и кормить до указа”, а опись прислать в канцелярию в Екатеринбург⁴⁵.

Из этого документа ясно, что Татищев в 1734 г. не ставил вопроса о привлечении детей приписных крестьян в горнозаводские школы. Исключением могли стать лишь дети крестьян, потерявшие родителей. В разрабатываемый в 1734 — начале 1735 гг. проект Заводского устава, в главу “О земском суде”, Татищев ввел статью 25-ю “О сиротах шатающихся”, которой предписывалось: в случае, если старосты и сотские “презрят” свои обязанности по передаче осиротевших детей на воспитание людям, “чтоб впредь крестьянами быть могли”, “взять на заводы и определить в школу и воспитать на коште той слободы, а за тот двор всякия подати до возраста их повинны платить слободою”⁴⁶. Включение в текст законопроекта, посланного на утверждение императрице Анне Ивановне, положений об обучении крестьянских сирот свидетельствовало о намерении Татищева утвердить такую практику в качестве закона. В данном случае Татищев стремился соединить интересы детей-сирот и государства. Но хотя положения Заводского устава, не утвержденного верховной властью, действовали на Урале в виде инструкций должностным лицам, нормы, касающиеся определения сирот в школы, не работали — неизвестно ни одного коллективного набора крестьянских сирот.

Прием же крестьянских детей по желанию их отцов по-прежнему не возбранялся. Более того, отпуская в 1737 г. из

Каменской школы В. Мещерякова, разночинца Калиновской слободы по прошению деда (из-за тягот в выполнении расположенных на семью заводских работ), члены Канцелярии Главного правления заводов приговорили: “Есть же кто другие из крестьянства пожелают детей своих грамоте обучать своею волею, таковым не запрещается. И оных, принимая в казенные школы, обучать невозбранно, и о том в Каменскую кантору послать указ”⁴⁷.

Как много крестьянских детей обучалось в школах, действовавших при казенных заводах? По подсчетам, проведенным на основе ведомостей учащихся, — единицы. В Екатеринбурге в словесной и арифметической школах в 1726 г. — шестеро из 124 учеников, в 1727 г. остался один, в 1728 г. поступило еще четверо, с 1729 по 1731 гг. училось трое, в 1732 г. — четверо, в 1733—1734 гг. — двое, 1735 г. — трое, 1736 г. — пятеро, 1737—1738 гг. — двое, с 1739 по 1745 гг. — один. В Алапаевске в словесной и арифметической школах с 1735 по 1738 гг. крестьянских детей было двое, с 1738 по 1742 гг. — один. В Егошихинской словесной в 1736 г. также один⁴⁸. При школах других заводов они не числились вообще. Таким образом, по официальным ведомостям с 1726 по 1746 гг. в горнозаводских школах имелось всего 16 учащихся из крестьян.

Но в действительности их было больше — крестьянские дети могли быть и среди сирот, которые в ведомостях выделялись в особую категорию, и среди разночинцев. Некоторые учащиеся, числившиеся в ведомостях разночинцами, в прошениях, показаниях на допросах, сказках назывались крестьянами. Так их нередко называла и заводская администрация. Бывали случаи, когда в ходе переписи детей для набора в школу они показывались крестьянами, а после зачисления — разночинцами⁴⁹. В основном это были дети отставных низших церковнослужителей, писчиков, рассыльщиков и прочих, включенных по переписи в число приписных крестьян, обязанных выполнять заводские работы в счет подушной подати.

С 1735 по 1741 гг. много детей разночинцев обучалось в Каменской словесной школе (их было 82 из 141 ученика, или 58 %) и в Алапаевской словесной (11 из 137 учеников, или 8 %). Они были зачислены в школы в ходе наборов в

1735–1737 гг., во время второго руководства Татищева заводами.

Характерно, что часть детей крестьян и разночинцев, как это следует из ведомостей, поступала в школу уже начав обучение на дому — из 11 разночинцев Алапаевской школы один учил азбуку, двое Часослов, двое начали дома писать слова. Сын “старопоселенного крестьянина” Лаврентий Сафьянов поступил в 1735 г. в школу с некоторым знанием азбуки, его старший брат, 16-летний Максим, показан в ведомостях с января 1736 г. обучающим детей вместе с учителем⁵⁰. По-видимому, он при поступлении в школу в 1735 г. умел хорошо читать и писал. Как уже отмечалось, сразу же в арифметическую школу Екатеринбурга был отдан в 1732 г. крестьянский сын Василий Горшков, обученный дома чтению и письму.

Хотя дети крестьян и разночинцев в школах получали казенное жалованье по 3 руб. в год, денег не хватало даже на хлеб — из него приходилось платить за квартирный постой и подушную подать. Поэтому некоторые учащиеся отправлялись в бега, как ученик Каменской словесной школы Никифор Медведев, взятый для обучения в 1737 г. “из крестьянских” детей. Из жалованья у него вычитали деньги, причем он не знает, за кого: сам он в подушный оклад не был записан, лишь отец и два брата. Старший брат был в школе “малое время”, умер, возможно, за него и отца брали деньги с Никифора, за вычетом на руках оставалось по 5 коп. в месяц, и Никифор, еще будучи школьником, “ходил по миру”. В 1741 г. бежал из школы, сказавшись сиротой Каменской слободы, бродил с нищими, “летом в день милостыню просили, а ночью спали на полях или где в лесу слуচিতца”⁵¹. Так показал школьник в допросных речах в канцелярии, вернувшись из бегов через два года.

Именно от разночинцев и крестьян во второй половине 30-х гг. XVIII в. исходил самый широкий поток прошений об увольнении их детей из школ “для платежа подушных денег”. Некоторые отцы пытались отстоять детей сразу же после включения их в списки подлежащих школьному набору, как, например, “поверстанный” в 1728 г. из писчиков Никита Козырев, житель Мурзинской слободы в 1737 г.⁵² Другие подавали прошение об увольнении детей по прошествии нескольких месяцев после зачисления в школу.

В июне 1736 г. крестьяне из разночинцев Алапаевского завода В. Шишибаров, С. Цыренщиков и С. Тверитин просили канцелярию отпустить домой своих сыновей, взятых в декабре 1735 г. в Алапаевскую словесную школу, чтобы “быть по-прежнему с нами в крестьянстве”. Дополнительным мотивом для увольнения Тверитина являлась болезнь — “слухом глух и обучатца обстоятельно не может”. Канцелярия потребовала навести справки об учениках: что обучают, берут ли жалованье, но никакого решения по этому делу не вынесла⁵³.

В. Шишибаров не отступился и еще дважды просил об увольнении сына — в августе 1736 и декабре 1737 г. Приказав сначала Андрею “доучиваться”, несмотря на показания учителя о его малопонятливости, уральская администрация в конечном счете отпустила его домой, ссылаясь на указы 1732, 1736 гг., предписывавшие не брать в гарнизонные школы детей, записанных в подушный оклад. Нормы законов, относившихся к служилому сословию, были распространены в данном случае и на учащихся горнозаводских школ⁵⁴.

Безоговорочно были отпущены из Каменской словесной школы двое сыновей М. Логинова, взятых для обучения как дети трапезника. Но оказалось, что и отец, и дети были положены в оклад, за них “у добычи припасов” трудились другие крестьяне, а сам М. Логинов платил подушные деньги за троих⁵⁵.

В 1737 г. просил канцелярию вернуть из Каменской словесной школы внука Василия бывший пушкар, разночинец Калиновской слободы Пимен Мещеряков на том основании, что внук “в науке непонятен”, а заводские работы за него вынуждены отрабатывать дети, “отчего имеетца мне и с детьми своими пред другими... не без обиды”⁵⁶.

Справки, наведенные в канцелярии по этому прошению, помогают представить все тяготы заводских работ, возложенных на приписных крестьян, и понять, почему они стремились забрать из школы своих детей. На 68-летнего деда, его детей, внуков были разложены заводские работы: отец Василия в 1736 г. должен был за себя, 11-летнего Васю и 2-х годовалого Елисея вывезти с Сысертского завода на Уткинскую пристань 156 пудов железа. В 1737 г. он должен был выполнить работы не только за себя с детьми, но и за

68-летнего отца, и за беглого крестьянина — заготовить 9,5 сажень дров при Екатеринбургском заводе и вывезти 28 коробов угля на завод. По прошествии 4 месяцев с момента подачи прошения канцелярия решила отпустить Василия Мещерякова из школы, не дождавшись ответа на запрос о его успехах в учебе, чтобы не обидеть его родных. Начальство рассудило, что и Василий, когда “придет в возраст”, будет выполнять заводские работы⁵⁷.

Из 16 учащихся, числившихся официально в школьных ведомостях крестьянскими детьми в 1726–1746 гг., шестеро были отпущены по домам для платежа подушных денег, четверо определены к приказным делам, один — в работу. В 1742 г. крестьянский сын, отпущенный в 1738 г. до возраста домой, был направлен в унтер-шихтмейстеры⁵⁸. Один из учащихся-крестьян, Василий Горшков, отданный отцом сразу же в арифметическую в 1732 г., в 1736-м был распределен в ученики лесного надзирателя на Каменский завод и по совместительству преподавал там арифметику в школе, вплоть до ее закрытия в 1742 г. До 1746 г. Горшков был “у лесных и приказных дел”, ушел в длительный отпуск для лечения, в 1748 г. просил уволить от дел по болезни, но поскольку в школы нужны были учителя, канцелярия направила Горшкова школьным подмастерьем в Екатеринбургскую арифметическую. Там он учительствовал и в 1760 г.⁵⁹.

В сохранившихся ведомостях горнозаводских школ 50-х гг. XVIII в. дети крестьян в качестве учащихся не упоминаются. И, как показало изучение прошений родителей о приеме в эти школы детей, крестьяне среди просителей в 1750–1770-х гг. отсутствовали.

В целом, можно сказать, что горнозаводские школы не привлекали приписных к заводам крестьян, несмотря на возможность получения в них детьми навыков чтения и письма без платы, еще и с получением жалованья. Попробуем ответить на вопрос, почему?

Школы, действовавшие при заводах, находились слишком далеко от приписных к ним слобод — за десятки и сотни верст. Суммы казенного жалованья были невелики — требовалась постоянная поддержка семьи. Но крестьянам, занятым на заводских работах значительную часть време-

ни, было не до этого. Все дети крестьян во время ревизий записывались в подушные книги, за них надо было платить по 1 руб. 10 коп. в пользу государства. С возрастом дети подлежали “расположению” в заводские работы. На семьи, решившиеся отправить детей в заводские школы, ложилась бы дополнительная нагрузка по уплате податей или отработкам.

Важной причиной являлось и то, что крестьянский ребенок, отданный учиться в казенную школу, фактически навсегда уходил из своей семьи, попадал в полную зависимость от горнозаводских властей, по окончании обучения подлежал распределению к заводским делам, т.е. он терял всякую связь с семьей и с крестьянским миром, кроме податной. Возвращался в этот мир лишь после отставки от дел, чтобы самому участвовать в отработках или продолжать платить подушные деньги. Такой исход был неприемлем для крестьянских семей с их традиционным укладом. Вряд ли и общины могли приветствовать утечку налогоплательщиков и потенциальных работников: в случае старости, болезни, смерти хозяина семьи на крестьян могло пасть бремя отработки податей за своих выбывших — и за сына, и за отца.

**Дети крестьян в народных училищах Урала
(1786—1800-е гг.). Контроль государства
за деятельностью частных школ и его последствия**

По Уставу 1786 г. в губернских городах России должны были открываться четырехклассные главные народные училища, в уездных — малые двухклассные, в них разрешалось принимать всех желающих, в том числе и детей крестьян — государственных, частновладельческих, ведомства уделов. На Урале главные народные училища действовали в Вятке, Перми (с 1786 г.), Уфе (с 1789, в 1797 г. переведено в Оренбург). Программа главных народных училищ была расширенной и включала в себя чтение, письмо, чистописание, арифметику, всеобщую и священную историю, географию всеобщую и российскую, рисование, “основание” геометрии, механики, физики, естественной истории, архитектуры. Малые училища с 1789 г. действовали в Екатеринбур-

ге, Кунгуре, Соликамске, Иrbите, Верхотурье, Шадринске, Оренбурге (Уфе с 1797 г.), Челябинске (Бузулуке с 1794 г.), Слободском (1787), с 1790 г. в Сарапуле, Котельниче и Ноллинске⁶⁰. В них обучали чтению, арифметике, чистописанию, священной истории. Для народных училищ впервые было выпущено более десятка новых учебных пособий, в них вводилась классно-урочная методика обучения.

Социальный состав этих школ известен в отношении Вятской и Оренбургской губерний. По данным В.П. Юрьева, в главное училище Вятки в 1786 г. поступило 6 крестьянских детей (из 43), за 1800—1810 гг. обучилось 130, что составило 12,5 % от всего состава учащихся⁶¹.

В четырех малых народных училищах Вятской губернии удельный вес крестьянских детей был выше: в 1800 г. — 17,2 %, в 1801 г. — 18,1 %. В Сарапульском училище в эти же годы 44,4 % и 60 % учеников были крестьянскими детьми (12—15 человек)⁶². В 1804 г. в малых училищах обучалось 40 крестьянских детей, что составляло 31,3 % от всех учившихся. В основном в народные училища попадали дети подгородных крестьян, вывозивших на рынки свою продукцию, нередко участвовавших в содержании училищ⁶³.

Как справедливо отметил А.Г. Мосин, соотношение данных об обучавшихся в народных училищах Вятской губернии крестьянских детях с общей численностью крестьянского населения в губернии (в 1811 г. — 535 615 ревизских душ, или 95,62 % муж. населения) свидетельствует о незначительной роли народных училищ в распространении грамотности среди крестьян в конце XVIII — начале XIX вв.⁶⁴ Крестьяне предпочитали обучать своих детей у мастеров грамоты за плату.

Этот вывод подтверждают и данные о социальном составе училищ Оренбургской губернии, приведенные С.Г. Мирсаитовой: в 1800—1805 гг. в училищах этой губернии дети крепостных крестьян составляли 15,6 %, в 1820—начале 30-х гг. — детей государственных крестьян было 3,9 %, детей крепостных — 8,4 % от общего числа учащихся⁶⁵. Отметим, доля детей крепостных крестьян в два раза выше, чем государственных, т.е. помещики, нуждаясь в грамотных слугах, пользовались возможностью обучить своих крепостных в училищах охотнее, чем государственные крестья-

не. Последним трудно было платить за учебники, одежду, питание, квартирный постой своих детей.

Открывая народные училища, верховная власть пыталась одновременно поставить под контроль деятельность “домашних школ”. К Уставу 1786 г. был приложен “Наказ содержателям домашних училищ и учителям, имеющим у себя воспитанников”⁶⁶. Государство требовало, чтобы отныне все домашние училища и учителя подчинялись приказам общественного призрения, лишь с их позволения действовали.

Желающие учить на дому должны были пройти испытание в народных училищах, получить свидетельство о знании предметов и способности к преподаванию. Обучение в “домашних училищах” предписывалось вести “по расположению часов” и по книгам, изданным для народных училищ, т.е. фактически по их программе и методике, используя классно-урочную систему преподавания. Учителя обязывались иметь ежедневные списки присутствия учеников, примечать их нравы, способности, подавать ведомости в губернский приказ общественного призрения о числе и состоянии питомцев. Приказы, в свою очередь, должны были составлять сводные годовые ведомости для отсылки в Петербург.

Естественно, домашние учителя не горели желанием ехать в губернский центр за свидетельством. Большинство из них не смогло бы выдержать испытаний. Для этого надо было приобрести и изучить только что изданные пособия. Учителя не хотели связывать себя обязательствами подачи отчетных документов, вставать на учет, платить властям 5% сбор от своих доходов.

Светские же и духовные команды, подчиняясь закону 1786 г., вынуждены были принимать жесткие меры к “нарушителям” — закрывать самостоятельные “домашние училища”. Таким образом, благие, казалось бы, намерения властей имели и негативные последствия — пресекли деятельность части действовавших школ, приближенных к месту жительства крестьян.

В связи с первой в истории России попыткой взять под государственный контроль частные школы до нас дошли некоторые сведения о их деятельности. Например, смотри-

тель малого народного училища г. Нолинска Вятской губернии доносил властям, что экономический крестьянин из деревни Высокой Веретеи Епифан Кощеев, не имея свидетельства, обучал в своем доме семерых мальчиков, а Евдоким Епезов из деревни Калашницкой ясашной волости — 5 человек, чем “в противность монаршим узакониям народным училищам чинят явный подрыв, поелику крестьянство... полагаясь на оных мужиков, лишают детей своих полезных в училищах преподаваемых предметов”⁶⁷.

В 1786 г. крестьянские дети учились чтению и письму и в “домашних школах” самого города Вятки. Их действовало семь, причем одну из них содержал крестьянин Большой Заоградной Слободки Симонов⁶⁸.

Пресекая деятельность “домашних школ”, основного канала, а точнее, ручейка распространения грамотности среди детей крестьян, вятские власти пытались провести в селениях в 1789 и 1794 гг. добровольные сборы средств на содержание народных училищ — пожертвований одних горожан явно не хватало. При этом переходили порой на насильственное выколачивание денег у крестьян. За злоупотребления заседатель Нолинской округи Аким Чепурных был даже наказан публично кнутом с вырезанием ноздрей и сослан на вечную каторгу⁶⁹.

Ценные данные об уровне крестьянской грамотности в Вятской губернии в начале XIX в. привел А.Г. Мосин⁷⁰. В 1806 г. уездные исправники по ордеру губернатора провели учет крестьян мужского пола от 6 до 80 лет, умевших читать и писать. Цель учета — выявить лиц, способных занимать выборные должности в волостных и сельских обществах.

Сравнение этих данных с численностью всего крестьянского населения дали возможность А.Г. Мосину установить удельный вес грамотных крестьян по 6 уездам Вятской губернии: в Нолинском уезде был 581 грамотный (1 % среди всех категорий крестьян), в Слободском — 561 (1,2 %), Котельницком — 508 (1,3 %), Глазовском — 322 (0,67 %), Яранском — 98 (0,17 %), Елабужском — 91 (0,29 %). Всего грамотных было 2201 человек (0,77 %).

Автор отмечает, что число грамотных крестьян распределялось неравномерно по волостям и отдельным населенным

пунктам. Большой редкостью было проживание 10 и более грамотных в одном месте, в некоторых волостях не было зафиксировано ни одного грамотного (!), в то время как в Волковской волости Слободского уезда грамотных набралось 101 человек. Это был высший показатель среди 131 обследованной волости губернии. В Волковской волости обычным делом стала семейная грамотность, когда грамотными были отец, сыновья, братья, племянники.

Хотя старообрядцы, не заинтересованные в привлечении внимания властей, почти целиком отказывались участвовать в переписи (учтено лишь 11 человек), по мнению А.Г. Мосина, это почти не влияло на общий показатель грамотности. По официальным данным 1858 г., доля старообрядцев и единоверцев в Вятской губернии составляла немногим более 2 % населения. Грамотными среди них, как правило, были сами “расколоучители”, основная же масса старообрядцев ограничивалась присутствием на коллективных богослужениях.

Эти уникальные данные о грамотности крестьян Вятской губернии на 1806 г. являются очень впечатляющим показателем, свидетельствующим о ничтожно малом числе грамотных среди крестьян Урала на рубеже XVIII–XIX веков. Учитывая общую тенденцию к расширению круга грамотных на протяжении XVIII столетия, можно утверждать, что в первой половине XVIII в. грамотных среди крестьян было еще меньше.

Мусульманские школы в селениях башкир и татар

Значительную часть населения Урала составляли мусульмане — башкиры и татары. У этих народов существовали традиционные религиозные школы ислама — медресе (от арабского *мадраса* — место, где учат). Эти школы повышенного типа открывались вне городов, в сельской местности, с целью религиозно-нравственного воспитания детей, подготовки духовных наставников при мечетях, учителей низших духовных школ. Муллы ведали медресе и составляли костяк учителей.

Традиционная программа медресе включала изучение арабского языка, логики, философии, догматики, мусуль-

манского права, они приближались к средним духовным учебным заведениям. Учебный курс состоял из строго чередующегося набора книг, написанных в XI–XVI вв. Общеобразовательные предметы носили вспомогательный характер. В зависимости от подготовленности учителей учащиеся (шакирды) получали некоторые сведения по математике, классической арабской литературе, истории. Языком обучения в младших группах был тюрки — региональный литературно-письменный язык. В средних и старших отделениях преподавание велось на арабском и частично персидском языках.

В учебном курсе преобладали богословские дисциплины. Так, в медресе, основанном около 1720 г. в деревне Стерлибаш, учебный курс включал мусульманскую догматику, право, логику, арабский язык и другие традиционные для медресе предметы⁷¹. Крупные медресе были открыты в 1709 г. в деревне Суюндук, в 1745 г. — в Сеитовом посаде близ Оренбурга⁷².

Действовали и элементарные школы грамоты, известные впоследствии под названием мектебов (от арабского *мактаб* — место, где пишут). В программу мектебов входило обучение чтению и письму на основе арабской графики, счету, заучивание наиболее употребляемых молитв, чтение Корана, обычно по книге “Афтияк”, произведений религиозно-дидактического содержания. Обучение в этих школах длилось от 3 до 5 лет⁷³.

Мектебы и медресе содержались за счет местного населения, ни духовные власти, ни государство не выделяли на них средств. С середины XVIII в. правительство стало шире привлекать служителей культа на службу в качестве переводчиков, писарей. Были устранены препятствия при строительстве мечетей и школ, объявлена веротерпимость.

В 1789 г. в Уфе было учреждено Духовное собрание по управлению делами мусульман европейской части Российской империи и Сибири. Во главе собрания был поставлен муфтий, назначаемый правительством. Духовное собрание должно было следить, чтобы мектебы и медресе существовали “только при мечетях”, руководителями их были муллы “в верности надежные и доброго поведения”, утверждаемые в этом звании местной администрацией. Предпри-

сывалось не допускать обучения башкир “в домах или других местах”. Таким образом деятельность мектебов и медресе направлялась правительством в желаемое русло. В конце XVIII — начале XIX в. в Петербурге и Казани началось печатание книг на восточных языках арабским шрифтом⁷⁴.

В конце XVIII в. сеть религиозных школ в Башкирии стала быстро расширяться. Судя по журналу регистрации исходящих документов Уфимского духовного собрания, его члены (кадии) постоянно устраивали испытания избранным обществом лицам, назначали их муллами в мечети “и молодых людей учить”. Иногда в один день распределялось по 6, 14, 20 человек⁷⁵. В конце XVIII в. в Оренбургской губернии насчитывалось уже более 100 башкирских и татарских школ⁷⁶. Кроме того, действовало немало домашних пунктов обучения как для мальчиков, так и для девочек, несмотря на запреты властей.

ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВОМ СЕТИ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ НА СЕЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Приходские училища Министерства народного просвещения, ведомства уделов и Синода

В начале XIX в. государство впервые попыталось выступить в роли инициатора организации школ для детей крестьян на всей территории страны. По Уставу учебных заведений Министерства народного просвещения 1804 г., в селениях, как и в городах, при каждом церковном приходе (или двух) полагалось иметь приходское училище для обучения детей обоего пола, “без разбору лет”⁷⁷.

По сути, предполагалось устройство школ элементарной грамотности по месту жительства с типовой программой обучения чтению гражданской и церковной печати, письму, первым действиям арифметики, началам Закона Божьего. Чтение книги “Краткое наставление о сельском домоводстве, произведении природы, сложении человеческого тела и вообще о средствах к предохранению здоровья” должно было дать крестьянским детям общее представление о природе, человеке и основах ведения хозяйства. В воскресные дни и праздники в училищах должны были изучать “Катехизис”, “Священную историю”. Разрешалось вводить и дополнительные предметы.

Программа приходских училищ была рассчитана на один год, причем на селе учебный год укорачивался — от окончания полевых работ до начала их в следующем году. На законодательном уровне был определен и круг учебных пособий — таблицы азбучные, складов, букварь, прописи, “Руководство к чистописанию”, первая часть арифметики, “Катехизис”, “Краткое наставление”, “Детский друг”, “Правила для учащихся”.

Лиц, пожелавших обучать детей, предполагалось испытывать в уездных училищах или гимназиях и утверждать в университете (для Урала — в Казанском). Надзор за училищем вверялся приходскому священнику и одному из почтеннейших граждан, в помещичьих деревнях — их владельцу. Конечной надзирающей инстанцией являлось Министерство народного просвещения.

Но государственных средств на содержание приходских училищ не выделялось. В казенных селениях они должны были находиться на иждивении прихожан, то есть плата за аренду помещения, его отопление, освещение, ремонт, закупка учебников, оплата труда учителя возлагались на крестьян. В частновладельческих селах решение этих вопросов отдавалось на усмотрение помещиков.

Таким образом, хотя обучение крестьянских детей предполагалось проводить бесплатно, все содержание школ в казенных селениях падало на плечи крестьян, государство выступало лишь в роли инициатора и регулятора основных сторон их деятельности.

Сразу по выходу Устава 1804 г. епархиальные архиереи обратились в Синод с предложением поручить преподавание в сельских приходских училищах духовенству. Синод счел не очень удобным привлечение отправлявших требы священников и предложил Министерству народного просвещения использовать в качестве учителей “закомплектных” священно- и церковнослужителей или учившихся в семинариях и испытанных в прилежности дьяконов, причетников; открывать училища по сношению с епархиальным начальством, причем не в домах священников, а “отводить от светского правительства, неподалеку”; книгами учащихся обеспечивать бесплатно. Министерство, согласившись с мнением Синода, обратилось к Сенату. Сенат указом от 31 января 1805 г. предлагал губернскому начальству “содействовать начинанию Синода”⁷⁸.

Новым Уставом учебных заведений 1828 г.⁷⁹ предписывалось открывать приходские училища “повсюду, где есть средства”. Помещики и сельские общества, пожелавшие завести училища, должны были обращаться к штатному смотрителю уездного училища, тот — представлять директору училищ губернии с приложением мнения священника. Над-

зор за училищем возлагался по-прежнему на священника, а наблюдение за порядком — на сельского старосту или волостного старшину. Подробнее оговаривались пути поиска учителей — предлагалось принимать людей “всякого состояния”, испытанных в уездном училище. Сельские общества, помещики, частные лица, учреждавшие и содержавшие училища, имели право представления кандидатов в учителя.

Подробнее оговаривались в Уставе 1828 г. и правила приема учеников — мальчиков не моложе 8 лет, девочек — не старше 11, без платы, без испытаний. В селениях, где проживало много ремесленников, разрешалось открывать 2-й класс с преподаванием предметов низших классов уездных училищ, вводить ланкастерский метод взаимного обучения. Оговаривалось минимальное время действия училищ на селе — не менее 5 или 4-х месяцев в году, по 4 часа ежедневно. В свободное время после обеда желающие могли обучаться церковному пению по нотам. Занятия полагалось начинать и кончать молитвою, которую должен был читать один ученик по очереди. По окончании обучения вводились испытания учащихся в присутствии родителей, родственников, посторонних. Новшеством являлось и одобрение законом формирования при училищах, “по возможности”, собраний книг, которые могли бы читать ученики и грамотные жители. Таким образом, государство в 1804 и 1828 гг. на законодательном уровне установило порядок открытия приходских училищ Министерства народного просвещения в государственной деревне и селениях частновладельческих крестьян.

В 1828 г. был высочайше утвержден “Устав сельских училищ в удельных имениях”⁸⁰ (принадлежавшим императорской фамилии), которым предписывалось устройство одного училища при каждом сельском приказе удельного ведомства для подготовки писарей в удельные конторы и приказы и распространения “необходимых для каждого христианина понятий о вере и некоторых первоначальных для христианина сведений”. Программа обучения в сельских училищах была такой же, как и в приходских, но рассчитывалась на три года, а не на один, разрешался прием лишь мальчиков в возрасте от 8 до 12 лет. Уроки Закона Божьего должны были вести духовные лица, остальные предметы —

светские учителя. Им полагалось небольшое жалованье (145 руб. в год), квартирное “довольствие” (жилье с отоплением, освещением) и в качестве льготы — освобождение от рекрутской повинности на период учительской службы.

В Москве и Красном Селе были учреждены специальные училища для подготовки учителей, но после закрытия их в 1836 г. в училища удельного ведомства стали назначаться учителями местные священники и дьяконы. Характерно, что и ведомство уделов возложило содержание школ на плечи самого населения, и здесь учреждался особый сбор с крестьян.

В уральской деревне в первой половине XIX в. появились приходские училища ведомства Синода. “Положением об улучшении духовных училищ” 1808 г. предусматривалось открытие до 30 приходских школ духовного ведомства на епархию. В них позволялось принимать детей не только духовенства и церковнослужителей, но и из других сословий⁸¹. В 1836 г. Синод утвердил “Правила обучения поселянских детей и особенно раскольниковских грамоте”. В школах духовного ведомства программа была самой ограниченной — обучение чтению гражданской и церковной печати, желающих — письму; “смотря по удобности” — арифметике, при особом внимании к наставлению в вере и благочестии, изучению молитв⁸².

Но несмотря на все эти начинания, сеть школ в уральской деревне росла очень медленно. Покажем это на примере Пермской губернии, история учебных заведений которой наиболее изучена.

По данным Т.А. Калининой, первое приходское училище Министерства народного просвещения для детей государственных крестьян появилось в губернии в 1815 г. в Сыльвенско-Рождественской волости Кунгурского уезда по инициативе местного писаря из крестьян Петра Подшивалова. Сам он пожертвовал училищу деревянный дом, обязался в течение первых трех лет его отапливать, освещать, ремонтировать, платить сторожу, обеспечить детей к началу занятий учебными пособиями и “до кончины своей — содержать за свой счет трех мальчиков из бедных семей”. На содержание этого училища со всех жителей волости ежегодно собиралось по 200–300 руб.⁸³ В 1837 г. открылась Байкаловская школа в Ирбитском уезде, в 1839 г. — Буткинская и

Песчанская в Шадринском⁸⁴. О малочисленности приходских училищ для государственных крестьян ярко свидетельствуют, на наш взгляд, данные по России — в 1836 г. во всех селениях страны с многомиллионным населением насчитывалось всего до 60 школ, находившихся в ведении Министерства народного просвещения⁸⁵.

В ведомстве этого министерства наряду с приходскими училищами государственной деревни числились и частновладельческие. Они в Пермской губернии тоже были единичны, всего 8 училищ на 1860 г. В селах, принадлежавших Строгановым, они действовали в Ильинском (с 1794 г.), Верхнемуллинском (с 1823 г.). Сретенском (с 1839 г.), Кудымкорском (с 1841 г.). В селе Новое Усолье, раздробленном между несколькими фамилиями, училища были учреждены Строгановыми (1817), князьями Голицыными (1835), княгиней Бутера (1848). В 1860 г. в 8 училищах было всего 397 учащихся, в том числе 37 девочек⁸⁶.

Первое училище, открытое графом А.С. Строгановым в селе Ильинском, центре управления пермскими имениями и заводами, являлось начальной школой повышенной ступени по типу екатерининских народных училищ. В начале XIX в. оно было преобразовано в приходское училище, программа которого выгодно отличалась от прочих сельских школ — в 1820 г. в нем преподавали Закон Божий, чтение, письмо, первые две части арифметики, грамматику, российскую и всеобщую историю, географию, физику. Нескольких мальчиков обучали рисованию и живописи. В штате училища числилось 5 учителей — старший, младший, рисования, пения, живописи, у последнего в индивидуальном обучении состояло 2 ученика⁸⁷.

В училище, расположенном в селе Ильинское, присылались мальчики со всего имения, на его деятельность выделялась самая большая сумма, штатами 1832 г. — 3940 руб., в то время как на училище при Билимбаевском заводе — 1300 руб., при Очерском заводе — 951 руб. Неизвестно точно, сколько в Ильинском училище обучалось детей крестьян, но как сообщал С.Г. Строганову в 1860 г. смотритель школ имения И.Ф. Петров, число крестьянских детей в Ильинском “весьма значительно”, хотя официально они и не числились по списку⁸⁸.

В приходском училище Строгановых в селе Новое Усолье в 20–30-х гг. XIX в. изучали арифметику, грамматику, всеобщую и российскую историю, географию, логику, риторику; в особом отделении — геометрию, черчение, рисование, основы архитектуры. Штатами 1844 г. предусматривалось ежегодно обучать до 70 человек, 60 из них должны были быть детьми служителей и промысловых работников и не более 10 — детьми крестьян. На господский счет разрешалось содержать только 10 человек, но не крестьянских детей⁸⁹.

В приходском училище села Кудымкор обучалось до 50 человек в год. Поскольку служительских детей в округе было мало, в училище принимались и крестьянские, что вызвало недовольство графа С.Г.Строганова. По его приказу в 1846 г. сократили число учащихся, закрыли столовый дом при училище⁹⁰.

Высочайшим повелением 1847 г. заводовладельцы—помещики Урала обязывались иметь не менее одной школы на каждые две тысячи населения в местах проживания раскольников. В 1857 г. в имениях Строгановых в Пермском и Оханском уездах имелось 27 таких сельских школ, в том числе 5 женских, с 683 учащимися⁹¹.

Приходские училища, снабжавшие имение грамотными служащими и специалистами, находились на полном господском обеспечении, учеников кормили, одевали, покупали им учебники. Сельские же школы содержались за счет самого крестьянского населения, которое предоставляло им помещения, ремонтировало их, отопляло, оплачивало труд учителей, помогало детям бедных родителей и сиротам. На нужды сельских школ проводились сборы во время церковных служб (так называемые “кошельковые деньги”), использовалась часть “богоугодных” средств, выделяемых на содержание сирот, престарелых, инвалидов; “штрафные”, взимаемые с населения. Это были скромные суммы, которых не хватало на мебель (столы, скамейки), на учебные пособия, на классные доски. Учителя в этих школах работали бесплатно, либо за ничтожное денежное или материальное вознаграждение в виде получения хлеба из экономических магазинов.

Приходских учебных заведений удельного ведомства в Пермской губернии в 1860 г. было всего 12. Из них в пяти

училищах в селах Ершовка, Сава, Частых, Устиново, Горы к 1860 г. имелось уже по 2—3 учителя на 25—30 учеников. В семи школах в селах Ершовка, Степаново, Шагирт, Частых, Устиново, Крюково, Комарово имелось лишь по одному учителю. Если в училищах обучались лишь мальчики (153 человека), то в школах — в основном девочки (71 из 96 человек)⁹².

Эти учебные заведения находились в ведении контор удельного управления, за учебной и хозяйственной частью их наблюдали управляющие конторами и их помощники. Учителям полагалось жалованье — 145 руб. в год.

Ученики набирались не только из сел, где располагались училища, но и из десятков прилегающих деревень, размещались на квартирах большими группами, чтобы легче было надзирать за их домашней подготовкой и поведением. За неимением помещений обучение зачастую велось в избах местных учеников. Например, в селе Горы училище с момента открытия в 1842 г. размещалось поочередно в домах, из которых больше всего было взято мальчиков, потом — в только что выстроенном доме учителя-дьякона, и только в 1849 г. удел построил специальный дом из двух комнат, в котором разместилась школа и квартира второго учителя.

Учащиеся этого училища получали месячное содержание в размере 1 руб. Каждое семейство, отдавая ребенка в учение, должно было снабдить его армяком, кушаком, шляпою, сапогами, зимой — тулупом и шапкою. Бедных же и сирот обязано было одевать крестьянское общество⁹³.

Духовное ведомство школ на селе в первой трети XIX в. вообще, видимо, не открывало. Судя по списку приходских училищ духовного ведения, имевшихся на территории Пермской губернии в 1860 г., составленному В. Шишонко, первые училища были открыты в 1837 г. в селах Екатеринбургского уезда (Камышевском, Смолинском, Троицком, Кочневском) и Шадринского уезда (Бакланском, 1838). К 1860 г. в селах действовало 72 училища для детей православного вероисповедания. Приходские училища духовного ведомства имелись и при единоверческих церквях. Судя по их общему списку, составленному В. Шишонко, в 1860 г. в селах размещалось 16 таких училищ, половина из действовавших по губернии⁹⁴. (См. приложения 6 и 7).

Если учесть, что государственных крестьян в Пермской губернии проживало в начале 50-х гг. XIX в. 1 044 407 душ обоего пола, помещичьих — 337 545, удельных — 37 789⁹⁵, станет понятна незначительность сети действовавших в селах губернии школ и мизерность числа обучаемых в них детей крестьян.

Такой же редкой была сеть школ на селе и в Вятской губернии, занимавшей первое место в России по числу государственных крестьян. К 1828 г. в этой губернии, по данным С.А. Нурминского, было открыто всего лишь 9 приходских училищ, из них по крайней мере 4 — городские⁹⁶.

А.Г. Мосиным выявлено “предложение” вятского губернатора П. Добринского и епископа Вятского и Слободского Амвросия 1819 г. об устройстве в губернии 200 приходских училищ для детей государственных крестьян. Необходимость создания столь относительно широкой сети школ мотивировалась тем, что “Вятской губернии гражданское начальство от всесветной безграмотности казенных поселян примечает великие затруднения и препоны в службах, в волостном управлении и в самой промышленности и хозяйстве поселян. Сельские заседатели и волостные начальники... часто могут только слушать дела и прикладывать печать. Нередко целая волость не находит между себя кого бы по крайней мере нанять к наблюдению порядка...”⁹⁷

Закупку учебных пособий, надзор за учебной частью школ предлагалось поручить благочинным иереям, а их материальное содержание обеспечивать за счет ежегодных дополнительных сборов с крестьян, по 10 коп. с души, т.е. присоединить этот сбор к частным земским повинностям государственных крестьян. Министр финансов, поддерживая в целом это предложение, распорядился повременить с его творением в жизнь до введения нового управления государственной деревней, которое, как известно, последовало лишь в 1837 г.⁹⁸

В Оренбургской губернии первая школа для обучения детей крестьян была открыта удельным ведомством в 1825 г. при Дуванеевском приказе, причем по инициативе самих крестьян. В 1817 г. управляющий Оренбургской удельной конторой представил в Министерство уделов приговор крестьян Уфимского уезда о необходимости открыть школу при

этом приказе для обучения мальчиков грамоте за счет сбора с каждой души по 5,5 коп. Но только с 1825 г. школа стала действовать. Для обучения в ней были избраны 18 мальчиков, по одному с тысячи крестьянских душ, преимущественно из детей сирот, а с крестьян на их содержание стали собирать по 9 коп. с души. К 1828 г. число учеников в школе увеличилось до 35⁹⁹.

В условиях почти полного отсутствия школ для детей крестьян в первой половине XIX в. на Урале продолжала развиваться традиция домашнего обучения у “мастеров грамоты”. Так, епископ Вятский Неофит жаловался в 1839 г. губернатору, что в слободе Кукарке и прилегающих к ней деревнях “частные и малосведущие люди” обучают детей, не имея соответствующего разрешения. В самой слободе — отставной солдат Василий Шевнин, крестьяне Андрей Бронников и Мария Кушкова; в деревне Смоленцовой — Михаил Смоленцов, в Жерновых Горах — Петр Елкин, в Пироговской — Матрона Кушкова. Неофит указывал на наличие таких учителей и во многих других деревнях. В ходе проверки было установлено, что Шевнин и Бронников имели разрешение от директора вятских училищ, остальным содержание школ было запрещено¹⁰⁰.

Инициативу в открытии школ для детей крестьян брало на себя и местное духовенство. Священники, иногда их помощники, дьяконы, устраивали училища в своих домах, закупали на собственные деньги книги и бесплатно учили детей. Т.А.Калинина выявила данные о таких школах, устроенных в Пермской губернии: в селе Билаирском — священником Ребриным, селе Осинская Дуброва — М.Г.Пепеляевым, последняя действовала с 1837 по 1843 гг. Священник К.Введенский в селе Истокское Екатеринбургского уезда обучал в своем доме бесплатно 16 мальчиков, за свой счет отапливал помещение, покупал книги, содержал сторожа¹⁰¹.

**Влияние реформы государственной деревни
П.Д. Киселева 1837–1841 гг. на распространение
грамотности среди крестьян. Приходские училища
Министерства государственных имуществ**

Сеть приходских школ в государственной деревне Урала стала расширяться благодаря реформе П.Д.Киселева 1837–1841 гг. Составными частями реформы являлись реорганизация управления государственными крестьянами, предусматривавшая наличие большого штата хорошо подготовленных писарей, сельских и волостных выборных крестьянских начальников, распространение в деревне улучшенных методов ведения земледелия (в т. ч. выращивания новых культур), племенного скотоводства, оказания ветеринарной помощи, создание с этой целью образцовых крестьянских хозяйств; распространение среди крестьян врачебных наставлений по лечению наиболее распространенных болезней и т.д.

Все это было немыслимо без расширения элементарной грамотности государственных крестьян. Поскольку уровень этой грамотности был вопиюще низок, сеть школ ничтожно мала, важной составной частью реформы стала программа открытия писарских училищ для подготовки квалифицированных писцов и создания широкой сети школ для обучения крестьянских детей чтению и письму.

Министерство госимуществ, проводник этой реформы на селе, в 1838 г. издало циркуляр о подготовке крестьянских мальчиков к писарской должности, согласно которому каждая волость должна была выделять ежегодно по 3 мальчика для обучения их в течение 6–7 месяцев у священников¹⁰². Средства на содержание детей, оплату труда священников должны были собираться с самих крестьян — вводился специальный общественный сбор.

Согласно Положению Комитета министров от 18 ноября 1841 г., стали учреждаться и писарские школы, призванные готовить писарей для местных органов управления системы Министерства госимуществ. Выпускники таких школ обязывались в течение 10 лет отработать в этих органах или возместить расходы, затраченные на их обучение¹⁰³. Такие училища были открыты в начале 40-х гг. XIX в. во всех

уездах Вятской губернии¹⁰⁴, в 1855 г. в Вятке было основано второе писарское училище, в которое приняли 150 учеников, прошедших курс обучения в сельских приходских школах¹⁰⁵.

Именными указами от 27 июня и 23 ноября 1842 г. предписывалось учреждать в селениях государственных крестьян сельские приходские училища на основе Устава 1828 г., принимать в них детей с 8 лет, по добровольному желанию родителей¹⁰⁶. Циркуляром Министерства госимуществ 1842 г. предусматривалось преобразование всех действовавших в казенных селениях школ в приходские с тем, чтобы в каждой волости обязательно действовало по 1 училищу¹⁰⁷.

Программа обучения в школах Министерства госимуществ по сравнению с приходскими училищами Министерства народного просвещения по закону 1842 г. увеличивалась — наряду с чтением книг гражданской и церковной печати, письмом, первыми действиями арифметики, Законом Божиим, вводились уроки чистописания, скорописи, объяснения российских мер, весов, монет и употребления счетов. Хотя учебный год по-прежнему оставался укороченным, ежедневное время занятий увеличивалось с 4 до 6 часов, а длительность обучения — с года до трех лет.

Само Министерство госимуществ расширило программу училищ за счет церковного пения — предписало “заставлять” учеников “петь на клиросе во время обедни в праздничные дни”, что должно было способствовать более частому посещению церкви детьми. Затем стало поощрять введение практических занятий садоводством и огородничеством, устройство при школах садов и огородов с целью распространения среди крестьян сельскохозяйственных знаний¹⁰⁸.

Министр госимуществ П.Д.Киселев, как автор реформы, стремился сделать приходские училища не только центрами распространения грамотности, знаний среди сельского населения, но и одним из главных каналов воспитания подрастающего поколения государственных крестьян — самой многочисленной категории населения России. Поэтому учителя обязывались не только давать детям элементарные знания, но и внушать им “страх божий, правила святой веры, благоговение к православной церкви”, “глубочайшую преданность к державному государю”, “повиновение и благо-

дарность... начальству, сердечную привязанность к родителям", "почтительность к старшим, полную готовность служить обществу и бескорыстно помогать всем людям"¹⁰⁹. Лучшими проводниками такого воспитания могли быть, по мнению Киселева, местные священники, дьяконы, причетники. Закон 1842 г. предписывал именно их использовать в качестве учителей", но не светских лиц.

В каждой школе полагалось иметь классную доску, не менее 10 аспидных досок для обучения письму, не менее 6 счетов для обучения счету. В качестве учебников должны были использоваться славянская азбука, таблицы для складов, "Российский букварь", прописи, "Начатки христианского учения", руководство по арифметике. Для чтения рекомендовались книги религиозного содержания — Часослов, Псалтырь, Евангелие, жития святых и прочие назидательные пособия в религиозно-монархическом духе.

Выделялись среди литературы для чтения книги, написанные В.Ф.Одоевским и А.П. Заблоцким-Десятовским — "Сельское чтение" в 2-х частях и "Рассказы о боге, человеке и природе". "Сельское чтение" включало рассказы М.Н.Загоскина, В.И.Даля и других авторов. В популярной форме здесь излагались сведения по естествознанию, сельскому хозяйству, истории, географии России. Брошюра Максимова "Книга Наума о великом божьем мире" была призвана знакомить крестьян с устройством Вселенной, основами жизни на земле¹¹⁰.

Наблюдение за постановкой образования в училищах возлагалось на министра просвещения и прокурора Синода, материальное содержание — на Министерство госимуществ. На содержание каждого училища Министерство госимуществ должно было выделять в год по 250 руб., из них 85 полагалось священнику или дьякону за обучение 25 детей, 75 руб. — помощнику учителя, 45 руб. — на наем, отопление, освещение помещения; 27 руб. 50 коп. — на покупку учебных пособий, 17 руб. 50 коп. — сторожу. Если в школе обучалось больше 25 детей (до 40 человек), главный наставник должен был получать прибавку в 15 руб., за следующую партию учеников сверх нормы — еще 15 руб. Сиротам и детям бедных крестьян разрешалось давать пособия на одежду и обувь¹¹¹.

Таким образом, материальная сторона деятельности приходских училищ, открывавшихся Министерством госимуществ, была проработана лучше аналогичных школ Министерства народного просвещения, Департамента уделов. Но эти ассигнования министерства должны были покрываться не за счет государственного казначейства, а путем общественных сборов с крестьян. Суммы, предназначавшиеся на приготовление мальчиков к писарской должности у священников, отныне должны были идти на содержание приходских училищ. При недостатке этих сумм разрешалось делать отчисления с хозяйственного капитала.

Имеющиеся в литературе данные свидетельствуют, что многие слои уральского крестьянства в первой половине XIX в., понимая необходимость обучения своих детей, приветствовали открытие школ, соглашались материально поддерживать их деятельность. Пермская духовная консистория в донесении Синоду в 1836 г. отмечала, что в “простом народе по Пермской губернии приметно общее рвение родителей учить детей своих грамоте”. Священник села Истокское Екатеринбургского уезда К. Введенский в начале 50-х гг. XIX в. констатировал, что, несмотря на полное отсутствие среди жителей села умеющих читать, налицо “ревностное желание иметь детей своих грамотными”¹¹². Крестьяне удельной деревни Крюково той же Пермской губернии заявили своему начальству в 1846 г., что “весьма желают учить своих детей” и поскольку до ближайших училищ в селах Устинове, Горы далеко, просили открыть школу в их деревне. Крестьяне разных удельных сел Устиновского приказа в том же 1846 г. вынесли “приговор” — согласились пожертвовать в пользу Устиновского училища деньги, чтобы увеличить плату учителю до положенных 145 руб., нанять сторожа и освободить учителя от топки печей¹¹³.

Живой отклик нашло открытие школ и в среде государственных крестьян Вятской губернии. Сопоставим данные Н.М. Дружинина о размерах общей суммы, собранной в первые годы реформы Киселева на открытие училищ по 26 губерниям России — более 19 тыс. руб. — с суммой, пожертвованной группой крестьян Вятской губернии — 3442 руб. 88 ... коп.¹¹⁴ Это сравнение — красноречивое свидетельство значительного материального вклада вятского кре-

стьянства в развитие сети школ в государственной деревне губернии.

Хотя планом Киселева предусматривался постепенный рост численности приходских училищ в деревнях государственных крестьян, с тем чтобы в конечном счете каждое сельское общество получило школу, на деле развитие сети школ стало приходить в вопиющее несоответствие с общими суммами выделяемых министерством ассигнований. В 1851 г. министерство вынуждено было пойти на ограничение численности приходских училищ — санкционировалась деятельность одного училища на каждую волость. “Излишние” школы предлагалось сделать передвижными, переводить их из одного места в другое по мере обучения детей. Разрешено было принимать в школы, действовавшие в государственной деревне, детей из других сословий при условии платы учителю 3 руб. серебром в год¹¹⁵.

В 1860 г. Министерство госимуществ обратилось к духовенству с предложением открывать в селениях крестьян так называемые “безмездные” училища, в которых священники вели бы занятия без оплаты (безвозмездно). Местное священство откликнулось на призыв. В том же 1860 г. в Пермской губернии наряду с 72 штатными училищами стало действовать 94 “безмездных”. В штатных обучался 2891 учащийся, в том числе 416 девочек, в “безмездных” — 1323 учащихся, (из них 261 девочка)¹¹⁶. То есть благодаря благотворительному порыву местного духовенства число школ в государственной деревне Пермской губернии увеличилось более чем в 2 раза, правда, по числу учащихся “безмездные” школы более чем в 2 раза уступали штатным. По-видимому, они открывались в небольших деревнях (см. приложение 1).

Наибольшее число “безмездных” училищ в Пермской губернии открылось в деревнях Камышловского (28 училищ), Шадринского (18), Красноуфимского (14) округов. В них вызвались преподавать сельские священники, дьяконы, дьячки, их жены, дочери и другие родственники. Лишь одно училище расположилось в общественном доме, 89 — в “пожертвованных на время”, 4 — в наемных¹¹⁷. Учащиеся, по-видимому, сами обеспечивали себя пособиями или это делалось за счет общества.

В штатных училищах в 1860 г. 178 детей-сирот находились на общественном содержании, 2146 были “вольноприходящими”, но и среди них бедные получали хлеб из общественных магазинов — им было выдано 294 четверти хлеба. Четверть вмещала 8 пудов муки (пуд — 16,38 кг), следовательно, детям было выдано 38,5 т. Все учащиеся получали казенные учебники. 202 мальчика и 4 девочки, как наиболее способные, готовились к занятию места учителя приходских училищ казенного ведомства¹¹⁸.

В Оренбургской губернии число приходских училищ Министерства госимуществ увеличилось с 20 в 1843 г. до 51 в 1850, а число учащихся в них с 379 до 1967. Их сеть была меньше, чем в Пермской губернии, неизвестно, были ли здесь “безмездные” училища. В начале 1850-х гг. число школ резко сократилось в связи с передачей трех уездов из Оренбургской губернии в состав Самарской, а на их территории действовало 25 школ. К 1860 г. сеть училищ Министерства госимуществ в Оренбургской губернии увеличилась до 38, из 1336 учеников 296 составляли девочки¹¹⁹. Наряду с русскими учились татары, башкиры, мордвины, чуваша. В 1850–1851 гг. в селе Зирган и деревне Буздяк были открыты школы для мусульманских детей, учителями в них назначены светские лица, выпускники уездных училищ¹²⁰.

В Вятской губернии к 1860 г. действовало 214 сельских училищ¹²¹. Неясно, были ли среди них школы духовного, удельного ведомств, частновладельческие, или это только школы Министерства госимуществ. Во всяком случае в 1850 г. Министерство госимуществ выделило Вятскую губернию в числе 4 лучших по показателям школьного обучения среди 22 губерний страны. Пермская и Оренбургская не попали даже в число “удовлетворительных”, они были отмечены среди 7 губерний, имевших много недостатков¹²².

Но официальные данные об училищах сильно приукрашивались. Более достоверным источником, раскрывающим истинное состояние обучения детей крестьян, являются материалы ревизий, проводившихся чиновниками министерства в течение нескольких месяцев, в ходе которых ревизоры лично осматривали училища, объезжая волости и селения.

Многие помещения сельских школ были тесными, мало приспособленными для школьных занятий. В селе Юрле Пермской губернии в 1846 г. училище располагалось в наемном доме с выбитыми стеклами, заклеенными бумагой, а ученики были одеты бедно и грязно¹²³. В 1859 г. из 72 приходских училищ, действовавших в Пермской губернии, только два имели собственные дома, пожертвованные населением. 22 училища располагались в помещениях, предоставленных обществами — комнатах при церквях, волостных правлениях, крестьянских расправах (судах по делам крестьян). 48 училищ снимали помещения, что подешевле. Неудивительно, что сам управляющий казенной палатой Пермской губернии признавал большинство их “крайне безобразными” и непригодными для занятий¹²⁴.

Из-за нехватки учителей-священников использовали семинаристов, не получивших священнического сана. Учителя зачастую не выполняли своих обязанностей по обучению. Ревизор Брилевич, обследовавший приходские училища Вятской губернии в 1852 г., отмечал: “Священники, исполняющие обязанности наставников, видят в своих местах только средство получать 100 и более рублей серебром годового дохода, сами редко ходят в училища, а преподавание возлагают за ничтожную плату на диаконов, дьячков и причетников, еле грамотных и исключенных из гимназии или духовных училищ за совершенную неспособность к наукам”¹²⁵.

Екатеринбургский окружной начальник доносил пермскому ревизору в 1856 г., что “наставники училищ Белоярского священник Дергачев и Покровского священник Меркурьев вовсе безнадежны занимать эти должности, из которых первый часто временно занимается пьянством, ленив и беспечен до высшей степени... Иногда училище посещается диаконом, который сам не вполне знает предметы преподаваемых в училище наук, особенно арифметику”¹²⁶.

Неподготовленные учителя мало что могли дать и ученикам, посещение школы не означало, что они выучатся грамоте. Яркую характеристику низких методов преподавания в школах Вятской губернии дал ревизор Брилевич в 1852 г.: “Кроме дурных славянских азбук, в училищах нет почти никаких книг и мальчиков готовят скорее в дьячки, неже-

ли в грамотные крестьяне... На занятия учеников обращено так мало внимания, что половину года они не ходят в школу... Посещающие оные более года мальчики едва могут читать и то весьма медленно и нетвердо; написать же правильно двух слов не умеют и тогда, когда почитаются окончившими курс своего учения”¹²⁷.

В селе Белослудском Пермской губернии крестьяне жаловались ревизору в 1846 г., что “ученики, оставаясь весьма часто без надзора, занимаются только шалостями, а одной азбуке учатся по несколько лет”, в селе Тамакульское родители подтверждали, что “ученики долго учатся, а мало успевают”¹²⁸.

Часть учеников покидала школу, не завершив обучения. Так, в Пермской губернии в 1860 г. штатные училища выпустили 231 ученика, а 272 ученика покинули училища до окончания¹²⁹. Обучение в школах Министерства госимуществ являлось добровольным. Но порой местные власти с ретивым усердием претворяли в жизнь закон 1842 г. и требовали от крестьян отправки детей в школу “по наряду”, иногда весной, перед полевыми работами, избивали родителей за отказ, вымогали у них деньги за освобождение от школьной повинности¹³⁰.

О насильственной политике со стороны сельских и волостных начальников в отношении обучения детей упоминает и В.Шишонко. В Частинской волости, выбывшей из удельного ведомства в казенное, проживало в селе и 28 прилегающих деревнях 6990 крестьян. Отцы детей, “назначенных” начальниками к обучению, считали себя обиженными и просили у общества приговора об избавлении детей от училища. Если они получали такой приговор, поили за это общество вином¹³¹.

Из-за необходимости помогать по дому большинство девочек оставалось вне стен школы.

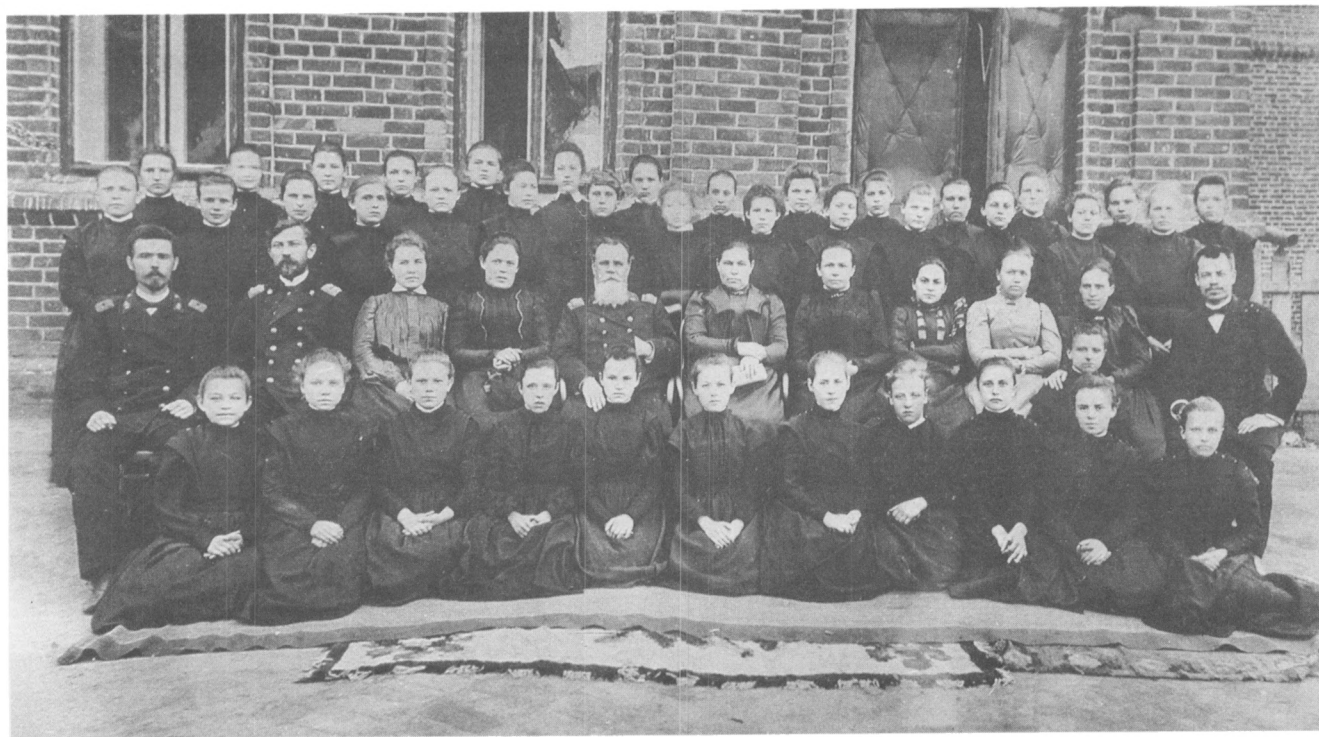

Няньки

Г. Шадринскъ. - Городское училище.

Шадринск Городское училище

Выпускницы Камышловской женской прогимназии.
Многие из них закончили сельские школы и возвратились в них в качестве учителей.

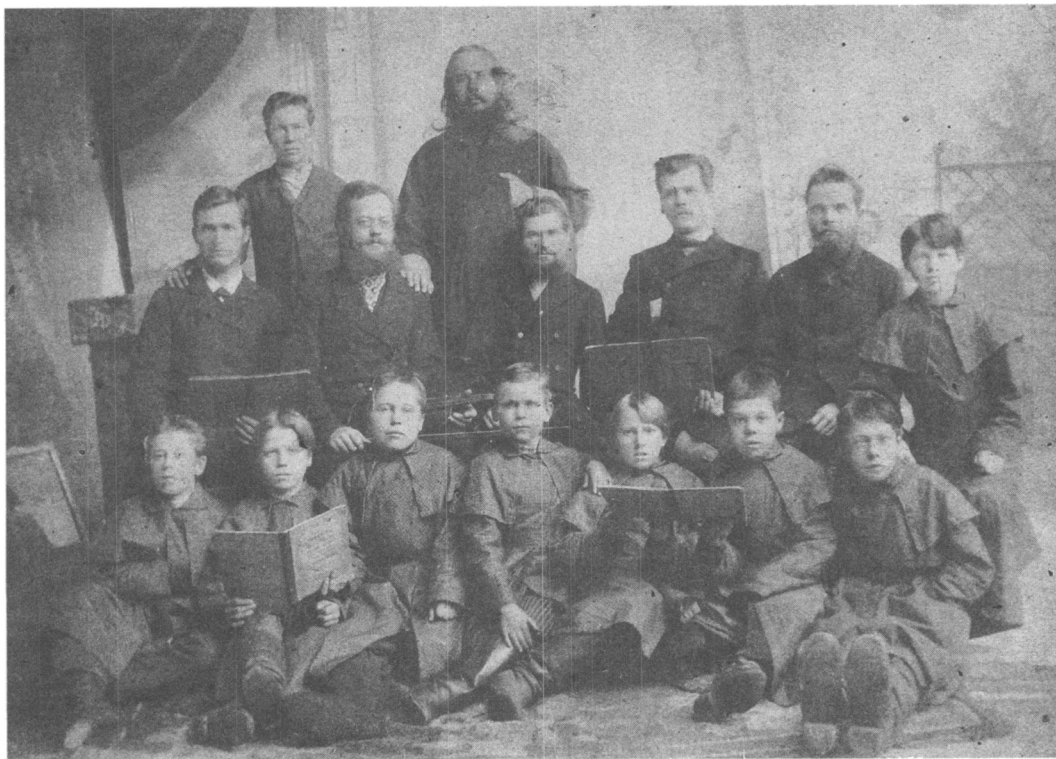
Ученики народной школы села Сусанна Верхотурского уезда Пермской губернии.

Фоминская земская школа. Вторая слева — Золотавина Агния Ивановна, учительница; в середине — отец Владимир. 1905 год.

Педагогическая выставка. Группа учителей.

Любительский хор под управлением Гаврила Филипповича Сосунова.

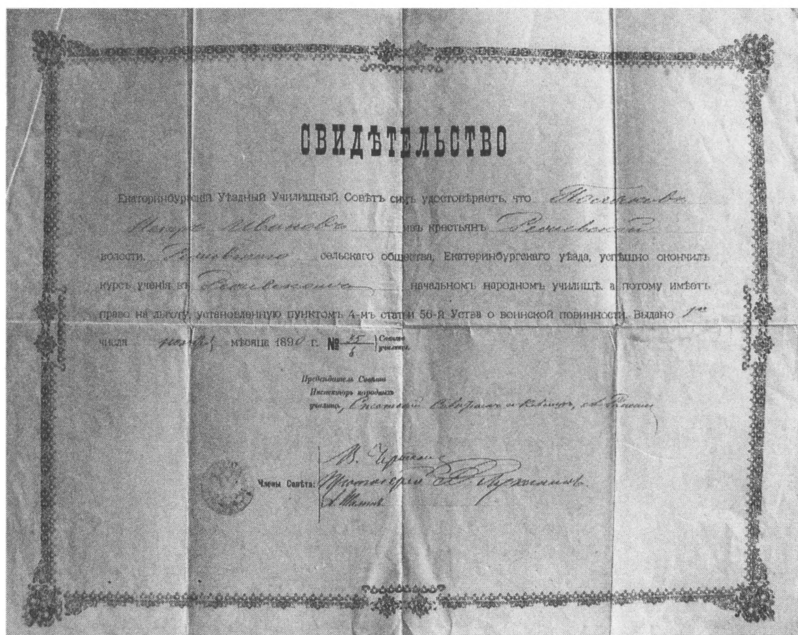
**А.П. Раменский, директор народных училищ Пермской губернии
в 1890—1917 гг.. Фото 1910 г.**

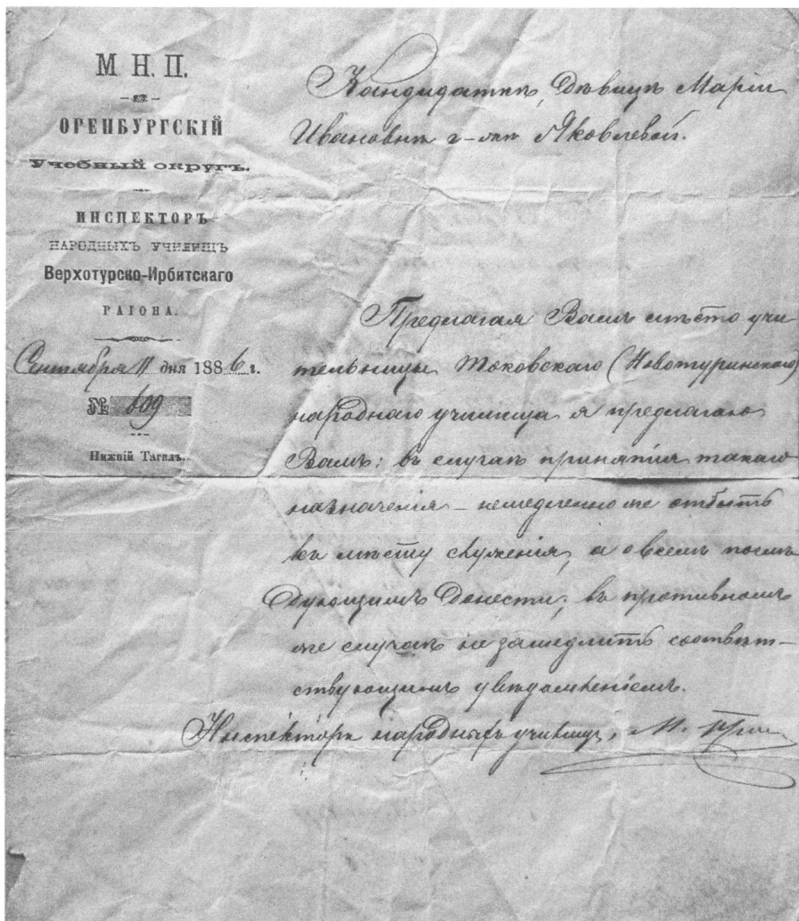
Группа учителей с.Мясогудово Златоустовского уезда. 1912 г.

Урок закона Божьего в селе Озерки (Никольский завод).

**Свидетельство Екатеринбургского училищного совета об
окончании Режевского начального народного училища, выданное крестья-
нину Полякову Петру Ивановичу. 1890 г.**

Письмо инспектора народных училищ Верхотурско-Ирбитского района Оренбургского учебного округа М.И. Яковлевой с предложением занять место учительницы в Токовском (Новотурыинском) училище. 1886 г.

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТЪ.

НИЖНЕСЕРГИНСКОЕ ПРИХОДСКОЕ УЧИЛИЩЕ, ОТДАВАЯ
ДОЛЖНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ОТЛИЧНЫМЪ УСПѢХАМЪ
ПРИБЛИЖЕНІЮ И БЛАГОУРАВНІЮ УЧЕНИКА / КЛАССА

Петру Бабушкина НАГРАДИЛО ЭТО СЕИХЪ ПОХ-
ВАЛЬНЫМЪ ЛИСТОМЪ ПРИ ПУБЛИЧНОМЪ ИСПЫТАНІИ.

1904 / АНН 1853 ГОДА.

Директоръ училища В. А. Аношинъ

Учитель 1-го класса В. А. Аношинъ

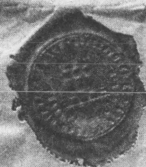
Учитель 2-го класса В. А. Аношинъ

Похвальный лист Нижнесергинского приходского училища,
выданный ученику 1-го класса Бабушкину Петру 1 июля 1853 г.

Свидетельство.

Карпинская Таисия Василье-
ва, дочь Дякона Боровиковска-
го села, родившаяся въ 1882 году
мѣсяца Мая 9го дня, успешно
окончила курсъ въ Борови-
ковской одноклассной цер-
ковно-приходской школѣ,
въ чемъ и выдано ей сіе сви-
дѣтельство за церковного
печатію. 1893го года мѣсяца
Юня 5го дня.

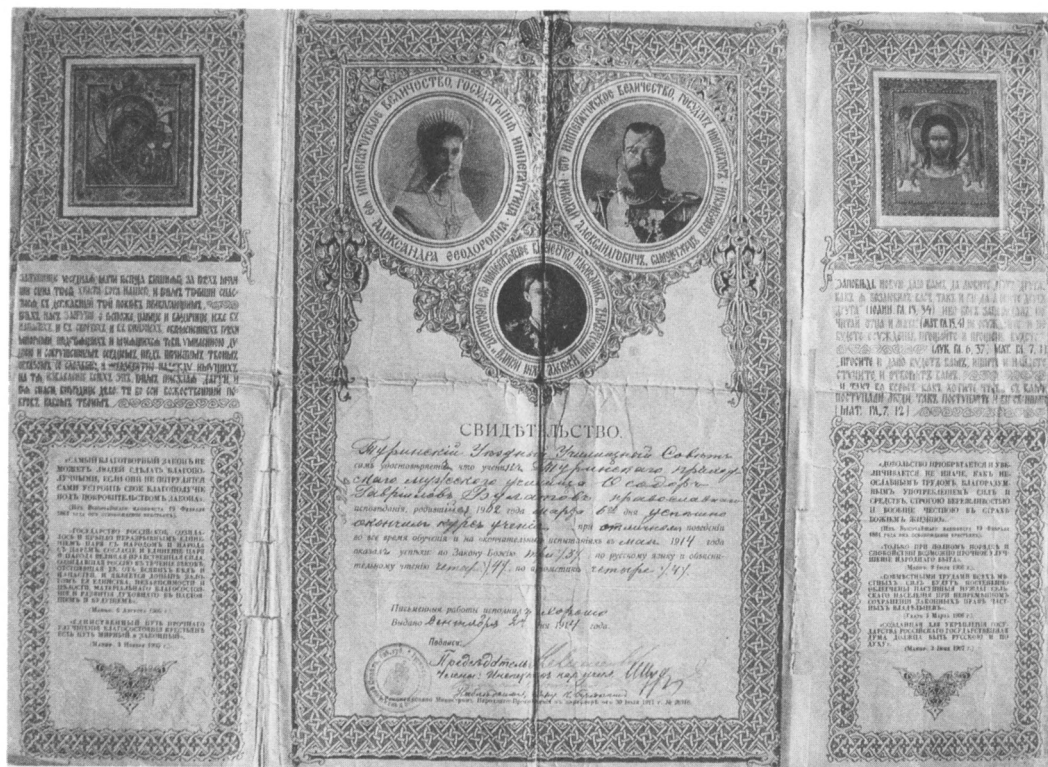
№ 36²
№ 1²

Наблюдатель церковно-приходской
школы 2го Урбинского округа,
Священникъ Константинъ Губаревъ.

Застѣпавшій мѣсто Священникъ Константинъ
Губаревъ

Свидетельство об окончании 1-го класса Боровиковской церковно-
приходской школы, выданное Карпинской Таисии, дочери диакона.
1893 г.

Таковыми стали свидетельства об окончании начальной школы в 1914 г.

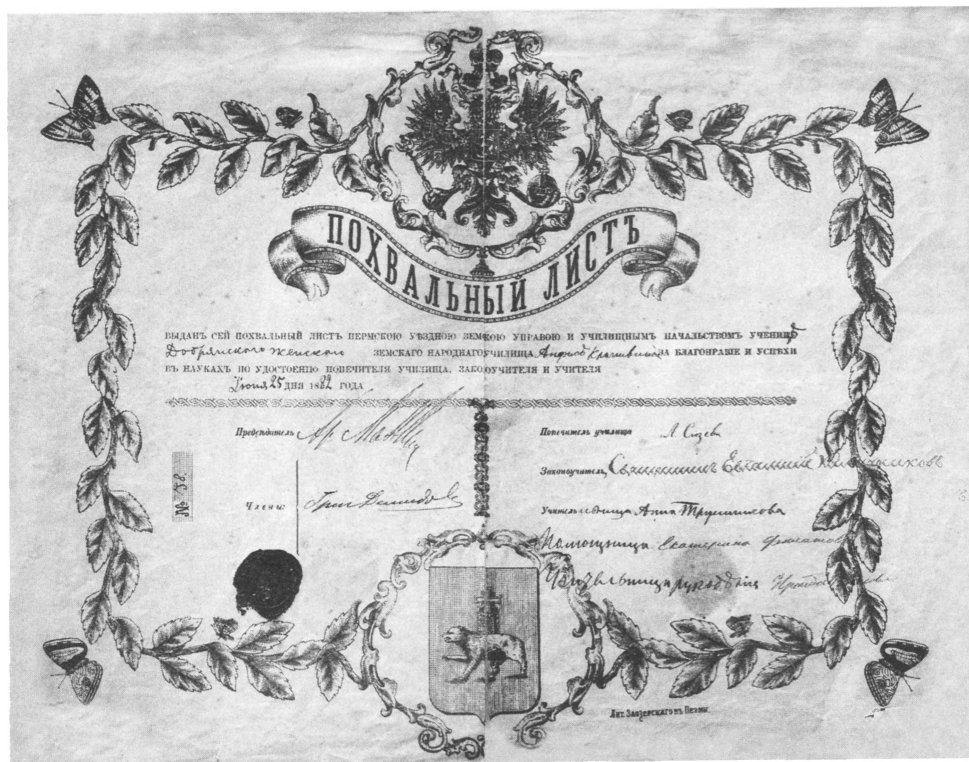
Кувинское 2^е классное училище, ува-
жившее поведение и успехи ученика
2го класса Василия Некрасова, напро-
дило его сей книгой при торжествен-
ном акте; во имя преподавателей
училища предоставлять и ее прино-
сением училищной печати.
20го Июня 1889 года. -

Е Некрасовой.

Учитель Я. Мобилье.
Учитель Иван Мобилье
Послающий учени. В. Горбунов.

Свидетельство о награждении ученика Кувинского
2-классного училища Министерства народного просвещения книгой.

Похвальный лист, выданный ученице Добрянского земского народного училища Анфисе Крапивинной.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Екатеринбургскій Епархіальный Училищный Советъ симъ удостовѣряетъ, что *Масисеминъ*
ковъ Митрофанъ Алексѣевъ, сынъ
крестьянина Кудряв-Истомкина
общества *II* волости,
Екатеринбургскаго уѣзда, родившійся *1888* года
Октябрь мѣсяца *1* дня, успѣшно окончилъ курсъ
ученія въ *Кудряв-Истомкинъ* двух-
классной церковно-приходской школѣ, а потому, на
основаніи **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденнаго 17 апрѣля
1895 года мѣтнія Государственнаго Совѣта, имѣетъ
право по отбыванію воинской повинности на льготу
3-го разряда.

1901 года мѣсяца *Мая* „ *8* „ дня.

Предсѣдатель Епархіальнаго
Училищнаго Совѣта,

Члены Совѣта

Членъ-дѣлопроизводитель

Наслѣдств. секрет. К. Листовъ
Секретарь Кудряв-Истомкинъ
Священникъ Николай Семеновъ

Г. Листовъ

Получение такого свидетельства давало право преподаванія
в 1-классной церковноприходской школѣ.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Верхотурскій Уѣздный Училищный Совѣтъ сямъ удостоверяетъ, что сынъ *Крестованна Черноисточинскаго* этой волости *Мавры Григорьевъ Крамевъ*, родившійся *18 мая 1879 года*,

Совѣтъ
училища.

№ 288
успѣшно окончилъ курсъ ученія въ *Черноисточинскомъ*
земскомъ народномъ училищѣ;

а потому имѣть право на льготу установленную пунктомъ 4-мъ статьи 56-ой Устава о воинской повинности.

Выдано *Сентября 1го* числа тысяча восемьсотъ
восемьдесятъ второго года.

Предсѣдатель Совѣта *Викторъ Крамевъ*

Члены Совѣта:

С. Рудасовъ
С. Григорьевъ
Н. Митрофановъ

Свидетельство об окончании Черноисточинского земского народного училища Верхотурского уезда. Оно давало право на сокращение воинской службы с шести до четырех лет.

Внимательно читать

ДРУГЪ ДѢТЕЙ,

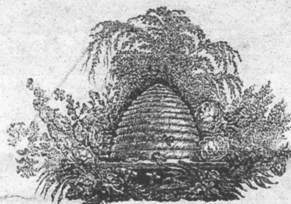
КНИГА

N 6

ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ЧТЕНІЯ.

ИЗДАНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ВНОВЬ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Сіе сочиненіе составлено Окружнымъ Инспекторомъ Санктпетербургскаго Учебнаго Округа **П. МАКСИМОВИЧЕМЪ** и одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ подѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1871.

Титульный лист книги "Другъ детей". Спб., 1871 г.

Ф. Павленковъ.

Наглядная азбука
НАГЛЯДНАЯ АЗБУКА

ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ И САМООБУЧЕНИЯ ГРАМОТЪ

ио

НАГЛЯДНО-ВЪЗРАСТОВОМУ СПОСОБУ.

Съ 800 рисунковъ въ текстѣ, листовъ: разнавыхъ буквъ, хрестоматіи изъ 16 и члени-
рованныхъ разсказовъ и многими другими педагогическими упражненіями (118 азбукъ,
127 и словъ, 20 вопросовъ къ, 111 буквенымъ задачъ, 55 ребусовъ и 12 задачъ для письма
въ соединеніи своего съ картинками и 25 картинныхъ задачъ: нѣтъ заглавнѣй «Пыль» ли
такъ? и «Можетъ ли это быть?»).

6-е изданіе.

Допущена Министерствомъ Народ. Просвѣщенія къ употребленію въ школахъ.

Цена 20 копѣекъ.

Ключъ къ «Чтенію и письму по картинкамъ»
(вырубка обложки для учеб. и-го азбукъ)
продается отдѣльно — Цена 15 коп.

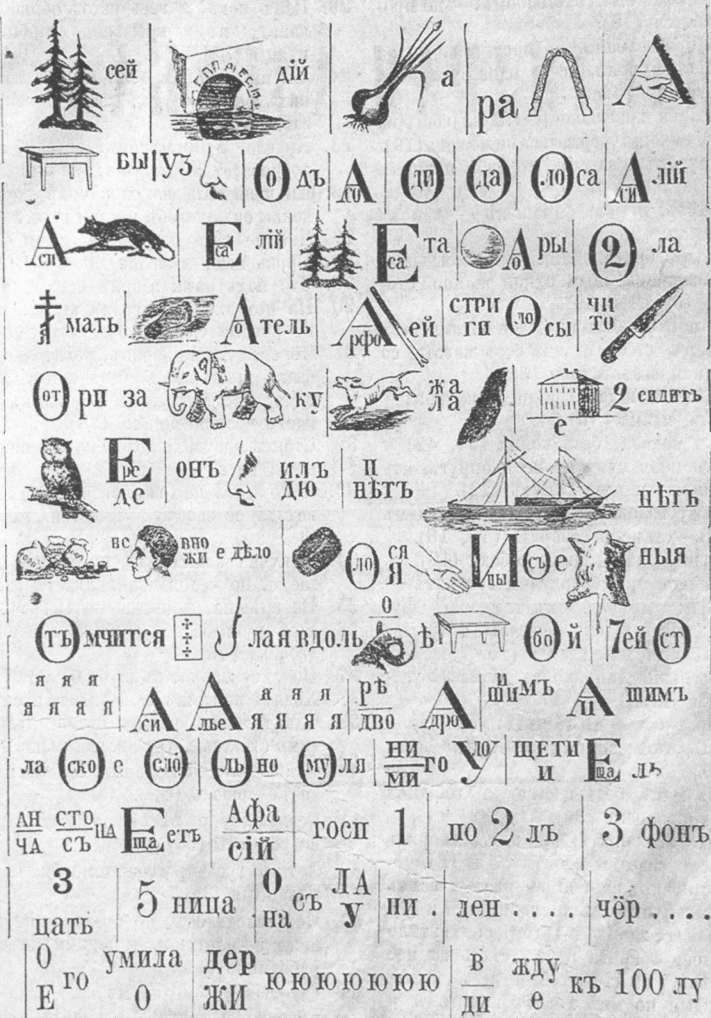
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. М. Биткина и К°, у Обуховскаго моста, д. № 93.

1882.

Обложка "Наглядная азбука для обучения и самообучения"
Ф. Павленкова. СПб., 1882.

Задачи для письма.

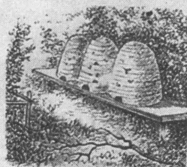
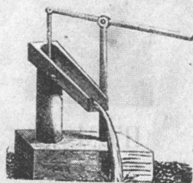
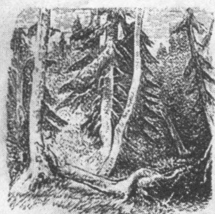

Напишите, что каждый изъ нихъ дѣлаетъ.

ЗАГАДКИ.

1. Гдѣ вода стоитъ столбомъ — не проливается (18)?
2. Въ брюхѣ баня, въ носу рѣшето, на головѣ пупокъ, всего одна рука и та на спинѣ (22).
3. Сдѣлана для жидкостей, а жидкость во мнѣ никогда удержаться не можетъ (19).
4. Скрученъ, связанъ, по пѣзѣ пляшетъ (17).
5. Поѣсть, поѣсть барашекъ — да и въ асальцы (28).
6. Четыре брата, однимъ кушакомъ подпоясавшись, подъ одной шляпой стоять (6, 12 и 39).
7. Съ ногами безъ рукъ, съ боками безъ реберъ, съ сиднищемъ безъ живота, со спинной безъ головы (39).
8. Четыре ноги да не звѣрь, есть перья — да не птица (16).
9. Безъ начала, безъ конца (34, 42).
10. Безъ меня сундука не отопрутъ, изъ меня же и воду берутъ (22).
11. Срѣжу головку, выну сердечко, дамъ пить — станетъ говорить (15, 16).
12. Выше лошади, ниже собаки (10).
13. Сошлись три батрака и говорятъ — одинъ: «мнѣ лѣтомъ тяжело!» другой: «мнѣ зимой тяжело!» а третій: «мнѣ всегда тяжело!» (25, 7 и 14).
14. Маленькій Данилко въ петелькѣ удавился (игрец).
15. Голова есть — мозга нѣтъ; уши есть — слуха нѣтъ; спина есть — брюха нѣтъ (16).
16. Безъ мяса, безъ костей, а всё-таки пять пальцевъ (38).
17. Сто одинъ братѣ, всѣ въ одинъ рядъ вмѣстѣ связаны стоять (7 и 16).
18. Разставили парней въ рядъ и всѣхъ однимъ кушакомъ подпоясали (7 и 16).
19. Зимой всё жрѣть, а лѣтомъ снить; тѣло тёплое, а крови нѣтъ; сѣсть на неё сидѣшь, а съ мѣста тебя не свезѣшь (23).
20. Каждый по мнѣ ходить и лѣтомъ и зимой, а ѣздить по мнѣ нельзя (34).
21. Кто на себѣ переноситъ очень много, а сдвинуться не можетъ (6 и 12)?
22. Безъ рукъ, безъ ногъ, на брюхѣ ползѣть (17).
23. Нѣтъ ногъ, а весь свѣтъ обожѣлъ по канату; нѣтъ крыльевъ, а быстрѣе птицы (32).
24. Ни шить, ни кроить, а весь въ рубцахъ; безъ счёту одѣжекъ, и всѣ безъ застѣжекъ (23).
25. Кругло, а не мѣсяцъ; зелено, а не дубрава; съ хвостикомъ, а не мышь (15).
26. На крайчикѣ, на сарайчикѣ, дѣтъ куколки сидятъ, обѣ врозь глядятъ (25).
27. Четыре дѣда нзадъ бородами (19).
28. Кровь пью, а жизнь даю (43).
29. Что надъ нами вверхъ ногами (31)?
30. На потолокъ, въ уголкѣ виситъ сито не руками свито (16).
31. Чѣренъ — да не воронъ, рогатъ — да не быкъ, шесть ногъ безъ копытъ; къверху идѣть — рѣвомъ ревѣтъ, кънизу идѣть — землѣ дерѣтъ (28).
32. Стоитъ посудина долбѣна, въ ней кашница не варѣна (6, 12).
33. Я по землѣ не хожу, вверхъ не гляжу, гнѣзда не завожу, а дѣтей вывожу (3 и 20).
34. Выпуча глаза сидитъ, по бляхѣ прыгаетъ, по человѣчьи плаваетъ (24).
35. Не грѣшна, а погѣшена (34).
36. Безъ рукъ, безъ топорѣнка, построена избѣнка (26).
37. По лѣсу жаркое въ шубѣ бѣжить (34).
38. Ходитъ по землѣ, а не видитъ неба (9).
39. Одинъ махай, четыре гуляй, два дѣтямъ страсть, четыре всѣмъ власть (5).
40. Длинноухій, да не заяцъ; съ конятами, да не лошадь (4).
41. Село заселено, пѣтухи не поютъ и люди не встаютъ (36).
42. Летать гуськи, дубовы носки, шейки кожанныя (34).
43. Не земледѣлецъ, не столяръ, не кузнецъ, не плотникъ, а первый на селѣ работникъ (14).
44. Скоро ѣсть, мелко жуѣть, сама не глотаешь и другимъ не даѣшь (15).
45. Пришѣлъ въ городокъ разбойникъ, а пожѣмъ, съ огнемъ; жальцовъ не жѣть, избѣ не жѣтъ, а до рѣть (11).

одинъ

1

1

два

2

2

3

3

4

4

5

5

6

6

семь

7

7

восемь

8

8

девять

9

9

десять

10

10

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

20

30

40

50

60

70

80

90

Титульный лист книги "Русская история для народных училищ".
СПб., 1887.

слали Олегу богатую дань: много золота, дорогих тканей, вина, различных овощей, и заключили с ним торговый договор, очень выгодный для русских купцов. Этот удачный поход Олега, эта огромная добыча, которая досталась ему без боя, крайне дивили русский народ. Многие не верили даже, что все это случилось просто, а заподозрили в этом какое-то чародейство, и прозвали Олега *отцимъ* т. е. волшебником.

Первые князья русские, занятые непрерывными войнами и походами, мало заботились о земских дѣлахъ. Они строили лишь города и небольшія крѣпостцы, въ новозавоеванныхъ земляхъ, и садили въ нихъ своихъ мужей, поручая имъ творить судъ и собирать дань. Разъ въ годъ, въ известное время, князь самъ объѣзжалъ свои владѣнія, рѣшалъ болѣе важныя судныя дѣла, бралъ дары и собиралъ дань разными сырыми произведеніями: шкурами, мѣхами, медомъ, воскомъ. Около князя находились всегда приближенные люди, постояннымъ занятіемъ которыхъ было ратное дѣло.

Дружинникъ.

Князь.

Дружинникъ.

Они сопровождали князя на войну и рубились съ нимъ впередъ, а въ мирное время были его совѣтниками, слугами, исполнителями его воли и намѣстниками въ отдаленныхъ городахъ. Князь никогда не скрывалъ отъ нихъ своихъ думъ, совѣщался съ ними обо всемъ, и ничего для нихъ не жалѣлъ: давалъ имъ пищу, одежду, оружіе и всегда дѣлился добычею. Они назывались дружинниками или

ПУГАЧЕВЩИНА.

Зналъ Петръ Великій что первая бѣда русскаго человѣка — неграмотность. Оттого то онъ заставлялъ учиться азбукѣ даже 30-ти и 40 лѣтнихъ. Точно слѣпой — человѣкъ безъ грамоты: что ему ни скажи — вѣрить. Показываетъ ему хитрый человѣкъ грамотку, или печатную книжку: „то и то, говорить, въ ней написано,“ а какъ его „провѣришь, когда грамотѣ не знаешь?“ „Это — говорить — указъ царскій“ — и вѣрятъ иные что точно указъ, а тамъ ни вѣсть что написано. „Тутъ — говорить — изъ священнаго писанія“, а ничего изъ св. писанія тутъ нѣтъ.

Не мало было сумятицы на Руси отъ безграмотности. Всѣ самозванцы были что иное какъ не хитрецы, которые ловили рыбу въ мутной водѣ и пользовались народною неграмотностью? Плохо отъ нихъ было въ польское нашествіе, но и гораздо послѣ того, сто лѣтъ предъ нашимъ временемъ, еще явился самозванецъ — Емельянъ Пугачевъ, выдававшій себя за царя Петра III.

Внукъ Петра Великаго, Петръ III, царствовалъ недолго, и послѣ него стала русскою государынею супруга его, Екатерина II, Великая. Екатерина царствовала почти также долго какъ Петръ Великій и, чтя его память, старалась докончить все что онъ началъ. Думала она и какъ бы облегчить участь простаго народа, но отнять крѣпостное право тогда еще не пришло время.

Въ это-то время явился Пугачевъ, выдавшій себя за Петра III, и говорившій что онъ даетъ волю крѣпостнымъ.

Донской казакъ, безграмотный и грубый въ обращеніи, Пугачевъ хотѣлъ увѣрить казаковъ и крестьянъ что онъ — Петръ III, который съ нимъ не имѣлъ рѣшительно никакого сходства даже по наружности. Хорошъ былъ смуглый, черноволосый, съ свирѣпымъ взглядомъ, безграмотный, Пугачевъ въ роли Петра III, котораго всѣ помнили свѣтло-волосымъ, съ кроткимъ выраженіемъ лица и объ обученіи котораго, какъ будущаго государя, конечно прилагались должныя заботы! Но незнаніе и неграмотность довѣр-

чивы. Многіе изъ простолюды повѣрили сказкѣ Пугачева и не въ домекъ имъ было: зачѣмъ человекъ, выдававшій себя за Петра III, держитъ около себя дворянскаго мальчика Мертваго и даетъ ему писать за себя, если самъ умѣлъ писать.

Пугачевъ собралъ толпу людей и пошелъ на царскихъ воеводъ. Измѣна и неуверенность дали ему одержать первый успѣхъ. Вспыхнулъ по Волгѣ большой мятежъ. Пугачевъ говорилъ что идти на Москву и Петербургъ добывать престолъ. Сто лѣтъ предъ нимъ бунтовалъ на Дону другой воевода Стенька Разинъ и сложилъ свою буйную головушку. Участъ Стеньки видно не припомнилась Пугачеву.

Недолго торжествовалъ онъ. Скоро, разбитый царскими войсками, онъ бѣжалъ, и сами же товарищи его, казаки, связали его по рукамъ и выдали властямъ. Посадили Емельяна въ желѣзную клетку, и повезли, какъ звѣря, въ Москву на отвѣтъ.

Отвѣтъ былъ коротокъ и расправа недолга. Его казнили, а сообщниковъ его большею частью помиловали. Пожалѣли людей, которые въ обманъ вдались больше потому что словно овцы шли за коноводомъ, сами, какъ незнающіе и неграмотные, не умѣя рѣшить что правда, что нѣтъ.

НАШЕСТВІЕ ФРАНЦУЗОВЪ.

Въ царствованіе внука Екатерины II, Александра Павловича, въ 1812 году, приходили на Москву французы. Приходили на свою погибель. Не пришло имъ вѣрно на память каково было полякамъ въ 1612 г., такъ-же какъ не вспомнилась въ время Пугачеву участъ Стеньки Разина. А Наполеонъ Бонапартъ — императоръ французовъ — былъ человекъ и умный, и образованный, какихъ мало. Значитъ какъ пословица говорить „и на старуху бываетъ проруха“.

УОЛЕ
Т 87
ПИ 11112
МУЗЕЙ

СВѢДѢНІЯ
МОСКОВСКОГО КНИЖНОГО
ГРАММАТИЧЕСКОГО

ПѢВЦЫ

ПѢВЦЫ.

Разсказъ

Ивана Сергѣевича Тургенева.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Москва, 1877 годъ.

Цѣна 4 коп.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для
библіотекъ народныхъ училищъ.

Обложка рассказа И.С. Тургенева "Певцы",
изданного для народных училищ в 1877 г..

УОЛЕ

4 248

ПН 8106

МУЗЕЙ

ЧАСОСЛОВЪ

УЧЕБНЫЙ

ДЛЯ

НАЧАЛЬНЫХЪ СЕЛЬСКИХЪ УЧИЛИЩЪ

Часослов учебный для начальных сельских школ.

моёмъ: ѿ плода пшеницы, вина и елеа своего умно-
жишаа. Вх мѣръ въспѣ оуенѣ и почѣю, ѿкъ ты,
гдѣи, единаго на оупованіи велиахъ ма еси (Ѹал. ѿ: б.
а: 3—д).

Слава, и нѣтъ: гдѣи, помилуй (трижды). Благослови.

Святии: Охъ нами вѣхъ, своею блгтїю и члѣколюбїемъ,
всегда, нѣтъ и прѣшъ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Послѣдованіе великаго побѣдѣна.

Глаголетъ святии: Блгвенъ вѣхъ нашъ:

И начиняютъ братїа: Аминь. Слава тебѣ, вѣе нашъ, слава
тебѣ. Црю нѣный: Трѣтѣе. Престѣа трѣе: Оче нашъ: гдѣи,
помилуй (б). Прїидите, поклонимъ: трижды (стр. лѣ).
И лѣе:

Ѹще естъ перва седмїца велика четыредесѣтницы, начинаемъ:

Ѹаломъ 3.д.

Бже, въ поможїю мою вонми: гдѣи, поможїи ми по-
тщїа. Да постыдѣа и посрамѣа ищущїи дѣшъ
мою, да возвратѣа вѣпѣа и постыдѣа хотѣщїи
ми злѣа: да возвратѣа лѣе стыдѣа глаголющїи
ми: благоже, благоже. Да возрадѣютъ и возвеселѣа
ѿ тебѣ вси ищущїи тебѣ, вѣе: и да глаголютъ вынѣ, да
возвеличитъ гдѣ, любѣщїи спїе твоѣ. Ѹзъ же нищѣ
бѣмъ и оубогъ, вѣе, помози ми: помощникъ мой и
избавитель мой еси ты, гдѣи, не забоси.

ГЛАВА 3.

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ НА УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

**Влияние буржуазных реформ 60-х гг. XIX в. на развитие
сети сельских школ. Виды школ, темпы их открытия
и соотношение численности**

Новый импульс развитию школ на селе дали буржуазные реформы 60-х гг. XIX в. Их важной составной частью явилась реформа народного образования. По высочайше утвержденному в 1864 г. “Положению о начальных народных училищах” к ним были отнесены школы всех ведомств, частных лиц и общественных организаций, в которых должны были преподаваться Закон Божий, чтение “по книгам гражданской и церковной печати”, письмо, четыре действия арифметики и, где возможно, церковное пение.

Продолжительность обучения не оговаривалась. Разрешалось принимать в училища детей всех сословий, мальчиков и девочек, возраст при этом не регламентировался. Обучение могло быть платным или бесплатным, по усмотрению ведомств, обществ и лиц, открывавших школы. Все начальные училища, находившиеся до этого под контролем различных ведомств, передавались в ведение Министерства народного просвещения, за исключением открывавшихся духовенством, они оставались в ведении Синода.

Законом разрешалось открывать и содержать учебные заведения общественным учреждениям и частным лицам, тем самым давался широкий простор общественности в развитии начального образования крестьян, но под контролем уездных и губернских училищных советов. В уездный училищный совет входили представители министерств народного просвещения, внутренних дел, духовенства, два члена

от земского собрания и один из ведомства, содержащего школы. Членами губернского училищного совета, возглавляемого епархиальным архиереем, были губернатор, директор училищ и два члена губернского земства. Первые выдавали разрешения на открытие, закрытие школ, прием и увольнение учителей, вторые рассматривали жалобы на решения уездных советов¹³².

Большое значение в расширении доступа общественности к деятельности школ имела реформа местных органов управления 1864 г., предусматривавшая создание земств — выборных органов самоуправления в губерниях и уездах, на которые возлагалось решение задач культурно-хозяйственного значения, в том числе устройство по своей инициативе школ для начального обучения детей. В Вятской губернии земства стали действовать с 1868 г. Пермской — с 1870, Уфимской — с 1875, в Оренбургской они были введены лишь в 1912 г.

В 1864 г. было утверждено Положение о приходских попечительствах и о церковно-приходских школах, которым санкционировалось открытие при приходах школ для обучения детей. Особая важность этому придавалась в селениях бывших крепостных крестьян, которые в результате реформы 1861 г. выводились из-под надзора помещиков, и местное священство должно было заполнить образовавшуюся брешь — взять на себя дополнительный контроль за подрастающим поколением крестьян¹³³.

Постепенно выработались определенные сроки обучения детей в начальных училищах — 2 года в церковно-приходских, 3 года — в прочих, находившихся под контролем Министерства народного просвещения. Такие училища стали называться одноклассными. Появились и начальные школы повышенной ступени — двухклассные и многоклассные, с расширенной программой, рассчитанной на срок от 3 до 6 лет. Все эти училища относились к “правильно организованным”.

Но наряду с ними и во второй половине XIX в. продолжали действовать школы грамоты, открывавшиеся в основном в малолюдных селениях по инициативе приходов и частных лиц. Это были начальные школы низшей ступени, в которых дети православных крестьян обучались элементар-

ной грамоте и основам религии лишь в течение нескольких осенне-зимних месяцев в году. В отличие от начальных училищ они относились к “неорганизованным” учебным заведениям, как и магометанские школы, действовавшие в деревнях с мусульманским населением. Лишь в начале 80-х гг. XIX в. государство официально признало школы грамоты и стало вводить данные о них в школьную статистику.

Сводные данные о всех видах учебных заведений, действовавших в селениях уральского края к началу 1894 г. (см. приложение 2), свидетельствуют, что в конце XIX в. “неорганизованные” школы, дававшие самый низкий уровень знаний, составляли значительную часть сельских школ на Урале. Они составляли 42 % в Вятской губернии, 38,5 % — в Пермской, 34 % — в Оренбургской, а в Уфимской губернии, где широкое распространение получили магометанские школы, они составляли 69 %, почти две трети школ.

Многоклассные же училища в уральских селениях почти отсутствовали, их было всего 2 в 1894 г., двухклассных было также мало — 81, это 2,9 % от общего числа “правильно организованных” школ. Наибольшее число таких учебных заведений располагалось в Пермской губернии — 41. Как показало сравнение с другими губерниями и областями России, по числу двухклассных школ Пермская губерния уступала лишь Лифляндской (124 школы) и Киевской (42), но лидировала среди собственно русских. По числу же учащихся в них (5904) Пермская губерния почти равнялась с Лифляндской (6006 чел.) и опережала Киевскую (5211 чел.). В Пермском крае сельские школы повышенной ступени были одними из самых крупных в России — в среднем приходилось 144 ученика на школу, в то время как в Лифляндии — 48,4. В Вятской губернии в 23 начальных школах повышенной ступени обучалось 2915 человек, в Уфимской в 13 школах — 1468, в Оренбургской в 6 — всего 586 учеников¹³⁴.

Подавляющее большинство “правильно организованных” училищ в селах Урала в 1894 г. были одноклассными (97 %). Причем частные лица, ведомство уделов, по сути, не занимались их организацией — 17 школ на все губернии. Министерство народного просвещения действовало также вяло, в его непосредственном ведении находилось 174 школы, что составляло 6,5 % от общего числа 1-классных школ. Казна

выделяла на их деятельность небольшие суммы — не более 226 руб. в год, в то время как учителю полагался оклад от 330 до 559 руб. и готовая квартира, законоучителю — 100–150 руб. в год. Поэтому эти училища открывались Министерством народного просвещения при условии, что земства, сельские общества, частные лица возьмут на себя обязательство обеспечить их участком земли, помещением, помогать в содержании учителей, сторожей¹³⁵.

Развитие школ в деревне во второй половине XIX в. как на Урале, так и по России в целом, шло под воздействием двух основных сил — земства и церкви. Из 2663 одноклассных школ Урала половина находилась в ведении земства, четверть — в ведении Синода. При этом наибольшую активность проявляло Пермское земство — в его ведении находилось 78 % 1-классных школ губернии, в то время как в ведении духовенства — всего 17 % школ. В Оренбургской губернии, где земские органы в XIX в. отсутствовали, большую активность проявляли сами сельские и волостные общества, казачество, им принадлежало более 80 % действовавших школ.

Церковь, поначалу медлившая с открытием церковно-приходских школ, в 1874–1883 гг., начала догонять земства, а в 1884–1893 гг. стала абсолютным лидером в открытии новых школ: в Пермской губернии ею было открыто почти 60 % школ, в Оренбургской — 70 %, Вятской — почти 85 %. Только в Уфимской губернии земство уступило свое лидерство правительству и с середины 80-х гг. XIX в. роли правительства, земства и духовенства в открытии школ здесь почти сравнялись (см. приложение 3).

Земские школы

Земские школы, по праву считавшиеся лучшим видом начальной школы в России, получили наибольшее распространение в селах Урала во второй половине XIX в. Поскольку земство приняло в свое ведение действовавшие на селе школы Министерства госимуществ, специальный интерес представляет вопрос о том, как много школ досталось земству “по наследству”. Ответ на него возможен благодаря

наличию статистических данных о ежегодном открытии училищ, оказавшихся затем в числе одноклассных земских школ. В качестве рубежа, разделявшего наследуемые и вновь открытые школы, условно примем год открытия земств.

Из данных, приведенных в таблице 1, ясно, что и стартовые условия, и темпы открытия земством новых школ по губерниям были разными. Более энергично действовали пермские органы самоуправления: приняв в свое ведение в 1870 г. 99 школ, они за 20 лет (к 1894 г.) открыли 532 школы, т.е. в среднем открывали по 22,2 школы в год, в то время как Вятское земство — с 1868 г. по 10,3 школы ежегодно, Уфимское — всего по 8 школ в год.

Таблица 1*

**Соотношение сети сельских одноклассных училищ,
принятых земствами Урала
в свое ведение и открытых ими к 1 января 1894 г.**

Губернии	Кол-во принятых училищ	В % к числу действовавших в 1894 г.	Кол-во открытых	Годы открытия	Кол-во открытых в среднем в год
Вятская	170	38,7 %	269	1868–1893	10,35
Пермская	99	15,7 %	532	1870–1893	22,2
Уфимская	26	14,6 %	152	1875–1893	8

*Составлено на основе: Начальное народное образование. Т.2. С.119.

Проценты и среднегодовые данные подсчитаны нами.

Земства стремились использовать действовавший в деревне принцип самообеспечения крестьянского мира, открывали школы прежде всего там, где сельские общества брали на себя расходы по найму помещений, их ремонту, отоплению, освещению. Земства же осуществляли общее руководство деятельностью школ, подыскивали учителей, оплачивали их труд, обеспечивали школы учебными книгами и пособиями. Стремясь расширить сеть сельских учебных заведений, приблизить их к месту жительства детей, земские общества некоторых уездов Вятской, Пермской губерний открывали и школы грамоты, в том числе передвижные, менявшие свое расположение по мере обучения детей.

Программа обучения в земских училищах была шире, чем в церковноприходских за счет уроков объяснительного чте-

ния, на которых учителя давали детям знания по истории, географии, природы страны, поясняли непонятные слова и выражения. По желанию учителей или родителей могли вводиться занятия рукоделием, рисованием, ручным трудом, гимнастикой. При некоторых школах открывались ремесленные классы. В Пермской губернии, например, в конце XIX в. в 115 училищах велись занятия по сельскому хозяйству, уездные земства ассигновали особые суммы на первоначальное приспособление школьных участков к посеву¹³⁶.

В отличие от духовного ведомства, стремившегося через школу воспитать тип верного государю и отечеству крестьянина, глубоко верующего и соблюдающего основные догматы православия, земство видело в школе инструмент просвещения, искоренения предрассудков, невежества в народной среде, воспитания интереса к чтению, познанию мира.

В земских школах использовались лучшие учебники, допущенные Министерством народного просвещения: “Родное слово”, “Детский мир” К.Ушинского, “Книга для первого чтения” В.Водовозова, “Наш друг” Н.А.Корфа, книги Л.Н.Толстого и др. Некоторые земства бесплатно обеспечивали ими детей. Соликамское уездное земство в начале 70-х гг. XIX в. организовало с этой целью книжный склад. Вятское губернское земство в 1894 г. открыло книжный склад, чтобы удешевить снабжение школ и всех желающих крестьян пособиями, ликвидировав торговых посредников.

В земских школах использовались передовые, прогрессивные методы обучения. Если в ранее действовавших приходских училищах, церковноприходских школах и школах грамоты применялся буквослагательный метод овладения чтением, требовавший механического заучивания отдельных букв, слогов, то в земских брали на вооружение метод “звуковой”, позволявший детям месяца через два начинать читать.

Широко привлекались и наглядные пособия — картины, карты, глобусы. Уфимское губернское земство с 1893г. стало выделять по 300 руб. в год на устройство школьных музеев наглядных пособий, а Вятское в 1897 г. организовало мастерскую по изготовлению учебных пособий и бесплатно обеспечивало школы 11 уездов. Некоторые учителя сами

составляли методические пособия, а земства издавали их через свои типографии.

Более высокий уровень преподавания в сельских земских училищах стал возможен благодаря привлечению в них в качестве учителей светских лиц, причем специально подготовленных. В Вятке в 1872–1880 гг. действовала единственная на Урале земская учительская школа¹³⁷, земство всех трех уральских губерний материально поддерживало деятельность педагогических классов при гимназиях и прогимназиях, педагогических курсов при отдельных гимназиях и уездных училищах, направляло в средние учебные заведения своих стипендиатов, выделяло специальные средства на единовременную поддержку желающих занять места народных учителей, само организовывало педагогические курсы подготовки учителей сельских школ. В земские школы шли учителя-подвижники, энтузиасты, сторонники демократизма в обучении и воспитании детей.

В Пермской губернии, например, в середине 80-х гг. XIX в. 25 % учителей земских школ, включая городские, имели среднее образование. Они закончили гимназии, духовные, учительские семинарии, учительские школы и т.д. Около 20 % учителей имели неполное среднее образование (не дошли до выпускных классов гимназий и семинарий). Треть учителей составляли выпускники уездных, городских, духовных училищ — начальных школ повышенной ступени; пятую часть — лица, учившиеся в сельских одноклассных училищах или получившие свидетельства на звание учителя¹³⁸.

Земства проводили педагогические съезды, на которых обсуждали наиболее важные вопросы школьной жизни, пропагандировали новые методы обучения, организовывали краткосрочные уездные учительские курсы, выписывали для учителей журналы “Семья и школа”, “Народная школа”, “Сельская жизнь”¹³⁹.

Изучение статистических данных о сельских земских школах 34 губерний страны на 1 января 1894 г. позволяет сделать ряд интересных выводов относительно особенностей земских школ отдельных губерний Урала и увидеть достигнутые ими результаты на фоне других земских губерний России.

Наиболее активную деятельность по развитию сельской школы развернули Пермское и Вятское земства. Пермская губерния в конце XIX в. лидировала в России по числу сельских земских школ (631), Вятская находилась на 14-м месте (439 школ), Уфимская — на 31-м (178 школ)¹⁴⁰.

Пермская губерния занимала первое место в России и по числу сельских земских учителей (1106 чел.). Вятская находилась на втором месте (983 чел.), Уфимская — на 32-м (218 чел.). Вятское земство имело самый высокий в стране средний показатель числа учителей, приходившихся на одно училище — 2,2 (Пермское — 1,8; Уфимское — 1,2). Интересно отметить, что в вятских сельских школах был и самый высокий по России процент женщин-учителей — 82,7 %, в пермских — 61,5 %, уфимских — 59,2 %¹⁴¹. Преобладание женщин-учителей являлось результатом деятельности педагогических классов при женских гимназиях, прогимназиях, епархиальных училищах.

На примере списка земских школ, действовавших в Екатеринбургском уезде в 1886/87 уч. году (см. приложение 4), видно, что большинство земских школ открывались в селах, и их посещали дети двух-трех, иногда и пяти-шести близлежащих деревень. Усилия общественности в деле открытия школ не шли ни в какое сравнение с усилиями самого правительства, о чем наглядно свидетельствует сравнение списка земских школ одного уезда и список школ Министерства народного просвещения всей Пермской губернии на один и тот же учебный год — 1886/87 (см. приложение 4 и 5).

Церковноприходские школы ведомства Синода

Верховная власть особые надежды в деле распространения грамотности среди крестьян возлагала на церковноприходские школы. В 1866 г. обер-прокурор Синода Д.А. Толстой был назначен министром народного просвещения, в царском рескрипте прямо указывалось, что соединение этих должностей в одном лице даст возможность Толстому предложить свои соображения по поводу влияния церкви на систему народного просвещения. Сведения о ходе открытия

школы духовенством должны были ежемесячно подаваться государю, позднее — два раза в год¹⁴².

В 1884 г. после почти пятилетней подготовки были высочайше утверждены “Правила о церковноприходских школах”, закрепившие за ними официально это название. В литературе церковноприходскими они назывались и раньше для отличия от приходских училищ других ведомств.

Согласно “Правилам”, церковноприходские школы должны были распространять элементарную грамотность среди низших слоев населения, “воспитывать в детях страх божий, преподавать им значение веры, вселять в их сердца любовь к святой церкви и преданность к царю и отечеству”¹⁴³.

Школы могли открываться приходскими священниками или, с их согласия, другими членами притча на средства прихода без пособия или с пособием — от сельских обществ, приходских попечительств и братств, земств и частных лиц, епархиального начальства или казны. Об открытии школ священники должны были доносить через благочинных архиерею епархии на благословение и утверждение и извещать уездный училищный совет.

Школы могли быть одноклассными с двухлетним сроком обучения и двухклассными с четырехлетним обучением. В одноклассных изучали Закон Божий (молитвы, священную историю и основные правила богослужения, краткий катехизис), чтение “гражданской и церковной печати”, письмо, начала арифметики. В двухклассных дополнительно вводилась история церкви и отечества.

С разрешения епархиального архиерея при церковноприходских школах можно было открывать дополнительные классы, если набиралось много желающих, особые ремесленные отделения и рукодельные классы, воскресные школы.

Обучение в церковноприходских школах велось по книгам, изданным Синодом, учащиеся должны были присутствовать при богослужениях. В качестве учителей могли работать местные священники, церковнослужители, а также учителя и учительницы, желательно с духовным образованием.

Утверждал учителей в должности и увольнял епархиальный архиерей, ему вменялось в обязанность посещение школ,

поощрение наиболее ревностных священников, предоставление Синоду ежегодных отчетов о состоянии школ в епархии. В каждой епархии для обсуждения вопросов деятельности школ создавался епархиальный училищный совет из духовных и светских лиц по выбору архиерея.

Темпы открытия церковноприходских школ на селе возрастали постепенно — в 1856–1863 гг. было открыто лишь 5 школ (в Вятской — 4, Уфимской — 1), в 1864–1873 гг. — 30 (в том числе в Вятской — 22), в 1874–1883 гг. — 103 (в Вятской — 64, Уфимской — 31).

Всплеск в их открытии, как и по России в целом, произошел после издания “Правил” 1884 г.: в 1884–1893 гг. появилось 546 сельских школ, в том числе в Вятской губернии — 293, Пермской — 132, Уфимской — 51, Оренбургской — 70. В эти годы были открыты и первые двухклассные школы, в Вятской губернии — 13, Пермской — 2, Оренбургской и Уфимской по 1¹⁴⁴. В них готовили и учителей для одноклассных церковноприходских школ.

По числу сельских церковноприходских школ повышенной ступени Вятская губерния в 1893 г. занимала 2-е место в России после Киевской (13 школ против 21), была среди лидирующих и по числу одноклассных (383), уступая лишь Киевской, Волынской, Подольской, Вологодской (в них было соответственно 844, 677, 639, 385 школ). Но если учесть, что в Вологодской не было двухклассных школ, Вятская губерния выдвигалась на 1-е место среди собственно русских губерний по общему числу сельских церковноприходских школ.

Пермская губерния по числу сельских церковноприходских школ занимала 31-е место среди 85 губерний и областей страны, Уфимская — 58-е, Оренбургская делила 59-е место с Кубанской областью¹⁴⁵. Характерно, что основную долю расходов на содержание церковноприходских школ брали на себя земства — до трети и более. Само духовное ведомство вносило от 8,5 до 23,3 % средств, примерно столько же давали монастыри, поддерживали эти школы и миссионерские крестьянские общества, частные лица¹⁴⁶.

Среди учителей сельских церковноприходских школ значительную часть составляли женщины — в Вятской губернии и Пермской — более 37–38 %, в Уфимской и Оренбург-

ской — более 32 и 28 %¹⁴⁷. К сожалению, мы не располагаем точными данными о соотношении среди учителей духовных и светских лиц. Судя по отчету Екатеринбургской епархии за 1893/94 учебный год, в ее школах (вместе с городскими) это соотношение было равным — 4 священника, 35 дьяконов, 15 псаломщиков и 54 светских лица, часть которых являлась женами, дочерьми, племянницами представителей духовного сословия¹⁴⁸.

Преподавание “по совместительству” отрицательно сказывалось на деятельности школ. Как справедливо отмечал Х. Мозель, “должность преподавателя не так проста и легка, чтобы каждый без разбору священник мог ее выполнять с успехом, а во-вторых, приходские священники обязаны исполнять в своих приходах все христианские требы, для чего им необходимо часто отлучаться из села или завода и даже уезжать на весьма значительное расстояние. Следовательно, учение в приходских училищах часто прерывается ... дети, собравшиеся в училище, оставаясь без всякого надзора, занимаются не учением, а шалостями¹⁴⁹”.

На качество обучения влияли и набор учебных пособий, издававшихся Синодом, и методика преподавания, направленная не столько на понимание, сколько на заучивание. Обучение чтению растягивалось на долгие месяцы. Сказывалось и выделение значительного времени на изучение Закона Божия, религиозно-нравственное воспитание учащихся.

Развитие сети школ духовного ведомства в Пермской губернии наглядно отражают приложения 6–8. В них представлена сеть церковноприходских и единоверческих школ Пермской губернии, действовавших в 1860 г., и церковноприходских школ одной только Екатеринбургской епархии на 1893/94 уч.г.

Школы грамоты и воскресные школы

Значительную часть среди сельских школ Урала занимали школы неорганизованные, открывавшиеся в основном в малолюдных деревнях и действовавшие за счет частной и общественной “раскладки”, у русских крестьян это были

школы грамоты или, как их еще называли, “школки грамотности”. Несколько крестьян соглашались содержать учителя, платить ему 6–7 руб. в месяц “круглый год”, хотя официально занятия проводились лишь в осенне-зимние дни, нанимали квартиру, по очереди доставляли дрова.

Безусловно, навыки чтения, письма, полученные в этих школах, были наиболее слабыми. За 60–70 учебных дней, за вычетом праздников и выходных, дети еле успевали научиться читать и писать, в арифметике ограничивались выучиванием счета до 10, письмом цифр первого десятка, иногда успевали дойти и до 100¹⁵⁰.

В начале 80-х гг. XIX в. правительство начинает поощрять открытие школ грамоты духовенством, разрешает учреждать такие школы и земским органам. Земские учителя берут под контроль деятельность некоторых нанятых крестьянами учителей, посещают их занятия, помогают составить план работы.

В ходе статистического описания школ Екатеринбургского уезда, проведенного земством в 1885/86 и 1886/87 гг., было зафиксировано по меньшей мере 27 частных школ, действовавших в деревнях этого уезда¹⁵¹. В селе Ларино Багарякской волости пришлый учитель занимался с 20 мальчиками — до ближайшего училища было 5 верст и родители не хотели отправлять детей так далеко. В деревне Пороховой Булзинской волости, отстоящей от училища на 10 верст, семерых мальчиков обучал мещанин Екатеринбурга. В деревне Таватуй детей учили грамоте келейщицы и местные грамотеи — ближайшая Аятская школа находилась в 10 верстах.

В деревне Знаменской Воскресенской волости учил чтению и письму отставной рядовой Ермил Титов, ранее более 10 лет занимавшийся обучением в Оренбургской губернии. Все эти учителя брали по 50 коп. с ученика в месяц. Поскольку в деревне Знаменской дети учились постоянно в одной крестьянской избе, с родителей каждого ученика полагался и воз дров в год на отопление помещения. Существование этой школы объяснялось тем, что крестьяне при всем желании обучить детей грамоте не имели средств платить за найм квартиры по месту действия земского училища. По той же причине действовала частная школа и в де-

ревне Клеопина (Анжалы) Воскресенской волости (до ближайшего училища 10 верст). Здесь учительствовал крестьянин Павел Трухин 59 лет, практиковавший в качестве учителя около 30 лет. Ранее он обучал детей в Екатеринбурге, в Арамильской волости, в других деревнях Воскресенской волости. Трухин сам приобрел набор учебных пособий и бесплатно обеспечивал ими учеников.

Частное обучение в деревнях иногда прерывалось. Так, в деревне Григорьевой в 1885 г. произошел пожар, сгорело более половины домов, крестьянам было уже не до обучения детей. Трухин, подрабатывавший здесь, перебрался в деревню Клеопину, а через год с небольшим учение и в погорелой деревне решили возобновить, нашли и учителя — бывшего псаломщика Чердынского уезда, исключенного из духовного звания.

В селе Малые Брусяны, ближайшее училище от которого находилось в 12 верстах, детей школьного возраста набиралось много; здесь действовало несколько частных школ, в которых “прохожие солдаты, богомольцы и другие грамотеи” собирали по 5–6 человек, брали с каждого по 50 коп. в месяц и учили понеделньо в доме того или другого ученика, здесь же и жили, бесплатно столовались.

Нередко обучение брали на себя церковнослужители или их родственники. Так, в селе Останинском Глинской волости местный священник с женой и псаломщик с 1883 г. стали обучать детей Закону Божию, чтению церковной и гражданской печати, “рукописному”, арифметике, русскому языку, письму, пению, а девочек — рукоделию. Два года родители платили примерно за половину учеников по 1 руб. в месяц. Чтобы дать возможность и самым бедным крестьянам выучить своих детей, в 1885/86 учебном году плату взимать не стали и желающих учиться появилось в три раза больше — 34 мальчика и 8 девочек. Учебники в школу приобретались за счет разового сбора в церкви с прихожан, Екатеринбургское земство выделило пособие в 100 руб. В деревне Походиловой (9 верст до училища) сын дьякона села Троицкого стал учить детей в нанятой крестьянами избе по программе земской школы, уделяя особое внимание Закону Божию, славянскому чтению и церковному пению. Часть пособий была приобретена за счет земства и бесплатно роз-

дана ученикам, за учение взималось по 50 коп. в месяц с человека.

В результате деятельности земских школ появились учителя, обучавшие новым звуковым методом. Так, в деревне Шиловой “при готовой квартире и пище”, с платой по 50 коп. с человека в месяц взялся обучать восьмерых мальчиков юный 15-летний крестьянин, закончивший курс Маминской земской школы. Обучение за плату по месту жительства более устраивало крестьян, чем отдача детей в училище, находившееся в 4 верстах. Примечательно, что в той же деревне шестерых мальчиков обучал крестьянин села Маминского, который “при готовой квартире и пище” брал по 75 коп. с души.

Все более заметным явлением на селе становилось обучение детей у женщин. В деревне Курманке Белоярской волости старообрядцы-беспоповцы платили начетчицам по 7–8 руб. в месяц за учение детей, не желая отдавать их в народную школу, опасаясь, что там их совратят в православие. В деревне Черноусовой жена местного кузнеца бралась учить чтению индивидуально по одному человеку. В деревне Чупровой Багарякской волости племянница писаря Пономарева, сама обучившаяся на дому, учила церковной грамоте и молитвам четырех девочек, беря с каждой от 50 коп. до 1 руб. Народное училище находилось поблизости от деревни, в полуверсте, но родители предпочитали домашнее обучение. Хотя в деревне Сарапулке действовала земская школа, жена местного крестьянина находила желающих учиться у себя на дому — от двух до пяти человек. В селе Аверинском Щелкунской волости (6 верст до училища) крестьянка, сама учившаяся в народной школе, взялась обучать 11 мальчиков за небольшую плату — по 30 коп. в месяц,—составив конкуренцию местному псаломщику и писарю, также подряжавшимся обучать детей.

Незамужние девицы нанимались для обучения и в чужие деревни. Так, в деревне Колюткиной, откуда до ближайшего училища было 4 версты, дочь мастерового Сысертского завода сама сняла квартиру и начала обучать детей за плату 60 коп. в месяц. Дочь крестьянина из деревни Чернобровкиной нанялась в деревне Гусевой Логиновской волости учить от 5 до 10 детей (плата по 50 коп. в месяц с человека). Роди-

тели учеников обязались содержать учительницу у себя в домах понедельно, а для школы сняли свободное помещение, пообещав хозяину в качестве платы за наем его отапливать.

Иногда земство способствовало открытию школы грамоты в селении, если земское училище не вмещало всех желающих. Так, в деревне Битимка Билимбаевской волости крестьянская девица, закончившая курс местной земской школы, с 1885 г. была нанята обучать десятерых мальчиков и девочек по программе 1-го отделения начальной школы. Жалованье ей платило Екатеринбургское земство (по 7 руб. в месяц), оно же доставляло учебники, пособия. Размещалась школа в доме сельского старосты.

В 1891 г. были изданы высочайше утвержденные “Правила о школах грамоты”. Руководство ими верховная власть на законодательном уровне поручила Синоду. Он издал для школ “Начальные уроки Закона Божия”, букварь церковно-славянского языка, Часослов, Псалтырь, Евангелие¹⁵².

Если сравнить численность школ грамоты и церковно-приходских (см. приложение 2), можно сделать вывод, что во всех губерниях Урала к концу XIX в. преобладали школы грамоты (в Пермской — почти в 3 раза, в Уфимской — более чем в 2). В Вятской губернии школы грамоты составили более 30 % от общего числа действовавших учебных заведений, в Пермской — 29,9 %.

Несмотря на то, что навыки грамоты, полученные в этих неорганизованных школах, были наиболее слабыми, их деятельность имела положительное значение. Благодаря этим школам дети крестьян маленьких деревень могли приобщиться хотя бы к началам грамоты, не покидая дом. К концу XIX в. длительность обучения в этих школах была увеличена до двух лет, и они практически влились в состав церковно-приходских.

В литературе сложилось мнение, что в школах грамоты обучали в основном богобоязненные крестьяне, закончившие двухклассную церковноприходскую школу, или дьячки¹⁵³. На примере Екатеринбургской епархии учительский состав 155 школ грамоты в 1893 г. выглядит следующим образом: 6 священников, 13 дьяконов, 16 псаломщиков, 116 наня-

тых учителей и учительниц, в двух школах занятия не велись, о двух учителях сведения отсутствуют¹⁵⁴.

Среднее образование имели 11 учителей, они окончили духовные семинарии, епархиальные училища, 49 — повышенное начальное (окончили духовные и городские училища, прогимназии), 36 — начальное, 15 получили свидетельства на звание учителей и учительниц, 11 имели домашнее образование, о 25-ти сведения отсутствовали. Сеть школ грамоты, действовавших под контролем церкви в Екатеринбургской епархии в 1893/94 учебном году, представлена в приложении 9.

В 1900 г. Пермское земство обратилось к крестьянам с рядом вопросов по поводу обучения детей, в числе прочих был задан и такой: “Не существует ли в вашей местности еще домашнего обучения, т. е. детей отдают не в школу, а на выучку к разным начетчицам и грамотеям или странствующим учителям”¹⁵⁵?

В 16 % ответов из 900 констатировалось — такое обучение есть¹⁵⁶. По меньшей мере в 69 волостях, откуда пришли письма, имелись “учителя-шатуны”, продолжавшие переходить из деревни в деревню и наниматься учить детей. Судя по ответам крестьян, часть таких людей оказывалась пьяницами, лицами недостойного поведения, и им крестьяне сразу же отказывали. Высокий авторитет в крестьянской среде, особенно среди раскольников, имели учителя из убогих, хромых, старых дев, которые учили грамоте за 2–3 зимы, а также юные выпускники сельских начальных школ, в первую очередь земских, обучавшие чтению звуковым методом и не по Псалтырю, а по новым учебникам. Эти учителя знали и письмо, в то время как странствующие зачастую могли с грехом пополам выучить читать.

Определенную роль в распространении грамотности в последние десятилетия XIX в. сыграли и повторительные классы, устраиваемые земством для сельского населения, и воскресные школы. Последние работали по воскресным дням и были открыты для всех желающих. Воскресные школы возникли в России в конце 1850-х гг., на Урале — в 1860 гг. В них обучали чтению, письму, началам арифметики. В 1864 г. наблюдение за религиозно-нравственным воспитанием в них было возложено на священников. В эти школы записыва-

лись те, кто пытался учиться грамоте, но не выучился; кто умел лишь читать, и, наконец, не закончившие училища, желающие закрепить навыки чтения и письма, мужчины и женщины от 13 до 40 лет и более. Шадринское уездное земство в 1882 г. постановило открыть в уезде 12 воскресных школ, в 1883 г. их стало 13. Посещали их и жители близлежащих деревень, проживавшие в 3–5 верстах¹⁵⁷. В основном обучение вели земские учителя, в некоторых — местная интеллигенция, церковнослужители. В 1901 г. в Пермской губернии действовало 32 воскресные школы¹⁵⁸.

Мусульманские школы в уральских селах башкир и татар

По данным Первой всеобщей переписи Российской империи в 1897 г. башкир на Урале насчитывалось 1 млн. 254 тыс., татар — 450 тыс. Большинство их проживало на Южном Урале, в Уфимской, Оренбургской губерниях, в Пермской насчитывалось 85 тыс. башкир и около 47 тыс. татар.

Мусульманские школы продолжали оставаться почти исключительно сельскими. В городах Башкирии не было мектебов и медресе, только в Стерлитамаке, Оренбурге и Троицке в 1861 г. имелись более или менее влиятельные коранические школы. Наиболее знаменитыми были медресе в деревне Стерлибаш (Стерлитамакский уезд) и в Сеитовом посаде (Оренбургский уезд). Первое превратилось в благоустроенное учебное заведение. Были выстроены новые здания, к середине 60-х годов их число достигло 25. Был разбит сад, проведен водопровод, сформировалась богатая библиотека. К преподаванию привлекались способные учителя. В Сеитовом посаде (известном также как село Каргалы) в первой половине XIX в. в восьми приходах функционировало восемь медресе, в 1860-х гг. в них обучалось до 500 детей башкир, татар, казахов. По данным инспектора мусульманских школ В.В. Радлова, в 1873 г. в Уфимской губернии действовало 74 медресе, в Оренбургской — не менее 9¹⁵⁹.

Обучались в них в основном сыновья мулл, купцов, состоятельных крестьян в возрасте 12–20 лет. Материально медресе поддерживали татарские и башкирские купцы Ка-

зани, Оренбурга и других городов, местное купечество, муллы, состоятельные крестьяне. В их пользу завещалось имущество — земли, торговые лавки. Но в основном они действовали за счет пожертвований родителей учеников и платы за обучение¹⁶⁰.

Процветающих учебных заведений было немного. Большинство школ имело скудное обеспечение, размещалось в непригодных зданиях. В комнатах, где шли занятия, зачастую жили приезжие ученики. Учителя получали незначительное вознаграждение, которого не хватало на жизнь. В 1860-х гг. в большинстве школ обучалось в среднем от 11 до 30 мальчиков, но почти треть школ в Оренбургской губернии имела менее 10 учеников. К середине 1890-х гг. число учащихся в школах Уфимской губернии увеличилось в среднем до 44, в Оренбургской — до 37¹⁶¹.

Особое внимание уделялось открытию низших духовных школ — мектебов.

“Конечная цель мектеба, указывало совещание высшего мусульманского духовенства при Духовном собрании в начале XX в., — научить мусульманских детей чтению и письму, познакомить их с установками ислама, воспитать их в доброй нравственности и указать им путь к достижению благополучия земного и небесного и тем содействовать миру и покою государства”¹⁶².

Мектебы и медресе прочно вошли в быт башкир и татар, приобрели значение этнических ценностей. Школьное обучение детей считалось нравственной обязанностью родителей-мусульман. Каждый мальчик, достигший 7 лет, хотя бы недолго должен был посещать школу. Общество осуждало родителей, сыновья которых не научились читать Коран. Но поскольку усвоение арабского языка было сложным, многие дети, посещая школу и через два года не умели читать или забывали пройденное, едва закончив обучение. При этом почти каждый второй мальчик в татарской или башкирской семье оставался вне школы, в лучшем случае — обучался дома, материальная нужда не позволяла родителям платить за него в школе.¹⁶³

В среде башкир и татар, как и в среде русских, значительное распространение получили домашние школы. В первую очередь они открывались для девочек — мусульман.

ские обычаи запрещали их совместное обучение с мальчиками в медресе и мектебах.

Большинство коранических школ не отличалось рациональной постановкой учебно-воспитательного процесса, напротив, развивалась тенденция к снижению общего уровня мусульманского образования, медресе и мектебы все больше замыкались в догматах и традициях, их отрыв от жизни увеличивался.

Только в конце XIX в. началось преобразование медресе на буржуазных началах, они стали превращаться из профессиональных школ в национальные, с преподаванием предметов на родном языке. Буквослагательный метод обучения грамоте стал заменяться на звуковой, называвшийся в народе “усул-и джадид”, поэтому и реформированные школы стали называться джадидистскими (новометодными). Выпускники знаменитых новых медресе Уфы, Оренбурга, Троицка — “Усманий”, “Хусаиний”, “Расулий” — в самом конце XIX в. начали открывать новометодные медресе в селах Уфимского, Стерлитамакского, Бирского, Оренбургского, Челябинского уездов. Обучение и в сельских школах стало вестись на татарском языке, родном для половины учащихся-татар и более близком башкирам, чем турки, поскольку до 85 % грамматических форм и лексики башкирского и татарского языков имеют общие корни. В 1893 г. в Казани были напечатаны первые буквари на татарском языке для новометодных школ¹⁸⁴.

Мусульманские школы, называвшиеся в XIX в. магометанскими, действовали почти во всех селениях татар и башкир Пермской губернии, где имелись мечети. В 1858 г. насчитывалась 51 такая школа с 2404 учащимися. К 1862 г. число мусульманских школ увеличилось до 61, а число учащихся в них — до 3000 человек¹⁸⁵.

Примечательно, что девочки, обучавшиеся отдельно, в женских школах, составляли более четверти учеников — 555 в 1858 г. (см. приложение 10).

Соотношение числа учащихся различных видов сельских школ, учащейся и неучащейся молодежи на Урале в конце XIX в.

Особый интерес для нас представляет вопрос о соотношении числа учеников, обучавшихся в различных видах сельских начальных школ Урала. Представим эти данные в виде сводной таблицы. Ясно, что основная масса крестьянских детей в Вятской и Пермской губерниях в конце XIX в. обучалась в одноклассных земских школах (50,9 % и 60,6 % соответственно). В Оренбургской губернии (если не принимать в расчет казачьи школы) крестьянских детей было почти поровну в школах грамоты, церковноприходских и сельско-общественных. В Уфимской 60 % детей обучалось в мусульманских школах и только 18 % — в земских. Примечательно, что школы грамоты, составляя третью часть сельских учебных заведений Вятской и Пермской губерний, по числу детей, обучавшихся в них, занимали скромное место — в Вятской губернии в них обучалось 13,7 % школьников, в Пермской — 14 %.

Таблица 2*

Количество учащихся в сельских школах Урала на 1 января 1894 г.

Губернии	Много- класс- ные и 2-х класс- ные уч-ща всех ве- домств	Правильно организованные училища						Неорганизован- ные училища		
		Правиль- ствен- ные	Одноклассные училища				Цер- ковно- приход- ские	Удель- ные, част- ные и пр.	Шко- лы грамо- ты	Маго- метан- ские
			Общественные							
			зем- ские	воло- стные и сель- ско-об- ществ.	каза- чьи					
Вятская	2915	1280	39913	—	—	15398	302	10735	7829	
Пермская	5127	2067	44783	—	—	5508	706	10363	4478	
Оренбург- ская	489	1255	—	3883	28129	3256	740	4192	6297	
Уфимская	1426	3887	10076	—	—	2943	973	2963	33355	

* Составлено на основе: Начальное народное образование в России. СПб. 1900. Т. 2. С. 16, 19, 22, 28, 31, 34, 53, 57, 58, 182.

Хотя девочки принимались во все сельские школы наравне с мальчиками, даже в конце XIX в. они составляли среди учащихся очень незначительную часть. Это хорошо видно из следующей таблицы.

Таблица 3*

**Удельный вес девочек среди учащихся сельских школ Урала
на 1 января 1894 г. (в процентах к общему числу учеников)**

Губернии	2 классные и много- классные училища	Одноклассные училища				Школы грамоты
		прави- тельст- венные	земские	церковно- приход- ские	волост- ные и сельско- обществ.	
Вятская	14,6	20,5	18	23,4	—	18,09
Пермская	13,1	15,5	27,7	22	—	21,19
Оренбург- ская	16,6	15	—	20,1	18	15,72
Уфимская	2,9	9,1	23,4	19,6	—	19,64

* Составлено на основе: Начальное народное образование. Спб. 1900. Т.2. С. 16, 19, 22, 28, 31, 34, 53, 57, 58, 182

Больше девочек было в школах земских и церковноприходских, где они составляли от 1/5 до 1/4 класса,. Обращает на себя внимание высокий показатель девочек в земских школах Пермской губернии — 27,7 %, выше имели лишь три губернии России — С-Петербургская, Ярославская и Московская (34,5; 30,7 и 28,2 % соответственно)¹⁶⁶. Меньше девочек продолжало обучение в многоклассных и двухклассных училищах по сравнению с одноклассными (13—16 %), а в Уфимской губернии девочки составляли всего 2,9 %. В целом в крестьянских школах девочек было меньше, чем в казачьих — в Оренбургской губернии, например, они составляли 33,7 % учеников¹⁶⁷. Но особенно отставали в этом отношении крестьянские школы от городских, например, в земских школах городов Пермской губернии девочек было 48,6 %¹⁶⁸.

Незначительное привлечение в школы девочек-крестьянок являлось, по-видимому, следствием ряда причин. Сказывалась традиция, предписывавшая давать основы грамоты прежде всего мальчикам — будущим главам хозяйств. Подростки, окончившие начальную школу, по закону 1874 г. о всеобщей воинской повинности получали льготу — сроки службы в армии сокращались для них с 6 до 4-х лет. Для отдачи в школу девочек такой дополнительный стимул отсутствовал, оставляя их дома, крестьяне говорили: “Не в солдаты идти!”. Главная же причина заключалась в том, что девочки активнее, чем ребята, использовались в крестьянских семьях для помощи в ведении хозяйства в осенне-зим-

ние месяцы Они нянчили своих младших братьев и сестер, ухаживали за стариками.

Особый интерес представляет вопрос о том, какая часть детей школьного возраста (7–14 лет) попадала в учебные заведения и как много крестьянских детей оставалось за порогом школы. По данным школьной статистики, в 1894 г. в “правильно организованных” училищах Вятской губернии обучалось 20,8 % мальчиков и 4,5 % девочек от числа проживавших в селах губернии, в Пермской — соответственно 20 % и 6,3 %, Оренбургской — 22,9 % и 9,6 %. Уфимской — 9,3 % и 2,2 %¹⁶⁹.

Но необходим и учет детей, обучавшихся в так называемых неорганизованных школах. Сопоставление данных о количестве детей школьного возраста, проживавших в селах уральских губерний, и числа учеников всех видов школ, в том числе “неорганизованных”, позволяет установить удельный вес детей, обучавшихся в сельских школах Урала по отношению к общей их массе (см. таблицу 4). Но эти данные требуют корректировки.

Таблица 4*

Соотношение численности детей школьного возраста (7–14 лет), проживавших в селениях Урала, и учащихся школ на 1 января 1894 г.

Губернии	Детей 7–14 лет		Учащихся всех школ		Уд. вес учащихся школ	
	мальчиков	девочек	мальчиков	девочек	мальчиков	девочек
Вятская	231468	256855	62098	16274	26,82 %	6,33 %
Пермская	222762	240569	55368	18441	24,85 %	7,66 %
Оренбургская	116144	117844	36362	11976	31,30 %	10,16 %
Уфимская	167840	168796	44715	10950	26,64 %	6,48 %

* Составлено на основе: Начальное народное образование в России. Спб. 1900. Т.2. С.16, 182. 209.

Наиболее высоким был охват школьным обучением детей в Оренбургской губернии, где обучались почти каждый третий мальчик и каждая десятая девочка в возрасте 7–14 лет. Но это результат деятельности многочисленных казачьих школ, в них обучалось 51,3 % мальчиков и 79 % девочек от общего числа учащихся сельских школ губернии¹⁷⁰. При этом казачество, согласно переписи 1897 г., составляло

лишь 24,7 % сельского населения губернии, крестьянство же — 68,4 %¹⁷¹. Следовательно, показатели удельного веса крестьянских детей, привлекавшихся в школы Оренбургской губернии, на деле были гораздо ниже по сравнению с общими данными, представленными в таблице.

В Уфимской губернии более 65 % учащихся на селе сосредоточивалось в магометанских школах (см. таблицу 2), а магометане составляли, согласно переписи 1897 г., лишь 49,2 % сельского населения губернии¹⁷². Поэтому охват школьным обучением детей русских крестьян был ниже среднего показателя для губернии.

Следует также учитывать, что в число сельских жителей во всех губерниях попадали дети духовенства, ремесленников, работников заводов, в среде которых процент учащихся был выше, чем в крестьянской, но в принципе полученные данные вполне представительны и позволяют утверждать, что в конце XIX в. в селениях Урала в школах обучалось не более четверти крестьянских мальчиков и не более 6–7 % девочек.

Причины ухода детей из школ до окончания срока обучения

Далеко не все крестьянские дети, поступившие в одноклассные училища — правительственные, земские, церковно-приходские и прочие — заканчивали их. Многие из них уходили после первого-второго года обучения. Бедные крестьянские семьи были не в состоянии материально поддерживать детей, отданных в школу отдаленных селений, обеспечивать их едой, одеждой, обувью, платить за квартиру. Зачастую это трудно было сделать, даже если школа действовала по месту жительства. Часть учеников, проучившись год, отправлялась на заработки или забиралась родителями, нуждавшимися в их постоянной помощи по хозяйству. Причем среди девочек отсеб был гораздо большим.

Судя по статистическим данным, удельный вес учащихся, окончивших полный курс двух- и одноклассных сельских училищ, был наиболее высоким на Урале в Вятской губернии — (14,9 %), в то время как в Пермской губернии он составлял 12,6 %, Уфимской — 11,6%, Оренбургской —

8,7 %. Вятская губерния занимала по этому показателю 6-е место среди 88 регионов страны, уступая губерниям Эстляндской, Курляндской, Лифляндской. Симбирской и Акмолинской области, имевшим показатели от 23,9 до 15,3¹⁷³.

Основная причина того, что лишь незначительная часть детей уральского крестьянства посещала школы, заключалась в редкости самой сети школ и удаленности селений друг от друга на многие десятки верст. В Вятской губернии, например, одно сельское училище (без учета “неорганизованных” школ) приходилось в 1894 г. на 155 квадратных верст и обслуживало 24,9 селения, в Пермской — соответственно на 341,4 кв. верст и 15 сел, в Уфимской — на 277 кв.верст и 9 сел, Оренбургской — на 262,5 кв. верст и 3,6 селения¹⁷⁴.

Безусловно, наличие сети школ грамоты улучшало эти показатели, особенно в Вятской и Пермской губерниях, где они составляли более трети сельских учебных заведений, но и они не решали проблемы удаленности школ от места жительства детей.

Ходить в школу приходилось осенью, зимой — зачастую в грязь, дождь, снегопад, мороз. Дети сравнительно легко могли справиться с ежедневным преодолением одной-двух верст до школы в один конец пути. Но некоторые ученики ходили и за 3—4, даже за 5 верст. Часть родителей старалась устроить их на квартиру в том селе, где действовала школа. Обучение детей из более отдаленных селений было невозможным без снятия квартиры, решения проблемы с подвозом продуктов. Далеко не каждая крестьянская семья могла позволить себе эти расходы.

Некоторые сельские общества помогали бедным учащимся в материальном отношении, соглашались платить по 2, 5, 8, 10 коп. с души в пользу школ. Организующей силой при этом выступали уездные земства, они являлись ходатаями введения сборов перед обществами, старались убедить их в необходимости материальной поддержки школ¹⁷⁵.

Сами земства, особенно в Пермской, Вятской губерниях выделяли специальные средства на оказание помощи ученикам, взятым в школы из дальних сел: оплачивали наем квартиры, обязывали учителей посещать их, следить за чистотой, порядком. Устраивались и ночные общежития при

школах, в которых дети проводили всю неделю, а на воскресенье, праздники выезжали домой.

Представление о том, какими были эти заведения, можно получить на примере общежития, действовавшего при Зайковской земской школе Ирбитского уезда. Оно пропагандировалось местным земством в качестве образцового¹⁷⁶. Это была комната, смежная с классом, в ней на нарах, застилавшихся на ночь потниками из-под седел лошадей, располагались 20 учеников. Две девочки спали на кухне вместе с кухаркой. Каждый ученик имел перинную подушку, сундучок, в который складывал учебные принадлежности, личные припасы.

Земство содержало стряпку, обеспечивало детей посудой. Провизию привозили родители дважды в год — на октябрь-декабрь и на январь-март. На ученика полагалось доставить 4 пуда муки (65,5 кг), ржаной и пшеничной поровну, картофеля — пуд (16 кг); гороховой муки, “толстой” крупы, сои, мяса — по 10 фунтов (1 фунт — 409 г), соли — 5, масла постного — 1,25 фунта. Овощей привозили кто сколько мог, молоко поставляли семьи, имеющие дойных коров, по определенной цене. В складчину собирали заварку на чай, сахар же каждый хранил у себя. Этим необходимым минимумом продуктов обходились в течение 145–150 учебных дней, но, по-видимому, в выходные привозили из дома что-нибудь дополнительно, земство прикупало для общего стола муку.

А вот как описывали современники жизнь учеников в условиях отсутствия общежития: “Кончились классные занятия, дети бегут в кладовую, где у каждого есть свой сундучок или бурак, достают хлеб, лук, печеный картофель, кто побогаче — пирог, чинно садятся за парты — это обед... К ночи парты ставятся одна на другую, в образовавшемся проходе ребята ложатся вповалку на своей верхней зимней одежде”¹⁷⁷. В таких условиях учение в школе для многих крестьянских детей, особенно из бедных семей, было сопряжено с огромными трудностями. Чердынское земство, например, выделило на каждое училище по 5 стипендий бедным ученикам размером по 1 руб., но эти суммы были недостаточны и на переменах дети вынуждены были собирать милостыню¹⁷⁸.

Грамотность крестьян Урала во второй половине XIX в. Вопрос о введении всеобщего начального обучения

В 1870-е гг. некоторые уездные земства стали поднимать вопрос о необходимости введения всеобщего обязательного начального обучения для детей — Нолинское, Орловское, Яранское Вятской губернии (1873 г.), Шадринское, Осинское Пермской губернии (1875–1876 гг.).

В 1894 г. директор народных училищ Пермской губернии А.П.Раменский на XXV сессии Пермского земства выступил с идеей перехода ко всеобщему начальному обучению в губернии путем открытия школ с трехгодичным обучением в крупных селах с населением от 600 до 1000 человек, школ грамоты и передвижных в небольших селениях — от 200 до 500 жителей¹⁷⁹. На XXVI сессии губернского земства в 1895 г. А.П. Раменский предложил к 1473 существующим начальным школам губернии в течение 10 лет открыть еще 1500. С целью проработки вопроса была создана специальная комиссия по народному образованию. В связи с тем, что осуществление программы всеобщего образования потребовало бы 1 млн. руб., XXXI сессия Пермского губернского земства в 1900 г. решила ходатайствовать перед правительством о выделении казной половины этой суммы¹⁸⁰. В 1900 г. Вятское земство опубликовало свое “Исследование положения начального народного образования в Вятской губернии с проектом школьной сети для введения всеобщего обучения”. Но эти прогрессивные начинания так и не были осуществлены. Уфимское же земство в XIX в. вопроса о всеобщем начальном обучении не поднимало.

Каков же был удельный вес грамотных среди крестьян уральских губерний во второй половине XIX в.? С.Нурминский попытался установить его по данным о грамотных, вступавших в брак среди православного и единоверческого населения Вятской губернии в 1870–1872 гг. С этой целью он провел изучение “обыскных книг”, в которых расписывались вступавшие в брак христиане. Средний показатель грамотности среди венчавшихся на селе составил 4,59 %, в том числе среди мужчин — 8,4 %, среди женщин — 0,78 %¹⁸¹, т. е. грамотность среди молодых женщин в селах

Вятской губернии в начале 70-х гг. была в 10,8 раза ниже, чем среди мужчин.

Благодаря проведению земствами подворных переписей в первой половине 80-х гг. XIX в. мы имеем сопоставимые данные о грамотности сельского населения по 21 губернии России, в том числе двум уральским. В селах Пермской губернии грамотные составляли 14,2 %, в Вятской — 10,3 %, в то время как в Московской губернии — 20,7 %, Таврической — 20,5 %, Петербургской — 19,7 %, Тверской — 16,8 %, Саратовской — 15,7 %¹⁸².

В 1897 г. была проведена Первая всеобщая перепись населения Российской империи, в ходе которой фиксировались данные о грамотности, под которой понималось умение читать.

А.А.Сафроновым были проведены сравнения общероссийских показателей грамотности с общеуральскими. В городах Урала грамотными было 43,4 % жителей (по России — 45,3 %), среди мужчин — 52,4 %, среди женщин — 34,1 %. В сельской же местности на Урале умело читать только 16,4 % населения (по России — 17,4 %), в том числе среди мужчин — 24,6 %, среди женщин — 8,7 %. Таким образом, на Урале показатели грамотности были немного ниже общероссийских, на 1–2 %¹⁸³. По данным А.Г. Рашина, самые высокие показатели грамотности, выше 70 %, были в прибалтийских губерниях, в Петербургской — 55,1 %, в Московской — 40,2 %, самые низкие — в Пензенской и Псковской губерниях — 14,7 % и 14,6 % грамотных. Уральские губернии в этом списке занимали следующие места — Оренбургская — 25-е, Пермская — 28-е, Уфимская — 40-е, Вятская — 44-е место¹⁸⁴. Поскольку показатели грамотности по России и по другим губерниям вычислялись по отношению ко всей массе населения, показатели по Уралу для сопоставленности были вычислены так же. Если исключить из подсчетов детей до 10 лет, большинство которых не могло читать в силу возраста, уровень грамотности повысился.

Сравнение показателей грамотности двух групп населения (в возрасте 10–19 лет и 60 лет и старше) позволяет сделать вывод, что за последние 40 лет XIX в. грамотность среди мужчин “сельского состояния” в Вятской и Пермской губерниях возросла более чем в 4 раза, в Оренбургской — более чем в 2, в Уфимской — в 1,6 раза. Среди женщин

Таблица 5*

**Удельный вес грамотных среди лиц сельского состояния
Урала в зависимости от пола и возраста по переписи 1897 г.
(в процентах)**

	Губернии							
	Вятская		Пермская		Оренбургская		Уфимская	
Возр. группы	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
10–19 лет	47,3	13,4	47	18,7	44	18,2	31,9	16,8
20–29	36,7	8,2	39,3	12,9	41,5	14,8	27,1	14,2
30–39	28,5	4,6	33,2	7,1	41,1	10	25,4	12,4
40–49	20,9	3,4	23,9	4,8	31,2	6,2	24,1	11,9
50–59	15,1	2,2	18,1	3,6	23,2	5,2	22,7	11,2
60 лет и более	10,4	1,8	11,5	2,8	19,1	4,5	19,9	9,7
Общий показатель грамотности	24	5,8	25,5	8,3	27,5	9,3	20,1	10,5

* Подсчитано на основе: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С.54; Т.21. С.62; Т.28. С.31; Т.45. С.8.

процент грамотных за этот же период увеличился в Вятской губернии — в 7,4 раза, Пермской — в 6,7, Оренбургской — в 4 раза, Уфимской — в 1,7 раза.

На основе материалов переписи 1897 г. А.А. Сафроновым были впервые выведены общие показатели грамотности мужского и сельского населения уральских губерний в зависимости от места проживания — город-село¹⁸⁵. При этом из подсчетов исключались дети до 10 лет, большинство которых в силу возраста не могло быть грамотным. Это дало возможность получить более достоверные данные (см. приложение 11). Если мужчины, проживавшие в сельской местности, по уровню грамотности примерно в 2 раза отставали от горожан, то в женской среде различия более сильные: в Вятской и Пермской губерниях — в 6,2 и 4 раза, в Оренбургской и Уфимской — в 2,5 и 2,6 раза.

Таблица 6*

**Грамотность городского и сельского населения губерний Урала
от 10 лет и старше по переписи 1897 г., в процентах**

НАСЕЛЕНИЕ	города		уезды		Общий показатель
	муж.	жен.	муж.	жен.	
Вятская	68,8	50,9	32,6	8,1	20,9
Пермская	66,7	45,2	34	11,4	24,4
Оренбургская	56,1	32,7	37,4	12,9	27
Уфимская	57,6	34	27,7	14,4	22,3

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения ... Т.10. С.57; Т.21. С.65; Т.28. С.35; Т.45. С.23

А.А. Сафронов распределил уезды (без городов) в порядке убывания грамотности, чтобы определить место каждого из них в пределах границ губернии, а затем и всего Урала¹⁸⁶ (См. приложение 11).

Ясно, что наиболее высоким уровнем грамотности отличались уезды Пермской и Оренбургской губерний, первые — за счет горнозаводских поселений, вторые — за счет казачества. Наиболее высокий показатель грамотности сельского населения на Урале был в Верхотурском уезде Пермской губернии — 31,3 %, здесь умел читать почти каждый третий житель с 10 лет. Примечательно, что город Чердынь в Пермской губернии по уровню грамотности находился на первом месте (63,3 % грамотных), Чердынский же уезд — на последнем (15,3 % грамотных), в Вятской губернии самый низкий уровень грамотности был в Глазовском уезде (11,8 %). Именно эти два уезда завершали и общий список уездов Урала в порядке убывания грамотности. Эти данные свидетельствуют, что значительные колебания в уровне грамотности имелись не только в зависимости от пола, но и от места проживания.

Обучение детей крестьян в профессиональных школах Урала, повышенных начальных и средних учебных заведениях

Чтобы вывести детей “в люди”, сотни крестьянских семей стремились дополнить минимум общеобразовательных знаний, полученных детьми в сельских училищах, школах грамоты, у деревенских учителей, профессиональной выучкой.

В конце XIX в. земства начинают открывать при некоторых своих училищах двухгодичные сельскохозяйственные отделения, непосредственно с училищами не связанные. Поступление на эти отделения давало возможность сельской молодежи получить первоначальные знания по сельскому хозяйству, а за счет практических знаний, которым отводилась почти половина времени, и навыки по выращиванию культур¹⁸⁷. В 1900 г. сельскохозяйственные отделения действовали в 8 уездах Пермской губернии¹⁸⁸.

В 80-90-х гг. XIX в. на Урале начинает формироваться сеть двух- и пятигодичных низших сельскохозяйственных школ общего и специального характера. В школы 1-го разряда принимались подростки, знавшие программу в объеме двухклассных сельских училищ, в школы 2-го разряда — в объеме курса начальных народных училищ, в том числе воскресных школ. При некоторых сельскохозяйственных училищах действовали подготовительные классы. В общих школах могли преподавать лишь лица с высшим и средним сельскохозяйственным образованием, в специальных — и практики¹⁸⁹.

Первая сельскохозяйственная школа на Урале была открыта в Пермской губернии в г. Красноуфимске в 1887 г. При ней имелись мастерские земледельческих орудий, гончарная, маслодельная, мыловарня и ферма. В 1896 г. была основана Ирбитская, 1897-м — Оханская, 1898-м — Шадринская школы, все 1-го разряда, в Шадринском уезде в 1898 г. были открыты и две четырехгодичные сельскохозяйственно-ремесленные колонии — Надваровская и Песковская (последняя — женская)¹⁹⁰.

В Вятской губернии было открыто три сельскохозяйственные школы: Нартасская (1893), Глазовская (1895), Савальская (1900, 1-го разряда); в Оренбургской губернии в конце XIX в. таких школ не было¹⁹¹, в Уфимской было основано 4 Мензелинская (1891), Белебеевская (1896), обе 1-го разряда, и две специальных — Ляховская школа огородничества, пчеловодства и плодоводства (1898) и Березовская школа маслоделия, сыроварения и животноводства (1900)¹⁹².

Сельскохозяйственные школы действовали при поддержке местных земств, некоторые исключительно за их счет. Большинству учащихся выплачивались стипендии, почти все они были из крестьян, подавляющее большинство — приезжие. Школы располагали большими участками земли (до нескольких сотен десятин, 1 десятина — 1, 09 га), фермой, 2—4 мастерскими. Учащиеся сами проводили сев, уборку культур, выращивали в питомниках саженцы лип, тополей и других деревьев, овладевали агротехникой. Учились пользоваться плугами, жнеями, сенокосилками, собирать, ремонтировать их, в мастерских овладевали столярным, кузнечным, слесарным делом. Школы становились рассад-

никами новых методов ведения хозяйства среди жителей уральских деревень¹⁹³. Близки к сельскохозяйственным были низшие двухгодичные лесные школы — Биклянская Уфимской губернии (1891) и Талицкая Пермской (1896)¹⁹⁴.

В 70-е гг. XIX в. поток крестьянских детей направился в ремесленные классы, открывавшиеся в основном по инициативе земств при городских училищах, двух- и одноклассных земских училищах. В них подростки 13–18 лет учились переплетному делу, столярному, токарному, сапожному, портняжному, как правило, в течение 4-х лет.

В Пермской губернии в 1879 г. ремесленные классы действовали при 32 училищах, в них обучалось 537 мальчиков, в основном из близлежащих деревень, под них приспособлялось и время летних каникул — с 15 мая до 15 сентября, чтобы ученики могли помогать родителям в полевых работах. В 1883 г. число ремесленных классов увеличилось до 56, но из-за слабого притока новых учеников, отсева почти половины учившихся к 1898 г. осталось лишь 6¹⁹⁵.

Согласно данным статистического описания профессиональных учебных заведений России по состоянию на 1 января 1910 г., в 1900 г. в Пермской губернии действовало как минимум 16 центров обучения юношей ремеслу — 9 классов и отделений при начальных училищах, 3 учебных ремесленных мастерских, в том числе передвижная ткацкая Оханского земства, 4 ремесленные школы. Половина ремесленных учебных центров располагалась на селе.

В Вятской губернии на 1900 г. действовало как минимум 28 центров — 8 классов и ремесленных отделений, в том числе 4 на селе, 15 учебных мастерских (2 ремесленных, 5 столярно-токарных, 6 столярных, 1 печная, 1 маслодельная, из них 9 на селе) и 5 ремесленных школ в уездных городах. В Уфимской губернии из 11 центров 6 располагались на селе, в Оренбургской из 4-х — 2¹⁹⁶.

Более серьезное низшее техническое образование дети крестьян могли получить, поступив в Пермское железнодорожное училище (1891, 5-годичное) или Кунгурское техническое им. А.С.Губкина (1877, 6-годичное)¹⁹⁷. Выпускники последнего получали звание подмастерьев, отличники — ученых мастеров машиностроительного дела, обучение в нем

было платным. Горные училища пользовались меньшим вниманием детей крестьян.

Часть зажиточных крестьян посылала своих сыновей для продолжения обучения в общеобразовательные начальные школы повышенного типа — уездные училища, действовавшие в уездных центрах. Обучение в них (с 1828 г. в течение 3-х лет) давало неплохие знания по русскому языку, словесности, математике, географии, всеобщей и российской истории, черчению, рисованию. В Шадринском в 1845—1850 гг. дополнительно читались курсы бухгалтерии и торговли, ориентировавшие в будущей торгово-предпринимательской деятельности; в Екатеринбургском в 1835—1864 гг. наряду с минералогией, геодезией вводились курсы бухгалтерии и коммерции¹⁹⁸.

По Положению 1872 г. уездные училища начали преобразовываться в городские, расширялась их сеть. На Урале они действовали не только в городах, но и горнозаводских поселках, в крупных селениях и станицах. Эти училища могли быть 1—6-классными (на Урале в основном 3—4-классные), но все с 6-летним сроком обучения. По сравнению с уездными, в городских училищах дополнительно изучались естественная история, физика, пение, гимнастика.

Как в уездных, так и городских училищах дети крестьян составляли значительную часть учащихся. В 1901 г., например, в 16 городских училищах Пермской губернии из 2208 учеников 1034 принадлежали к “сельским сословиям”¹⁹⁹. Плата за обучение составляла от 2 до 10 руб. в год, в Н-Тагильском “не заводские” должны были платить 12 руб. По Положению о городских училищах 1872 г. часть бедных учащихся от платы освобождалась, в некоторых училищах (Осы, Соликамска) обучали всех детей бесплатно, за счет земств²⁰⁰.

В принципе дети крестьян могли получить и полноценное среднее образование — поступить в гимназию. Мужские гимназии были открыты в Перми (1808), Вятке (1811), Уфе (1828), Екатеринбургe (1861), Оренбурге (1868).

Желающие отдать сыновей в гимназии должны были не только подать прошение об этом директору, предъявить все нужные справки, но и собственноручно составить жизнеописание семьи. Исходя из содержания поданных документов,

особенно жизнеописания, гимназическое начальство решало: удовлетворить ли просьбу о допуске к экзамену или отказать. Сдача вступительного экзамена была платной (до 10 руб.), правда, можно было ходатайствовать о ее отмене по бедности, но вряд ли это играло в пользу экзаменуемого.

Вступительные экзамены можно было сдавать в подготовительный класс и любой другой из 7, важно, чтобы мальчик подходил по возрасту и знал программу предшествующей ступени. Чтобы попасть в подготовительный класс надо было уметь хорошо читать и писать, знать счет до 1000, уметь складывать и вычитать числа²⁰¹.

Плата за обучение составляла 20—50 руб. в год, к тому же надо было оплачивать проживание в общежитии или на частной квартире, покупать форменную одежду, пособия и пр. Неудивительно, что в мужских гимназиях Урала дети крестьян составляли ничтожный процент учащихся, в Екатеринбургской, например, в 80-е гг. XIX в. обучалось 12—20 человек (4—7% состава)²⁰².

Крестьяне охотнее отдавали своих сыновей в реальные училища — общеобразовательные средние учебные заведения, открывавшиеся с 70-х гг. XIX в., 5—6 класс которых был специальным, а с 1888 г. разрешалось открывать и 7-й, специально для подготовки учащихся к поступлению в высшие технические и сельскохозяйственные училища. Плата за обучение составляла в среднем 20—50 руб. в год, как и в гимназии. На Урале реальные училища действовали в Екатеринбурге, Красноуфимске, Перми, Оренбурге, Котельниче, Сарапуле. Дети крестьян составляли в них от 18—20% учащихся в 70-е гг., до 28—29% в 90-е гг. XIX в. Особой популярностью пользовались Пермское, Екатеринбургское, Красноуфимское училища, в Пермское, например, приезжали юноши из других губерний Урала и составляли половину учащихся²⁰³.

В Красноуфимском реальном училище с 1877 г. действовало горнозаводское отделение (в 1896 г. передано Пермскому училищу), с 1880 г. — сельскохозяйственное. Это было первое реальное училище в России с техническим уклоном. В 1889 г. оно было преобразовано в промышленное²⁰⁴. При училище действовали заводы по сухой перегонке дерева, кожевенный, мыловаренный, маслобойный²⁰⁵. На них уча-

щиеся осваивали одну из специальностей по переработке сельскохозяйственной продукции. Практические занятия, на которые отводилась половина учебных часов, проводились и в двух учебных мастерских. В них было налажено производство сравнительно недорогих сельскохозяйственных машин, изобретен станок для изготовления негорючих соломенно-ковровых крыш. Город выделил училищу 26 десятин земли на берегу Уфы, еще два участка — 545 и 69 десятин было отведено в собственность. Во время летней практики, с 1 мая по 15 сентября, учащиеся работали на ферме, разводили племенной скот, проводили агротехнические опыты, выращивали различные культуры.

В 1876 г. в Уфе было открыто землемерное училище — среднее учебное заведение, готовившее специалистов по межеванию земель — одно из пяти, имевшихся в России, и единственное на весь Урало-Сибирский регион²⁰⁶. В него могли поступить юноши в возрасте 15–19 лет, сдавшие экзамены по 9 предметам, в пределах 4-х классов реальных училищ. Некоторые учащиеся обучались за плату, часть имела стипендии²⁰⁷. Дети крестьян наряду с городскими условиями составляли в нем основную часть учеников.

В основном крестьянские юноши заполняли места в средних специальных учебных заведениях, готовивших учителей начальных школ. Особым уважением пользовалась Благоевщенская учительская семинария, действовавшая в Уфимской губернии с 1876 г. В нее можно было поступить по окончании двухклассного сельского училища при условии серьезной дополнительной подготовки (иногда — до года). С начала 90-х гг. XIX в. часть мест в Бирской учительской школе и Оренбургской казахской, готовивших учителей для школ национальных меньшинств, стала отводиться русским учащимся, направлявшимся по окончании для обучения детей принявших православие магометан и язычников. Десятки учителей-крестьян вышли из стен земской учительской школы, действовавшей в Вятке в 1872–1880 гг., Оренбургского учительского института (1878–1896 гг.)²⁰⁸.

Какие возможности получить профессиональные знания и навыки имелись у крестьянских девушек Урала? При некоторых сельских училищах их обучали рукоделию, вязанию, шитью, ткачеству, особым спросом пользовалось изго-

товление ковров и сарпинок — полосатых или клетчатых хлопчатобумажных полосок. Они могли пойти в “ремесленные школки” портных, вышивальщиц, кружевниц, ткачих. Получив навыки рукоделия, крестьянская девушка имела возможность оказывать значительную материальную поддержку семье. Рукоделие могло и для нее самой явиться неплохим источником существования в будущем.

Поэтому девушек отдавали учиться в профессиональные учебные заведения, причем не только сельские, но и городские. Наиболее широкая их сеть действовала в Вятской губернии — рукодельная мастерская в селе Роньбино Малмыжского уезда (1896), белошвейная, кружевная, ткацкая, с обучением от 3-х до 6 лет; земские учебные ткацкие мастерские в Яранске (1873) и Сарапуле (1893), школы кружевниц в Кукарской слободе (1894) и Холуницком заводе (1898), при нем в 1900 г. открылась и четырехгодичная школа кройки и шитья²⁰⁹.

В Пермской губернии большой известностью пользовалась Кунгурская Елизаветинская рукодельная школа (1885, 6—7-летняя). Осинское земство в 1895 г. открыло школу кружевниц, церковно-приходское попечительство — рукодельный класс в Перми (1898). В Уфимской губернии было три организованных центра рукоделия и шитья — школа в Уфе (1900), профклассы при Бирской гимназии (1897), класс ткачества при приюте в одной из деревень (1899). В Оренбургской — один рукодельный класс при Оренбургской женской гимназии (1885)²¹⁰.

Повысить общее образование, полученное на селе, крестьянским девушкам было сложнее, чем юношам, — уездные училища предназначались для мальчиков, в городские училища, действовавшие по Положению 1872 г., прием девочек был разрешен только в 1907 г. Некоторых девочек определяли в женские городские приходские училища, имевшие повышенные программы обучения. В 1860 г. в губернских центрах Урала были открыты первые средние 6-классные женские учебные заведения — Мариинские училища, находившиеся в Ведомстве учреждений императрицы Марии, и женские училища 1-го разряда Министерства народного просвещения, В 1870 уч. году все они были преобразованы в женские гимназии и наряду с Вяткой, Пермью, Уфой,

Оренбургом стали действовать в Екатеринбурге (1870), Красноуфимске (1897). Окончившие 7 классов гимназии девушки получали звание учительницы, 8-го педагогического класса — домашней учительницы, могли преподавать в прогимназиях.

Наиболее состоятельные, предприимчивые крестьяне, стремившиеся дать дочерям хорошее образование, отдавали их в эти учебные заведения, при этом старались, чтобы программу младших классов девочки осваивали поближе к дому, в трех, а затем в четырехклассных прогимназиях, сеть которых во второй половине XIX в. быстро увеличивалась. К 1900 г. на территории Оренбургского учебного округа (без Вятской губернии) действовало 15 женских прогимназий — в Перми, Ирбите, Чердыни, Осе, Соликамске, Кунгуре, Оханске, Камышлове, Челябинске, Кургане, Троицке, Бирске, Мензелинске, Оренбурге, Уфе. При прогимназиях постепенно открывались педагогические классы, окончание которых давало право преподавания в начальных училищах²¹¹.

В женских гимназиях Оренбургского учебного округа в последней четверти XIX в. в среднем обучалось 7,5 % детей сельских сословий, в прогимназиях — 20,5 %. К 1900 г. процент девочек из села увеличился до 10,3 % в гимназиях и 29,2 % — в прогимназиях²¹².

Обучение девочек в гимназиях по сравнению с мальчиками обходилось родителям гораздо дороже, помимо общей платы — 20–50 руб. в год (в Уфимской гимназии с 1887 г. — 60 руб., в педклассе — 80 руб.) — в некоторых гимназиях приходилось дополнительно платить за уроки рисования, французского, немецкого языков, танцы (от 2 до 5 руб.). В прогимназиях с “не городских жительниц” брали за обучение в основном от 10 до 20 руб.²¹³

В начале XX в. число школ на селе резко возросло, увеличились и возможности выбора профессионального, специального, общего образования, но по-прежнему основная масса крестьянских детей продолжала оставаться неграмотной, и “выход” юношей и девушек из села для продолжения образования в городе был очень незначительным.

**Сеть приходских училищ Министерства государственных
имуществ, действовавших в Пермской губернии в 1860 г.,
и открытых «безмездно» духовенством в селах государственных
крестьян в этом же году¹**

Округ	Училища МГИ / Село	Кол-во учащихся в них	Открытые в 1860 г. духовен- ством	
Кунгурский	Крестовоздвижен- ское	295		
	Кыласовское			
	Рождественское			
	Комаровское			
	Березовское			
	Спасо-Бардинское			
Осинский	Степановское	283	Овчинниковское	76
	Ординское		Троицкое	
	Медянское		Тихановское	
	Аряжское		Мазунинское	
	Дубровское		Апачевское	
	Сайгатское		Шляпиковское	
			Тавшинское	
			Бедряшевское	
Оханский	Шлыковское	232	Больше- Сосновское	11
	Шерьинское		Верх-Язвинское	
	Больше- Сосновское			
	Черновское			
	Верх-Язвинское			
Верхотур- ский	Меркушинское	101	Махневское	22
	Мугайское		Мироновское	
	Коптеловское		Арамашевское	
	Музинское			
	Краснопольское			
Екатерин- бургский	Коневское	423	Багаряжское	219
	Маминское		Белоярское	
	Истокское		Бруснятское	
	Логиновское		Глинское	
	Черемисское		Кисловское	
	Гробовское		Огневское	
			Тиминское	

¹ Составлена по данным: Шишонко В. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879. С. 259–265.

			Хромцовское	
			Юшковское	
Шадринский	Ольховское	351	Бакланское	205
	Буткинское		Барневское	
	Канащевское		Басмановское	
	Вознесенское		Белоярское	
	Ичкинское		Галкинское	
	Каргапольское		Дрянновское	
	Усть-Мияское		Замараевское	
	Батуринское		Иванищевское	
	Верх-Теченское		Ключевское	
	Теченское		Краснопольское	
	Катартское		Кривское	
	Далматовское		Першинское	
			Песчанское	
Ирбитский	Чубаровское	315	Белослудское	168
	Ницинское		Бобровское	
	Байкаловское		Голубковское	
	Белослудское		Зайковское	
	Шогринское		Костинское	
	Костинское		Скородумское	
			Харловское	
Чердынский	Анисимовское	303	Покчинское	45
	Вильгордское		Цидвинское	
	Мошевское		Янидорское	
	Половодское			
	Пыскорское			
	Юкшеевское			
	Юрлинское			
Камышлов-ский	Скотинское	349	Беляковское	
	Щербаковское		Волковское	
	Глинское		Вновь-Юрмытское	
	Куrowsкое		Грязновское	
	Троицкое		Захаровское	
	Клевакинское		Знаменское	
	Курынское		Зотинское	
	Колчеданское		Зыряновское	
	Катайское		Калиновское	

	Томакульское		Каменноозерское	323
	Куяровское		Крестовское	
	Балаирское		Кунарское	
			Красноярское	
			Мартыновское	
			Никитинское	
			Никольское	
			Новопышминское	
			Поваренское	
			Пышминское	
			Талицкое	
			Теминское	
			Троицкое	
			Чернокоровское	
Красно- уфимский	Ачитское	239	Алмазское	221
	Богородское		Алтынское	
	Златоустовское		Бисертское	
	Кленовское		Киргишанское	
	Поташинское		Крестовоздвиженское	
			Манчажское	
			Мостовское	
			Новозлатоустовское	
			Петропавловское	
			Сажинское	
			Советинское	
			Суксунское	
			Тохтаревское	
			Петропавловское	
ВСЕГО		2891		1320

**Состав и численность начальных школ
в селениях Урала на 1 января 1894 г.¹**

	Губернии				Всего по Уралу
	Вят- ская	Перм- ская	Уфим- ская	Орен- бург- ская	
«Правильно организованные» начальные училища					
Многоклассные училища	1	1	–	–	2
Двухклассные училища, в т. ч.	22	40	13	6	81
– правительственные, обще- ственные и частные	9	38	12	5	64
– ведомства Синода	13	2	1	1	17
Одноклассные училища всех ведомств и разрядов, в т. ч.	847	810	376	630	2663
– Министерства народного просвещения	20	27	98	29	174
– земские	439	631	178	–	1248
– волостные и сельских об- ществ	–	–	–	63	63
– войсковые и казацкие	–	–	–	450	450
– частные и удельные	2	4	11	–	17
– ведомства Синода	383	141	83	77	684
– фабрично-заводские и жел.- дорожные.	3	4	2	11	20
Всего "правильно организо- ванных" начальных училищ	870	851	389	636	2746
«Неорганизованные» школы					
Магометанские	169	120	774	175	1238
Школы грамоты	464	414	103	156	1137
Всего "неорганизованных" школ	633	534	877	331	2375
Всего учебных заведений	1503	1385	1266	967	5121

¹ Составлена на основе: Начальное народное образование в России. СПб., 1900. Т. 2. С. 8, 182.

Динамика открытия правительственных, общественных и церковноприходских одноклассных училищ в селениях Урала в 1856–1893 гг.¹

Название губерний	Общее число открытых 1-класс. школ	правительственных		общественных		церковно-приходских	
		кол-во	уд. вес	кол-во	уд. вес	кол-во	уд. вес
Годы открытия школ							
Вятская							
1856–1863	46	1	22%	41	89%	4	8,7%
1864–1873	210	11	5,2%	176	83,8%	22	10,5%
1874–1883	154	6	3,9%	83	53,9%	64	41,5%
1884–1893	345	2	0,5%	47	13,6%	293	84,9%
Пермская							
1856–1863	24	–	–	24	100%	–	–
1864–1873	232	–	–	223	96,1%	7	3%
1874–1883	236	5	2%	245	9,5%	2	0,8%
1884–1893	232	6	2,6%	89	38,4%	132	56,9%
Уфимская							
1856–1863	10	2	20%	7	70%	1	10%
1864–1873	25	6	24%	13	52%	–	–
1874–1883	181	37	20,5%	108	59,7%	31	17,1%
1884–1893	153	53	34,6%	45	29,4%	51	33,3%
Оренбургская							
1856–1863	36	7	12,5%	48	85,7%	–	–
1864–1873	276	4	1,4%	268	97,1%	1	0,4%
1874–1883	123	10	8,1%	104	84,5%	6	4,9%
1884–1893	100	8	8%	18	18%	70	70%

¹ Составлена на основе: Начальное народное образование в России. СПб. 1900. Т. 2. С. 152.

Проценты подсчитаны нами.

**Сеть земских школ в Екатеринбургском уезде
Пермской губернии в 1886/87 уч. году¹**

Название школы	Год основания	Число учащихся			Из каких населенных пунктов обучались дети в школе (число дворов, расстояние до школы)
		мальчи-ков	девочек	Всего	
Седельни-ковская	дек. 1885	58	24	82	с. Седельниково, дд. Малая, Седельникова (216 дворов), 1,5 версты
Аятская	1870	55	35	90	с. Аятское, д. Корелы (465 дворов), 4 версты
Конево-Аятская	1875	44	26	70	сс.Конево, Киприно, д. Одина (465 дворов), 3–4 версты
Шайдуринская	1871	19	6	25	с. Шайдуринское, дд. Кунара, Пьянкова (332 двора), 6–7 верст
Багарякская	1871 (на базе церковно-приходской)	70	8	78	с. Багарякское, дд. Чупрова, Рябкова, Чертова, Жукова (465 дворов), до 3,5 версты
Боевская	1879	44	5	49	с. Боевское, дд. Мельникова, Гусева, Фадина, Пьянкова (482 двора), 0,5–3 версты.
Билимбаевская смешанная	1880	53	29	82	Билимбаевский завод (774 двора)
Билимбаевская женская	1887 (на базе заводской)		73	73	та же территория
Битимская	1874	44	27	71	дд. Битимка, Конова-лова, Макарова, Извезная, Черемша (413 дворов) 1– 2,5– 7 верст

¹ Составлено на основе: Статистические таблицы сведений по училищам Екатеринбургского уезда за 1885/6 год. Екатеринбург, 1886; Дополнения к статистическим таблицам по училищам Екатеринбургского уезда за 1885/6 и 1886/7 учебные годы / Сост.А.М. Шулятников, И.П. Селивановский. Екатеринбург, 1887.

Крыласов- ская	1881	17	16	33	д. Крыласова, Никити- на (161 двор)
Починков- ская	1882	33	3	36	дд. Починок, Елань (195 дворов), 7 верст
Косулинская	1880	28	9	37	с. Косулинское (196 дворов)
Бруснятская	1872	46	2	48	с. Бруснятское, дд. Измоделова, Носкова, Шипеловка (635 дворов), 1–3 версты
Кочневская	1872	48	18	66	с. Кочневское, дд. Кожевина, Кузина, Черноголяхина (314 дворов)
Булзинская	1872	62	12	74	с. Булзинское, дд. Малые Булзни, Бушуевка, Ближние Ключи, Дальние Ключи, Иткул (543 дворов), 1–4 версты
Быньговская	1881 (на базе заводской)	57	31	88	Быньговский завод (926 дворов)
Белоярская	1872	64	25	89	с. Белоярское, дд. Бутакова, Баженова, Большая деревня, Крутихина, Ялунина (556 дворов)
Мезенская	1872	75	11	86	с. Мезенское, дд. Гагарская, Боярская, Курманская (413 дворов), 2–4 версты.
Верх- Исетская	1870	70	–	70	Верх-Исетский завод
Ново- Алексеев- ская	1884	22	19	41	с. Ново-Алексеевское (58 дворов)
Решетская	1879	18	8	26	д. Решета (62 двора)
Верх-Нейвин- ская	1872 (с 1847 как церковно-при- ход.)	89	29	118	Вех-Нейвинский завод (714 дворов)
Тарасков- ская	1884	24	4	28	д. Тарасковка (230 дворов)
Верхнета- гильская	1882 (с 1869 как обществен.)	104	57	161	Верхнетагильский завод (784 двора)

Верхнеуфалейская муж.	1871 (с 1830 как заводская)	223		223	Верхнеуфалейский и Суховязский заводы (1208 дворов), 3 версты
Верхнеуфалейская жен.	1880		115	115	Та же территория
Воскресенская	1874	60	17	77	с. Воскресенское, дд. Воздвиженская, Знаменская, Клеопова, с. Тюбук (847 дворов), 6–10 верст
Глинская	1872 (с 1856 как церковно-приходская)	80	17	97	с. Глинское, дд. Ощепкова, Чепчугова, Сохарева, Голендухина, Першина, Точильный Ключ (609 дворов), 1–7 верст
Макаровская	1884	20	10	30	д. Макарова
Гробовская	с 1840 – Мин-ва гос. имуществ, передана земству	43	27	70	с. Гробовское (314 дворов)
Каслинская муж.	с 1835 – заводская, передана земству	283		283	Каслинский завод, (2014 дворов)
Коневская	1872 (с 1858 – как церковно-приходская)	64	12	76	с. Коневое, дд. Игиш, Трошкова (326 дворов), 2 версты
Юшковская	1872 (с 1860 – как церковно-приходская)	39	13	52	с. Юшковское, д. Слободчикова (363 двора), 3 версты
Куяшская	1871 (с 1858 – как церковно-приходская)	50	19	69	с. Куяш, дд. Темряс, Урукул, хутор Зубова и выселок Надыровского (539 дворов) 4, 15–30 верст
Метлинская	1872	19	8	27	с. Метлино (120 дворов)
Кыштымская муж.	1880 (на базе заводской)	122		122	Кыштымский завод (1716 дворов)
Кыштымская жен.	1878		118	118	та же территория
Нижнекыштымская	1883	33		33	Нижнекыштымский завод (360 дворов)

Леневская	1871	62	14	76	с. Леневское, дд. Старые и Новые Гривки, с.Клевакино, д. Гурина (682 двора), 5–10 верст
Липовская	1871	63	12	75	с. Липовское, дд.Глухарева, Соколова, Фирсова, Кучка (442 двора), 2–9 верст
Чернобров-кинская	1874	33	20	53	д. Чернобровкина (165 дворов)
Логиновская	1874-1877, с 1879	58	28	86	с. Логиновское, д. Марамино (382 двора), 2 версты
Брусаянская	1873 в1877-1880 закрыта	52	28	80	с. Брусаянское, д. Шишевка, 1 верста
Маминская	1873 (с 1858 Мин-ва гос. имуществ)	43	25	68	с. Маминское, д. Шиловская
Камышев-ская	1873 (с 1837 как церковно-приходская)	74	46	120	с. Камышевское, дд.Ключики, Златого-рова, Бутырки, Головырина, Черноусова, 1,5–7 верст
Сосновская	1873 (закрыта в 1878–1883)	30	19	49	с. Сосновское (184 двора)
Истокская	1870 (с 1856 церк.-прих., с 1859 – Мин-ва гос. имуществ, с1863 – Мин-ва нар. просвещения)	84	17	101	с. Истокское, дд.Старикова, Кобылина, Давыдова, Юлаш (559 дворов), 1–5 верст
Мостовская	1875	16	12	28	с.Мостовское (105 дворов)
Мраморская	1872	65	40	105	с. Мраморское, дд. Горнощитская, Раскуиха (252 двора)
Курганов-ская	1883	44	11	55	д. Курганова (150 дворов)
Невьянская муж.	с1828 завод-ская, затем земская	213		213	Невьянский завод (2 670 дворов)
Невьянская жен.	1849		168	168	та же территория

Нейво-Рудянская	1873	83	38	121	Нейво-Рудянский завод и прииски Столбянский, Листвинский, Копотинский
Нижнеисетская жен.	с 1840- х гг. завод., затем земская		83	83	Нижнеисетский завод, д. Елизавет
Нижнесельская	1879	50	26	76	с. Нижнесельское, дд. Трека, Каменка
Нижнеуфалейская	1871	122	42	164	Нижнеуфалейский завод (667 дворов)
Новоипатовская	1871 (закрыта в 1877- 1883)	54	8	62	с. Новоипатовское, д. Верх-Боевка (500 дворов), 7 верст
Огневская	1871 (с 1861 как церк.-прих.)	62	10	72	с. Огневское, д. Клепалова, Шадрята, Токарева (729 дворов), до 6 верст
Полевская муж.	1870 (на базе заводской)	229		229	Полевской завод (1117 дворов)
Полевская жен.	1872		128	128	та же территория
Покровская	1872	54	8	62	с. Покровское, дд. Часова, Малосмолина, Попова, Юрина (398 дворов), 2–5 верст
Смолинская	1872 (с 1871 как частная, священника)	37	24	61	дд. Смолино, Ключи, Перебор, Бекленищева (442 двора) 0,5–5 верст
Ревдинская муж.	1871 (с 1827 как заводская)	212		212	Ревдинский и Барановский заводы, дд. Починок, Сажина (1550 дворов)
Ревдинская жен.	1882		145	145	Ревдинский и Барановский заводы
Мариинская	1883	50	20	70	Мариинский завод, с. Красноярское (301 двор), 4 версты
Режевская муж.	1872 (с 1847 – церк.-прих., с 1856 –единоверческая)	160		160	Режевской завод, д. Кочнево (1012 дворов), 1,5 версты
Режевская жен.	1880		120	120	та же территория

Губернская	1881	67	4	71	д. Губернская (995 дворов)
Сарапуль- ская	1881	34	13	47	дд. Сарапулка, Стано- вая (166 дворов)
Сысертская	1874 (с 1828 как заводская)	157		157	Сысертский завод (1259 дворов), д. Кашина (165 дворов)
Верхнесы- сертская	1885	20	8	28	Верхнесысертский завод (50 дворов)
Северская	1870 (с 1850-х гг. как заводская)	91	82	173	Северский завод (419 дворов)
Кунгурская	1875	28	3	31	с. Кунгурское
Кособрод- ская	1881	24	23	47	д. Косой Брод (96 дворов)
Тиминская	1871	61	13	74	с. Тиминское д. Петухова, Белопа- шинцева, 1–3 версты
Уткинская	1880	44	30	74	с. Уткинское, д. Кузи- на (215 дворов)
Хромцов- ская	1873	42	19	61	с. Хромцовское, дд. Черемхина, Хохлы, Банникова (245 дво- ров), 1,5–2 версты
Чердынская	1873 (в 1877-1879 закрыта)	40	11	51	с. Чердынское, дд.Кадникова, Шайд- рова, Токарева (356 дворов), 1,5–3,5 версты
Черемисская	1872	84	34	118	с. Черемисское и 3 селения (3–10 верст)
Шайтанская муж.	1870 ? (с 1837 как заводская)	177		177	Шайтанский завод, д. Талица (846 дворов) 6 верст
Шайтанская жен.	1882		103	103	Шайтанский завод (825 дворов)
Шуралин- ская	1871	73	36	109	Шуралинский завод, д. Обжорина и приис- ки (387 дворов) 1–5 верст
Щелкунская	1872	72	14	86	с. Щелкунское, Ни- кольское (689 дворов), 5 верст
Абрамов- ская	1873–1877, с 1882	33	9	42	с. Абрамовское (190 дворов)

Школы Министерства народного просвещения в Пермской губернии в 1886/87 уч. году¹

ШКОЛЫ	Год основания	Число учащихся			Из каких населенных пунктов обучались дети в школе (число дворов, расстояние до школы)
		маль- чиков	дево- чек	Всего	
Арамилевская	1845 горнозаводская, с 1879 г. — МНП	64		64	с. Арамилевское, д. Большой Исток, (778 дворов), 2 версты
Березовская муж.	с 1807 горнозаводская, с 1879 — МНП	107		107	Березовский завод (1925 дворов)
Березовская жен.	с 1842 горнозаводская, 1879 — МНП		73	73	та же территория
Бобровская	1854, с 1879 — МНП	41	4	45	с. Бобровское, д. Поварня, Донок, Вьюхина (739 дворов), 2 версты
Горнощитская	1817 горнозаводская, 1879 — МНП	50		50	
Нижнеисетская муж.	1798 заводская, 1879 — МНП	109		109	Нижнеисетский завод
Пышминская	1807 горнозаводская, с 1879 — МНП	51	19	70	Пышминский завод (320 дворов)
Сысертская 2 классная	1880 заводская, 1882 — МНП	207		207	

¹ Составлено на основе: Статистические таблицы сведений по училищам Екатеринбургского уезда за 1885/6 год. Екатеринбург, 1886; Дополнения к статистическим таблицам по училищам Екатеринбургского уезда за 1885/6 и 1886/7 учебные годы / Сост. А.М. Шулятников, И.П. Селивановский. Екатеринбург, 1887.

Школы духовного ведомства, действовавшие в селах Пермской губернии в 1860 г.¹

Уезд	Села	Год открытия
Пермский	Лобановское	1864
	Никулинское	1847
	Слудское	1847
	Верхне-Чусовское	1849
	Усть-Сылвинское	1853
	Вереинское	1855
Верхотурский уезд	Тагильское	1860
Екатеринбургский уезд	Камышевское	1837
	Смолинское	1837
	Троицкое	1837
	Кочневское	1837
	Темное	1848
	Глинское	1856
	Коневское	1858
	Куяшское	1858
	Юшковское	1860
	Огневское	1860
	Багарякское	1860
Шадринский	Бакланское	1838
	Кривское	1846
	Теченское	1847
	Широковское	1847
	Соровское	1847
	Верхне-Антоновское	1849
	Верх-Теченское	1850
	Ключевское	1856
	Иванищенское	1857
	Бродокалмацкое	1858
	Полевское	1858
	Замараевское	1860
	Красномыльское	1860
	Песчанское	1860
	Прошкинское	1860
	Палкинское	1860
	Першинское	1860
	Барневское	1860
Камышловский	Пироговское	1856
	Прокопиевское	1856
	Знаменское	1856
	Сухояхское	1856

¹ Составлено по: Шишонко В. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879. С. 254-255.

	Черно-Коровское	1856
	Зыряновское	1858
	Ново-Пышминское	1859
	Захаровское	1859
	Беляковское	1860
	Вновь-Юрмытское	1860
	Поваренское	1860
Ирбитский	Баженовское	1846
	Подволошинское	1850
Красноуфимский	Алтыновское	1853
	Сокольское	1858
	Мостовское	1858
	Торговижское	1858
Оханский	Карагайское	1848
	Вознесенское	1851
	Дально-Дубровское	1852
	Частинское	1858
Осинский	Сепычевское	1859
	Комаровское	1858
	Устиновское	1858
	Крюковское	1858
	Смурыгское	1859
Кунгурский	Ключевское	1859
	Кинделинское	1858
	Сылвинское (Преображенское)	1858
	Комаровское	1859
	Сосновское	1860
Чердынский	Азовское	1860
	Покчинское	1853
	Янидорское	1855
	Губдорское	1858
	Цыдвинское	1860

Сеть сельских школ при единоверческих церквях Пермской губернии в 1860 г.¹

Уезд	Село	Название церкви	Год открытия
Пермский	Средне-Егвинское	Богородская	1847
	Русановское	Покровская	1847
	Филатовское	Иоанно-Богословская	1847
	Ильинское	Благовещенская	1847
	Сретенское	Троицкая	1848
	дер. Чезова	при часовне	1854
Верхотурский	дер. Язва		1859
	дер. Лайская		1859
Шадринский	Иванищенское	Покровская	1860
Оханский	Вознесенское	Васильевская	1834
	Григорьевское	Троицкая	1854
	Ситниковское	Петропавловская	1849
	Лузинское	Петропавловская	1853
Осинский	Стефановское	Георгиевская	1849
	Шагиртское	Вознесенская	1849
Соликамский	Пыскорское	Николаевская	—

¹ Составлено по: Шишонко В. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879. С. 255-256.

**Сеть церковноприходских школ Екатеринбургской епархии в
1893/94 уч. г.¹**

Наименование школы	Где находилась	Дата открытия
ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ УЕЗД		
1-й благочиннический округ		
Екатерининская	г. Екатеринбург при Екатерининском соборе	1887
Златоустовская	г. Екатеринбург при Свято-Духовской церкви	окт. 1888
Вознесенская	г. Екатеринбург при Вознесенской церкви	дек. 1887
Уктусская	с. Успенское при Спасо- Преображенской церкви	1867
Верх-Исетская (двухклассная с 1894/95)	в Верх-Исетском заводе при Успенской церкви	1 окт. 1893
2-й благочиннический округ		
Шарташская	с. Шарташское при Свято-Троицкой церкви	март 1886
Березовская	в Березовском заводе при Пророко-Ильинской церкви	1884
Ревдинская	в Ревдинском заводе при Михайло-Архангель- ской	20 окт. 1891
Красноярская	с. Красноярское	10 окт. 1892
Шайтанская	с. Шайтанское	1 окт. 1893
3-й благочиннический округ		
Клевакинская	с. Клевакинское при Флоро-Лаврской церкви	1 окт. 1888
Кипринская	с. Кипринское при Сретенской церкви	26 янв. 1886
Останинская	с. Останинское при Космо-Дамианской церкви	1 июля 1884
Шайтанская	с. Шайтанское при Пророко-Ильинской церкви	1885

¹ Составлено по материалам Екатеринбургских епархиальных ведомостей за 1895 г.

Мостовская	с. Мостовский прииск Мостовского прихода при Николаевской церкви	1887
Аромашковская	с. Аромашское при Петропавловской церкви	февр. 1887.
Черемисская	с. Черемисское	окт. 1893
4-й благочиннический округ		
Кашинская	д. Кашино приход Успенской церкви Сысертского завода	14 ноябр. 1888
5-й благочиннический округ		
Бруснятская	с. Бруснятское при Свято-Троицкой церкви	16 янв. 1887
Кисловская	с. Кисловское	7 марта 1886
Покровская	с. Покровское	27 янв. 1886
Темновская	с. Темновское при Николаевской церкви	2 марта 1886
Походиловская	д. Походилова Истокского прихода Свято-Троицкой церкви	1891/92 уч.г.
Черноусовская	д. Черноусова Камышевского прихода Георгиевской церкви	7 дек. 1892
6-й благочиннический округ		
Каслинская	Каслинский завод в приходе Успенской церкви	9 дек. 1891
Булзинская	с. Булзинское при Покровской церкви	27 янв. 1889
Юшковская	с. Юшковское при Космо- Дамиановской церкви	8 ноябр. 1888
Коневская	с. Коневское при Николаевской церкви	1888
Кабанская	с. Кабанское при Духо-Сошестввенской церкви	1885
Клепаловская	д. Клепаловская Огневского прихода	2 дек. 1886

ШАДРИНСКИЙ УЕЗД		
1-й благочиннический округ		
Соборная	г. Шадринск	апр. 1889
Николаевская	г. Шадринск при Николаевской церк- ви	окт. 1888
Погорельская	д. Погорелка прихода Шадринской Николаевской церкви	февр. 1888
Крутихинская	с. Крутихинское	ноябрь 1888
Нижнеярская	с. Нижнеярское	1885
Могильская	с. Могильское	окт. 1888
2-й благочиннический округ		
Черепановская	д. Черепанова Сладчан- ского прихода	окт. 1889
Житниковская	с. Житниковское	февр. 1886
Мехонская	с. Мехонское	окт. 1890
Бакланская	с. Бакланское	март 1888
Каргапольская	с. Каргапольское	сент. 1891
Песчано-Тавалжанская	с. Песчано-Тавалжанское	ноябрь 1884
3-й благочиннический округ		
Ольховская	с. Ольховское	1889
Ичкинская	с. Ичкинское	1891
Пеньковская	с. Пеньковское	1891
Катарацкая	с. Катарацкое	1890
Широковская	с. Широковское	1891
Далматовская	с. Далматовское при Успенском муж. монастыре	1887
Затеченская	д. Затеча прихода Далматовского села	1893
Верхнеярская	с. Верхнеярское	1887
4-й благочиннический округ		
Верхтеченская женская	с. Верхтеченское при Свято-Троицком женском монастыре	1887
Бродокалматская	с. Бродокалматское	1 окт. 1887
Песчанская	с. Песчанское	25 февр. 1888
Убиенская	д. Убиенная Галкинско- го прихода	12 окт. 1888
Бисерская	д. Бисеровой Першин- ского прихода	13 окт. 1888
Улугушская	с. Улугушское	26 сент. 1887

КАМЫШЛОВСКИЙ УЕЗД		
1-й благочиннический округ		
Камышловская	г. Камышлов при Покровском соборе	1891
Закамышловская	с. Закамышловское при Всех-Святской церк- ви	1888
Володинская	с. Володинское при Преображенской церкви	1886
Волковская	с. Волковское при Тихвинско- Богородицкой церкви	1872
Захаровская	с. Захаровское при Свято-Троицкой церкви	1889
Скатинская	с. Скатинское при Николаевской церк- ви	1888
2-й благочиннический округ		
Катайская-Богоявленская	с. Катайское при Богоявленской церк- ви	1887
Катайская-Троицкая	с. Катайское при Свято-Троицкой церкви	1888
Катайско-Ильинская	с. Плетневское при Ильинской церкви	1885
Зотинская	с. Зотинское при церкви	1891
Щербаковская	с. Щербаковское при церкви	1889
Черемховская	с. Черемховское при церкви	1885
Байновская	д. Байнова прихода церкви Камен- ского завода	1890
Грязнушинская	д. Грязнушинская Травянского прихода	1889
Горбуновская	д. Горбунова Колчеданского прихода	1889
Волковская	с. Волковское Травянской волости	1885
3-й благочиннический округ		
Знаменская	с. Знаменское при Знаменской церкви	1886

Куликовская	с. Куликовское при церкви	1884
Каменноозерская	при церкви Каменно- озерского села	1884
Мельниковская	д. Мельникова Кочнев- ский приход	1888
Прокопьевская	с. Прокопьевское	1893
Пришановская	д. Пришановая при церкви Кашинского села	1887
Мельниковская	д. Мельникова Кочнев- ского прихода	1888
4-й благочиннический округ		
Беляковская	с. Беляковское	5 дек. 1888
Печеркинская	д. Печеркина Юрьевского прихода	1888
ВЕРХОТУРСКИЙ УЕЗД		
Район Верхотурского отделения епархиального училищного совета		
1-й благочиннический округ		
Верхотурская	г. Верхотурье	30 ноябр. 1889
Меркушинская	с. Меркушинское	31 янв. 1890
Алапаевская	Алапаевский завод (бла- гочиния 2-го округа)	1887
Район Нижнетагильского отделения		
3-й благочиннический округ		
Нижнетуринская	Нижнетуринский завод	23 мая 1891 (как школа грамоты с 1 авг. 1890)
Верхнетуринская	Верхнетуринский завод	окт. 1888
Кушвинская	Кушвинский завод	окт. 1889
Баранчинская	Баранчинский завод	окт. 1889
Входо-Иерусалимская	Нижнетагильский завод	окт. 1890 (как школа грамоты с 18 март. 1890)
Алекса́ндро-Невская	Нижнетагильский завод	12 ноябр. 1889
Висимо-Шайтанская	Висимо-Шайтанский завод (с 8 янв. 1890 . по июнь 1891 — при Павло- Анатолиевском заводе)	14 сент. 1892

4-й благочиннический округ		
Верхнесалдинская	Верхнесалдинский завод	сент. 1889
Нижнесалдинская	Нижнесалдинский завод	16 сент. 1887
Луговская	д. Луговая Мурзинского прихода	14 июля 1890 (как школа грамоты с 13 окт. 1887)
Южаковская	д. Южакова Мурзинского прихода	13 окт. 1887
Район Богословского отделения		
5-й благочиннический округ		
Турьинская	селение Турьинские Рудники	1888
ИРБИТСКИЙ УЕЗД		
1-й благочиннический округ		
Горская	д. Горская Стригановского прихода	7 янв. 1888
Кирилловская	д. Кириллова прихода Ирбитской Сретенской церкви	2 окт. 1890
Ирбитская	г. Ирбит при детском убежище	сент. 1890 (как школа грамоты с 15 сент. 1890)
Иванищенская	д. Иванищева (переведена из с.Ключевского с 1893/94 уч.г.)	7 янв. 1890
Речкаловская	д. Речкалова Зайковского прихода	8 янв. 1891
Киргинская	с. Киргинское	2 окт. 1891
Зверевская	д. Зверева Подволощенского прихода	1886
Березовская	с. Березовское	1888
Харловская	с. Харловское	2 окт. 1890
2-й благочиннический округ		
Боровиковская	с. Боровиковское	20 окт. 1888 (как школа грамоты с 1886)
Шадринская	с. Шадринское	1888
Общино-Введенская	при Краснослободской женской общине	18 ноября 1892 (как школа грамоты с основания общины)
3-й благочиннический округ		
Покровская женская	с. Покровское	сент. 1889

Сеть школ грамоты Екатеринбургской епархии в 1893/94 уч. г.¹

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ УЕЗД		
1-й благочиннический округ		
Пышминская		
Владимирская		
Нижеисетская		
Казанско-Богородицкая	г. Екатеринбург	
1-я Березовская		
2-я Березовская		
2-й благочиннический округ		
Билимбаевская		1 янв. 1891
Решетская	Ново-Алексеевский приход	1891
Крылосовская		упоминается в 1891
Ново-Алексеевская		1892
Каменская	приход Уткинской слободы	1892
Пальниковская	д. Верхнейвинского прихода	1889
Фетьковская	Невьянский приход	1884
Быньговская	Быньговский завод	1891
Кочневская	Режевский приход	1892
4-й благочиннический округ		
Арамилевская	с. Арамилевское	1885
Бородулинская	Арамилевский приход	1885
5-й благочиннический округ		
Переборская	Смолинский приход	1892
Мало-Брусянская	с. Мало-Брусянское	1892
Гусевская	Мало-Брусянский приход	1892
Давыдовская	Истокский приход	1893
Гилевская	Больше-Брусянский приход	1885
6-й благочиннический округ		
Тубукская		1890
Ларинская		1872
Карабольская		1890
ШАДРИНСКИЙ УЕЗД		
1-й благочиннический округ		
Флоро-Лаврская	в городе	окт. 1892
Черемисская	Барневский приход	упоминается в 1888
Синицкая	Сухринский приход	упоминается в 1888
Мальцевская	Канашевский приход	упоминается в 1888

¹ Составлено по материалам Екатеринбургских епархиальных ведомостей за 1895 г.

Кокоринская	Канашевский приход	упоминается в 1888
Подкорытовская	Канашевский приход	30 апреля 1894
Иванищевская	при Богоявленской церк- ви	
Иванищевская	при Покровской церкви	
Сергевская	Красномыский приход	упоминается в 1892
Ячменевская		
Камышевская	Крестовский приход	
2-й благочиннический округ		
Изьедутинская		упоминается в 1887
Вороновская		упоминается в 1891
Ново-Никольская		4 окт. 1893
Качесовская	Соровский приход	
Коширцевская		
Титовская		
Вяткинская	Усть-Миасский приход	
Малышевская	Мехонский приход	
Мингалевская		
Симаковская	Макаровский приход	упоминается в 1892
Боровская	Кабанский приход	
Жарниковская		
Деминская		
3-й благочиннический округ		
Тропинская	с. Тропинское	1891
Дрянновская		
Топоривщеская		упоминается в 1891
Ольховско-Озерская		упоминается в 1891
Смолинская		
Портниковская	Смолинский приход	
Иоанно-Богословская		
4-й благочиннический округ		
Басказыкская	Верхтеченский приход	ноябрь 1888
Лобановская		
Шутихинская	Петропавловский приход	
Митькинская (Мало-Касаргульская)	Петропавловский приход	
КАМЫШЛОВСКИЙ УЕЗД		
Кокшаровская		упоминается в 1882
Пульниковская		
Трубинская		
Суворовская		
Летягинская		
Мясниковская		
Крестовская		
Черданцевская		
Вавило-Озерская		
Чикуновская		

Будлаковская		
Кашинская		
при Каменском женском монастыре		
Колчеданская	при женской общине	
Пироговская		упоминается в 1890
Клевакинская		упоминается в 1892
Никитинская		упоминается в 1892
Верхключевская		
Ново-Пышминская		упоминается в 1892
Филатовская		упоминается в 1886
Ирбито-Вершинская		
Калиновская		упоминается в 1888
Поварненская		
Темновская		
Барабинская		
Глуховская		
Байновская		
Мохиревская		
Кишинская		
Сизиковская		
Медведковская		
Зобницкая		
Первухинская		
Белояланская		упоминается в 1889
Пышминская		
Бубеньщиковская		
Совинская		
ВЕРХОТУРСКИЙ УЕЗД		
Район Верхотурского отделения Епархиального училищного совета		
Салтановская		упоминается в 1889
Титовская		
Усть-Салдинская		
Исаковская		
Пешковская	Коптеловский приход	
Ермаковская	Коптеловский приход	
Комаровская		упоминается в 1892
Тагильская		17 февраля 1894 ?
Вологинская		упоминается в 1892
Толмачевская		ноябрь 1894
Район Нижнетагильского отделения		
Кушвинская Сретенская единоверческая		
Нижнетагильская Выйско-Казанская		
Черноисточинская единоверческая		15 января 1894

Нижнетагильская	Выйско-Николаевская	
Хуторская		
Ключевская	Нижнетагильский завод	упоминается в 1891
Петрокаменская		упоминается в 1892
Мокроусовская	Башкарский приход	упоминается в 1890
Решевская		упоминается в 1891
Медведевская		15 сентября 1892
Район Богословского отделения		
Лялинская		
Всеволодоблагодатская		
Екатерининская		
Чернореченская		упоминается в 1890
Митяевская		
Лачинская		
Петровская		упоминается в 1891
Лопаяевская		упоминается в 1888
ИРБИТСКИЙ УЕЗД		
Мельниковская		
Юдинская		
Меныщиковская		
Черновская		
Першинская		
Занинская		
Липовская		
Сопегинская		
Далматовская		
Замираловская		
Карпунинская		
Игнатьевская		
Власовская		
Шанауринская		
Гуляевская		
Бичурская		
Егоршинская		
Мостовская		упоминается в 1891
Осинцевская		
Писанская		
Булановская		
Лебедкинская		
Липинская		
Лягушинская		
Руднянская		
Сарафановская		
Неустроевская		
Больше-Трифоновская		
Кочевкинская		
Азевская		

**Сеть мусульманских школ
в деревнях Пермской губернии в 1858 г.¹**

Уезд	Деревня	Число учеников
Красноуфимский уезд	Бакийковка	100 мальчиков
	Белянка	
	Ока	
Екатеринбургский уезд	Иткульская	224 мальчика
	Караболка	
	Карагайкуль	
	Сарина	
	Сиракульмекова	
Шадринский уезд	Борисова	480 мальчиков
	Исаева	
	Ичкина	
	Кунушакская	
	Курманова	
	Кызилбайская	
	Муслюмова	
	Новая	
	Серкина	
	Терсютская	
	Тулякова	
	Усманова	
Осинский	Акбашева	925 мальчиков, 502 девочки
	Аклушева	
	Барда	
	Березникова	
	Елпачиха	
	Ишимова	
	Ишменева	
	Канюкова	
	Красноярова	
	Кудашева	
	Куземярова	
	Мостовая	
	Ново-Ашапова	
	Ново-Бичурина	
	Сарашева	
	Султонаева	
	Таныкова	
	Тюндюкова	
	Уймужева	
	Федорова	
Пермский	Коянова	120 мальчиков, 53 девочки
	Култаева	

¹ Составлено по: Шишонко В. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879. С. 263-264.

**Удельный вес грамотного населения от 10 лет и старше в
уездах Урала (без городов) на 1897 г.¹**

Уезд	Число жителей	Грамотность
ВЯТСКАЯ ГУБЕРНИЯ		
1. Яранский	360.699	22,7
2. Нолинский	175.943	22,7
3. Вятский	167.200	22
4. Орловский	210.223	21,3
5. Слободской	203.599	20
6. Сарапульский	386.660	19,8
7. Елабужский	231.241	19,4
8. Малмыжский	277.262	18,3
9. Котельнический	272.509	18
10. Уржумский	284.775	15,8
11. Глазовский	365.078	11,8
ВСЕ УЕЗДЫ	2.935.189	19,4
ПЕРМСКАЯ ГУБЕРНИЯ		
1. Верхотурский	259.041	31,3
2. Пермский	227.762	30,2
3. Екатеринбургский	369.057	26,8
4. Красноуфимский	252.914	23,2
5. Кунгурский	122.048	21,7
6. Соликамский	221.454	21,3
7. Ирбитский	139.006	20,6
8. Осинский	316.707	19,1
9. Камышловский	239.918	17,3
10. Шадринский	298.427	17,1
11. Оханский	266.496	16,9
12. Чердынский	102.133	15,3
ВСЕ УЕЗДЫ	2.814.963	22,2
ОРЕНБУРГСКАЯ ГУБЕРНИЯ		
1. Троицкий	177.932	30,6
2. Верхнеуральский	212.150	28,9
3. Орский	192.928	28,8
4. Оренбургский	471.460	25,5
5. Челябинский	393.074	18,1
ВСЕ УЕЗДЫ	1.447.544	25
УФИМСКАЯ ГУБЕРНИЯ		
1. Мензелинский	372.429	24,2
2. Златоустовский	164.996	23,2
3. Белебеевский	427.344	21,3
4. Стерлитамакский	311.832	20,8
5. Уфимский	323.631	20,6
6. Бирский	489.107	17,8
ВСЕ УЕЗДЫ	2.089.339	21

¹ См.: Сафронов А.А. Различия в уровне грамотности населения городов и уездов Урала по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. // Историческая наука на рубеже веков: Статьи и материалы науч. конф., посвященной 60-летию исторического факультета Уральского госуниверситета им. А.М.Горького. Екатеринбург, 2000. С 370–379.

**Удельный вес грамотного населения от 10 лет и старше
в уездах Урала (без городов) на 1897 г.**

Уезд	Число жителей	Грамотность	Губерния
1. Верхотурский	259.041	31,3	Пермская
2. Троицкий	177.932	30,6	Оренбургская
3. Пермский	227.762	30,2	Пермская
4. Верхнеуральский	212.150	28,9	Оренбургская
5. Орский	192.928	28,8	Оренбургская
6. Екатеринбургский	369.057	26,8	Пермская
7. Оренбургский	471.460	25,5	Оренбургская
8. Мензелинский	372.429	24,2	Уфимская
9. Красноуфимский	252.914	23,2	Пермская
10. Златоустовский	164.996	23,2	Уфимская
11. Нолинский	175.943	22,7	Вятская
12. Яранский	360.699	22,7	Вятская
13. Вятский	167.200	22	Вятская
14. Кунгурский	122.048	21,7	Пермская
15. Орловский	210.223	21,3	Вятская
16. Белебеевский	427.344	21,3	Уфимская
17. Соликамский	221.454	21,3	Пермская
18. Стерлитамакский	311.832	20,8	Уфимская
19. Ирбитский	139.006	20,6	Пермская
20. Уфимский	323.631	20,6	Уфимская
21. Слободской	203.599	20	Вятская
22. Сарапульский	386.660	19,8	Вятская
23. Елабужский	231.241	19,4	Вятская
24. Осинский	316.707	19,1	Пермская
25. Малмыжский	277.262	18,3	Вятская
26. Челябинский	393.074	18,1	Оренбургская
27. Котельнический	272.509	18	Вятская
28. Бирский	489.107	17,8	Уфимская
29. Камышловский	239.918	17,3	Пермская
30. Шадринский	298.427	17,1	Пермская
31. Оханский	266.496	16,9	Пермская
32. Уржумский	284.775	15,8	Вятская
33. Чердынский	102.133	15,3	Пермская
34. Глазовский	365.078	11,8	Вятская
ВСЕ УЕЗДЫ УРАЛА	9.286.035	21,5	

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Чупин Н.К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Вып. 1. Пермь, 1882. С. 61.
- ² См.: Сафронова А.М. Документы об организации В.Н. Татищевым школ в слободах при горных заводах Урала в 20-х гг. XVIII в. // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 70–80; Она же. В.Н. Татищев как организатор первых государственных школ в слободах Урала в начале 20-х гг. XVIII в. // Летопись уральских деревень: Тезисы докладов региональной научно-практической конференции. Екатеринбург, 1995. С. 147–150.
- ³ Нечаев Н.В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. М., 1944. С. 56.
- ⁴ 100 лет горнотехнической школы на Урале. Свердловск, 1948. С. 19.
- ⁵ Юрьев В.П. Народное образование в Вятской губернии в царствование императрицы Екатерины II // Материалы к истории вятской гимназии по поводу ее столетия (1786—1886). Вятка, 1887; Нурминский С.А. Народные училища в Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. 1780—1880: Сборник материалов к истории Вятского края. Вятка, 1831. Т. 2. С. 659–738.
- ⁶ Мосин А.Г. Грамотность крестьян Вятской губернии в конце XVIII — середине XIX в. // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1988. С. 138–149.
- ⁷ Мозель Х. Материалы географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. СПб., 1864. Т. 2.
- ⁸ Шишонко В. Описание начальных народных училищ в уездах Екатеринбургском, Ирбитском, Шадринском, Камышловском Пермской губернии. Екатеринбург, 1876. Он же. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879.
- ⁹ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 248–262.
- ¹⁰ Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в до-реформенный период (80-е гг. XVIII в. — первая половина XIX в.). Пермь, 1992.
- ¹¹ Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. Екатеринбург, 2000. Ч. 1. С. 27.
- ¹² Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е гг. XIX в. М., 1994.
- ¹³ Елисафенко М.К. Земство и начальное образование на Урале (вторая половина XIX- начало XX в.). Автореферат канд. дисс. Екатеринбург, 1995.
- ¹⁴ См.: Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. Екатеринбург, 1996. С. 158–180.
- ¹⁵ Сафронов А.А. Различия в уровне грамотности населения городов и уездов Урала по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. // Историческая наука на рубеже веков: Статьи и материалы науч. конф., посвященной 60-летию исторического факультета Уральского госуниверситета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2000. С. 370–379.
- ¹⁶ ПСЗ. 1-е собр. СПб., 1830. Т. № 18103.
- ¹⁷ Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII — первая половина XIX века. Новосибирск, 1991. С. 9.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 272.
- ¹⁹ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1248. Л. 268.
- ²⁰ Там же. Оп. 12. Д. 210. Л. 39 об. — 40 об.
- ²¹ Там же. Д. 205. Л. 526–526 об.
- ²² См.: Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 66.
- ²³ Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 86, 85.
- ²⁴ Там же. С. 369, 376–377.

²⁵ См.: Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. Серия “Научное наследство”. М., 1990. Т. 14. С. 62–63. Далее цитируется по этому изданию.

²⁶ См.: Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937. С. 448, 488.

²⁷ См.: ПСЗ. 1-е собр. Т. 5. № 2778.

²⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 91–91 об.

²⁹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 621. Л. 126.

³⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 134.

³¹ Там же. Д. 4а. Л. 676 об.

³² Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 61 об., 71 об.–72.

³³ Там же. Л. 89 об., 115.

³⁴ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 989 об., 983 об.; Ф. 24. Оп. 1. Д. 20. Л. 313 об.

³⁵ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 625; РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1527. Л. 47 об.

³⁶ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 86 об.

³⁷ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 20. Л. 3–3 об.; Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 86–86 об.

³⁸ Там же. Д. 47. Л. 209.

³⁹ Там же. Ф. 24. Оп. 12. Д. 205. Л. 510 об.–511.

⁴⁰ Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.; Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 70 об.

⁴¹ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 138.

⁴² ПСЗ. Т. 7. № 4736; РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 5. Л. 180 об.

⁴³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 155–155 об.

⁴⁴ Там же. Д. 194. Л. 465–465 об.

⁴⁵ Там же. Л. 155–155 об.

⁴⁶ Горный журнал. 1831. Ч. 2. Кн. 5. С. 175–176.

⁴⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. Л. 662.

⁴⁸ Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 325; Ф. 24. Оп. 1. Д. 602, 625, 690, 694, 737, 762, 816, 857, 858, 906, 907, 952, 957, 1035, 1039, 1076, 1128, 2321.

⁴⁹ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 240; Д. 691. Л. 471–473 и др.

⁵⁰ Там же. Д. 625. Л. 76–77.

⁵¹ Там же. Д. 1076. Л. 238–244.

⁵² Там же. Д. 692. Л. 457–459.

⁵³ Там же. Л. 430–441.

⁵⁴ Там же. Д. 691. Л. 471–475.

⁵⁵ Там же. Д. 762. Л. 17–21.

⁵⁶ Там же. Д. 692. Л. 598.

⁵⁷ Там же. Л. 599–602.

⁵⁸ Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 325. Л. 1–6.

⁵⁹ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1248. Л. 13–25.

⁶⁰ Сафронова А.М. К истории народных училищ Урала второй половины XVIII в. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1975. С. 35; Юрьев В.П. Народное образование в Вятской губернии в царствование императрицы Екатерины II. Материалы к истории вятской гимназии по поводу ее столетия. (1786–1886). Вятка, 1887. С. 40–41.

⁶¹ Юрьев В.П. Народное образование в Вятской губернии... С. 13, 93.

⁶² Там же. С. 92.

⁶³ Нурминский С.А. Народные училища в Вятской губернии... Т. 2. С. 663.

⁶⁴ Мосин А.Г. Грамотность крестьян Вятской губернии в конце XVIII — середине XIX в. // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1988. С. 142.

⁶⁵ См.: Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. Екатеринбург, 2000. Ч. 1. С. 27.

⁶⁶ См.: ПСЗ. 1-е собр. Т. 22. № 16421.

⁶⁷ Юрьев В.П. Народное образование в Вятской губернии... С. 43.

⁶⁸ Там же. С. 15.

⁶⁹ Там же. С. 31, 34.

- ⁷⁰ Мосин А.Г. Грамотность крестьян Вятской губернии в конце XVIII — середине XIX в... С. 142–145.
- ⁷¹ См.: Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 391.
- ⁷² См.: Фаршхатов М.Н. Народное образование в Башкирии... С.16.
- ⁷³ См.: Башкортостан: Краткая энциклопедия. С.392.
- ⁷⁴ Фаршхатов М.Н. Народное образование в Башкирии... С.16–17.
- ⁷⁵ ЦГИА РВ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 2. Л. 22, 24 об., 36 об., 37, 40 об., 42 об., 52 об., 60, 60 об., 78 об., 80, 82 об., 99 и др.
- ⁷⁶ См.: Башкортостан: Краткая энциклопедия. С. 52.
- ⁷⁷ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. I. С. 330–339.
- ⁷⁸ Там же. С. 354–358.
- ⁷⁹ Свод законов Российской империи. СПб., Т.
- ⁸⁰ Устав сельских училищ в удельных имениях. СПб., 1828.
- ⁸¹ ПСЗ. 1-е собр. Т. 30. № 23122.
- ⁸² Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале ... С. 35–36.
- ⁸³ Там же. С. 37.
- ⁸⁴ Шишонко В. Описание начальных народных училищ в уездах ... С. 105.
- ⁸⁵ Фальборк П., Чарнолуцкий В. Народное начальное образование // Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Эфрона. СПб., 1893. Т. 20. С. 757.
- ⁸⁶ Мозель Х. Материалы географии и статистики России... Т. 2. С. 457–459.
- ⁸⁷ Волегов Ф.А. Хозяйственные записки по Пермскому имению графини Софьи Владимировны Строгановой, составленные в начале 1820 года // Пермский край. Пермь, 1893. Т. 2. С. 99–100.
- ⁸⁸ Калинина Т.А. Крепостная школа в вотчине Строгановых (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII – начало XX в.). Пермь, 1986. С. 26.
- ⁸⁹ Там же. С. 23.
- ⁹⁰ Там же. С. 21.
- ⁹¹ Там же. С. 16.
- ⁹² Мозель Х. Материалы географии и статистики России... Т. 2. С. 485–487.
- ⁹³ Шишонко В. Материалы для описания развития народного образования... С. 355–366.
- ⁹⁴ Там же. С. 253–256.
- ⁹⁵ История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 416.
- ⁹⁶ Нурминский С.А. Народные училища в Вятской губернии... Т. 2. С. 674.
- ⁹⁷ Мосин А.Г. Грамотность крестьян Вятской губернии в конце XVIII — середине XIX в.... С. 147.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. Ч. 1. С. 41–42.
- ¹⁰⁰ Мосин А.Г. Грамотность крестьян Вятской губернии в конце XVIII — середине XIX в. С. 148–149.
- ¹⁰¹ Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале... С. 38.
- ¹⁰² Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 2. С. 55.
- ¹⁰³ ПСЗ. 2-е собр. Т. 16. № 15037.
- ¹⁰⁴ Мосин А.Г. Грамотность крестьян Вятской губернии в конце XVIII — середине XIX в. С. 148.
- ¹⁰⁵ Журнал Министерства госимуществ. 1855. № 3. С. 41–42.
- ¹⁰⁶ ПСЗ. 2-е собр. Т.17. № 15794, 16248.
- ¹⁰⁷ Журнал Министерства госимуществ. 1843. № 2. С. 42–44.
- ¹⁰⁸ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 2. С. 251.

- ¹⁰⁹ Там же. С. 56.
- ¹¹⁰ Там же. С. 251–252
- ¹¹¹ Там же. С. 249.
- ¹¹² Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале... С.36.
- ¹¹³ Там же. С.37.
- ¹¹⁴ См.: Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т. 2. С.248.
- ¹¹⁵ Там же. С. 249.
- ¹¹⁶ Мозель Х. Материалы географии и статистики России... Т. 2. С. 479.
- ¹¹⁷ Там же. С. 479.
- ¹¹⁸ Там же. С. 469-470.
- ¹¹⁹ Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. Ч. 1. С. 49–50.
- ¹²⁰ Там же. С. 50.
- ¹²¹ Мосин А.Г. Книжная культура и рукописная традиция русского населения Вятского края (XVIII-середина XIX в.): Дисс.канд.ист. наук. Свердловск, 1966. С.
- ¹²² Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т. 2. С. 285.
- ¹²³ Там же. С.250.
- ¹²⁴ Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале...С. 38.
- ¹²⁵ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т. 2. С. 249.
- ¹²⁶ Там же. С. 253.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Там же. С. 255.
- ¹²⁹ Мозель Х. Материалы географии и статистики России... С. 470.
- ¹³⁰ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т. 2. С.249.
- ¹³¹ Шишонко В. Материалы для описания развития народного образования... С.366.
- ¹³² Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаева М.Ф. История педагогики. М., 1974. С.252-253.
- ¹³³ Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С.361.
- ¹³⁴ Начальное народное образование в России. СПб., 1900. Т.2. С.19.
- ¹³⁵ Фальборк П., Чарнолуцкий В. Начальное народное образование // Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Эфрона. СПб. 1893. Т. 20. С. 762.
- ¹³⁶ Пермская губерния // Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Эфрона. СПб. 1898. Т.23. С.333.
- ¹³⁷ Петров В.А. Вятское земское училище для подготовки учителей (1872–1880) // Уч. записки Кировского пед. института. 1958. Вып.12. С.154–172.
- ¹³⁸ Некоторые статистические данные о народных учителях Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1885. № 1. С.1–9.
- ¹³⁹ Сборник Пермского земства. 1885. № 4. С.95.
- ¹⁴⁰ Начальное народное образование. Т.2. С.53.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² Русское православие... С.364.
- ¹⁴³ ПСЗ. 3-е собр. СПб. 1877. Т. 7. № 2318.
- ¹⁴⁴ Начальное народное образование. Т. 2. С. 152–153.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ Там же. Т.3. С. 316–317.
- ¹⁴⁷ Там же. Т.2. С. 34.
- ¹⁴⁸ Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1895. № 23. С.695.
- ¹⁴⁹ Мозель Х. Материалы географии и статистики России... Т. 2. С. 430-431.
- ¹⁵⁰ Сборник Пермского земства. 1884. № 7. С. 124–126.
- ¹⁵¹ Статистические таблицы сведений по училищам Екатеринбургского уезда за 1885/6 год. Труды Статистического бюро при земской управе. Екатеринбург, 1886.

- ¹⁵² Русское православие: Вехи истории. С. 366–367.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1895. № 23. С. 566.
- ¹⁵⁵ Сборник Пермского земства. 1900. № 5–6. С. 1.
- ¹⁵⁶ Там же. 1901. № 1. С. 2–13.
- ¹⁵⁷ См.: Сборник Пермского земства. 1884. № 7. С. 121–123.
- ¹⁵⁸ Сафронова А.М. Воскресные школы // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 129.
- ¹⁵⁹ Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е гг. XIX в. С. 18, 58.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 62–64.
- ¹⁶¹ Там же. С. 63.
- ¹⁶² Там же. С. 65.
- ¹⁶³ Там же. С. 63.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 77–92.
- ¹⁶⁵ Шишонко В. Материалы для описания развития народного образования... С. 263–264.
- ¹⁶⁶ Начальное народное образование. Т. 2. С. 53.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 58.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 53.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 208.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 58.
- ¹⁷¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Т. 28. С.ХП.
- ¹⁷² Там же. Т. 45. С. 38–39.
- ¹⁷³ Начальное народное образование. Т. 2. С. 16.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 209.
- ¹⁷⁵ Сборник Пермского земства. 1885. № 4. С.93.
- ¹⁷⁶ Там же. 1884. № 1. С.5–6.
- ¹⁷⁷ Исследование положения начального народного образования в Вятской губернии с проектом школьной сети для введения всеобщего обучения. Вятка. 1900. Вып. 1. С. 62.
- ¹⁷⁸ Сборник Пермского земства. 1885. № 4. С.93.
- ¹⁷⁹ Журнал Министерства народного просвещения. 1904. № 7. С. 106.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 108.
- ¹⁸¹ Нурминский С. Статистические сведения о числе грамотных и неграмотных в православном и единоверческом населении Вятской губернии. Вятка. 1875. С. 2, 69.
- ¹⁸² См.: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956.
- ¹⁸³ См.: Сафронов А.А. Различие в уровне грамотности населения родов и уездов Урала... С. 371.
- ¹⁸⁴ Рашин А.Г. Население России за 100 лет. С. 293–297.
- ¹⁸⁵ См.: Сафронов А.А. Различие в уровне грамотности населения родов и уездов Урала...С. 372.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 377–378.
- ¹⁸⁷ Там же. 1901. № 1. С.1–9.
- ¹⁸⁸ Там же. 1901. № 6. С.120.
- ¹⁸⁹ Там же. 1884. № 7. С.119–120.
- ¹⁹⁰ См.: Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России. СПб., 1910. Т. 2. С.296–307.
- ¹⁹¹ В 1835–1867 гг. в Оренбурге действовало четырехгодичное училище земледелия и лесоводства. Оно в основном ориентировалось на прием юношей Оренбургского казачьего войска, но учились и крестьяне. Училище готовило агрономов и лесничих для Оренбургской пограничной линии. См.: Государственный архив Оренбургской области: Путеводитель. М., 1966. С.83.
- ¹⁹² Сборник статистических сведений... С.69–70, 84, 460–464.
- ¹⁹³ Сборник Пермского земства. 1900. № 2. С.89–101.
- ¹⁹⁴ Сборник статистических сведений... С.296, 462.

¹⁹⁵ Слудковская И.А. Начальные профессиональные школы на Урале во второй половине XIX в. // Развитие общего и профессионального образования на Урале. Пермь, 1981. С.43–44.

¹⁹⁶ См.: Сборник статистических сведений... С.68–87, 278–281, 290–295, 458–464. Возможно, некоторые ремесленные центры были закрыты в начале XX в. и в перепись 1910 г. не попали.

¹⁹⁷ Там же. С.292, 300.

¹⁹⁸ Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале... С. 26–27.

¹⁹⁹ Раменский А. Очерк народного образования в Пермской губернии в 1901 году. Пермь, 1903. С.8.

²⁰⁰ Там же. С.4.

²⁰¹ См.: Памятная книжка Уфимской губернии на 1873 г. Уфа. 1873. Ч.III. С.1-2.

²⁰² ГАСО. Ф.91.Д.4. 66.

²⁰³ Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 25-летие его существования. Оренбург, 1901. Вып. 2. С.15–16; Красноуфимск: Города нашего края. Свердловск, 1986. С.139.

²⁰⁴ Исторический очерк народного образования... С. 24.

²⁰⁵ Сборник статистических сведений ... С. 298.

²⁰⁶ Землемерные училища // Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.Д.Эфрона. Т. 23.

²⁰⁷ Учебные заведения. Полный сборник правил приема и программы. М., 1912.

²⁰⁸ Исторический очерк народного образования... С.7,21,23; Петров В.А. Вятское земское училище для подготовки учителей... С. 154–172.

²⁰⁹ Сборник статистических сведений... С.68–87.

²¹⁰ Там же. С.278, 292–300, 458–460; Слудковская И.А. Начальные профессиональные школы на Урале... С. 45.

²¹¹ Исторический очерк народного образования... С. 1, 18, 29. 35, 42–/43. 62-63 и др.

²¹² Там же. С.80–81.

²¹³ Там же. С.96–98.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Обучение детей крестьян в школах Урала в XVIII в.	
Причины заинтересованности крестьянских миров в распространении грамотности. Обучение детей в “домашних школах” (частных школах грамоты)	6
Привлечение детей приписных к заводам крестьян в горнозаводские школы Урала в первой половине XVIII в.	11
Дети крестьян в народных училищах Урала (1786—1800-е гг.). Контроль государства за деятельностью частных школ и его последствия	25
Мусульманские школы в селениях башкир и татар	29
Глава 2. Формирование государством сети начальных школ на селе в первой половине XIX в.	
Приходские училища Министерства народного просвещения, ведомства уделов и Синода	32
Влияние реформы государственной деревни П.Д. Киселева 1837—1841 гг. на распространение грамотности среди крестьян. Приходские училища Министерства государственных имуществ	41
Глава 3. Развитие сельской школы на Урале во второй половине XIX в.	
Влияние буржуазных реформ 60-х гг. XIX в. на развитие сети сельских школ. Виды школ, темпы их открытия и соотношение численности	49
Земские школы	52
Церковноприходские школы ведомства Синода	56
Школы грамоты и воскресные школы	59
Мусульманские школы в уральских селах башкир и татар	65
Соотношение числа учащихся различных видов сельских школ, учащейся и неучащейся молодежи на Урале в конце XIX в.	68
Причины ухода детей из школ до окончания срока обучения	71
Грамотность крестьян Урала во второй половине XIX в.	74
Вопрос о введении всеобщего начального обучения	74
Обучение детей крестьян в профессиональных школах Урала, повышенных начальных и средних учебных заведениях	77
Приложения	85
Источники и литература	113

Учебное издание

Сафронова Алевтина Михайловна

**СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА НА УРАЛЕ
В XVIII — XIX вв.
и распространение грамотности среди крестьян**

Редактор *Т.Ларина*
Корректор *Н.Зайцева, З.Черепанова*
Компьютерная верстка *Я.Недвизга*

Независимый Институт истории материальной культуры:
620109, г. Екатеринбург, В—109, а/я 65.
Тел.: 29-87-74, факс: 29-77-31
E-mail: logunov@online.ural.ru

Изд. лиц. ИД № 04401 от 26.03.01.
Подписано в печать 30.06.02. Формат 60х84 ¹/₁₆.
Бумага *Гознак Сору*. Гарнитура *SchoolBook*. Печать офсетная.
Уч. печ. л. 6,97. Уч.-изд. л. 6,07. Тираж 25000.
Заказ 1005.

Отпечатано в ГОУП «Каменск-Уральская типография».
623400, Свердловская обл., г. Каменск-Уральский,
ул. Ленина, 3.